ПОЛОЦКІЙ
ЛѢТОПИСЕЦЪ

ПОЛОЦКІЙ ЛѢТОПИСЕЦЪ

Историко-литературный журнал

№ 1

Полоцк

1992

Основатель и редактор
Л. Ф. Данько

Полоцкий летописец. Историко-литературный журнал, № 1.
— Полоцк, 1992—120 с.

**Издано за счёт средств
МПКП «ДИАНА», г. Новополоцк.**

Первый номер издания подготовлен
в 1991 году.

Заказ изд.

Без объявл.

© Полоцкий летописец.
№ 1, 1992 г.

К ЧИТАТЕЛЮ

Итак, читатель, Вы открыли первую страницу нашего издания — историко-литературного журнала «Полоцкий летописец». Он посвящен истории и культуре Полоцкой земли, ее легендам и преданиям, но все материалы, опубликованные здесь, носят, как правило, далеко не легендарный характер: они основаны на реальных, конкретных фактах, зафиксированных в разное время. Стиль публикаций приближен в большинстве случаев к научному, что несколько, возможно, затрудняет восприятие, но именно такие материалы наиболее информативны.

Наш журнал называется «Полоцким летописцем», но это вовсе не означает, что мы ограничиваемся только описанием и изучением истории одного города Полоцка и района, ведь в состав Полоцкого княжества входили и Минск, современная столица Белоруссии, и Витебск, центр нынешней области, а также Браслав, Лукомль, Логойск, Изяславль (современный Заславль), Друцк, Герцике и Кукенойс, другие города и поселения. Полоцкое княжество было в свое время крупнейшим государственным формированием в Восточной Европе, и мы надеемся в дальнейшем в наших публикациях отразить как можно больше событий, проходивших на его территории, т. е. на территории Северной Белоруссии.

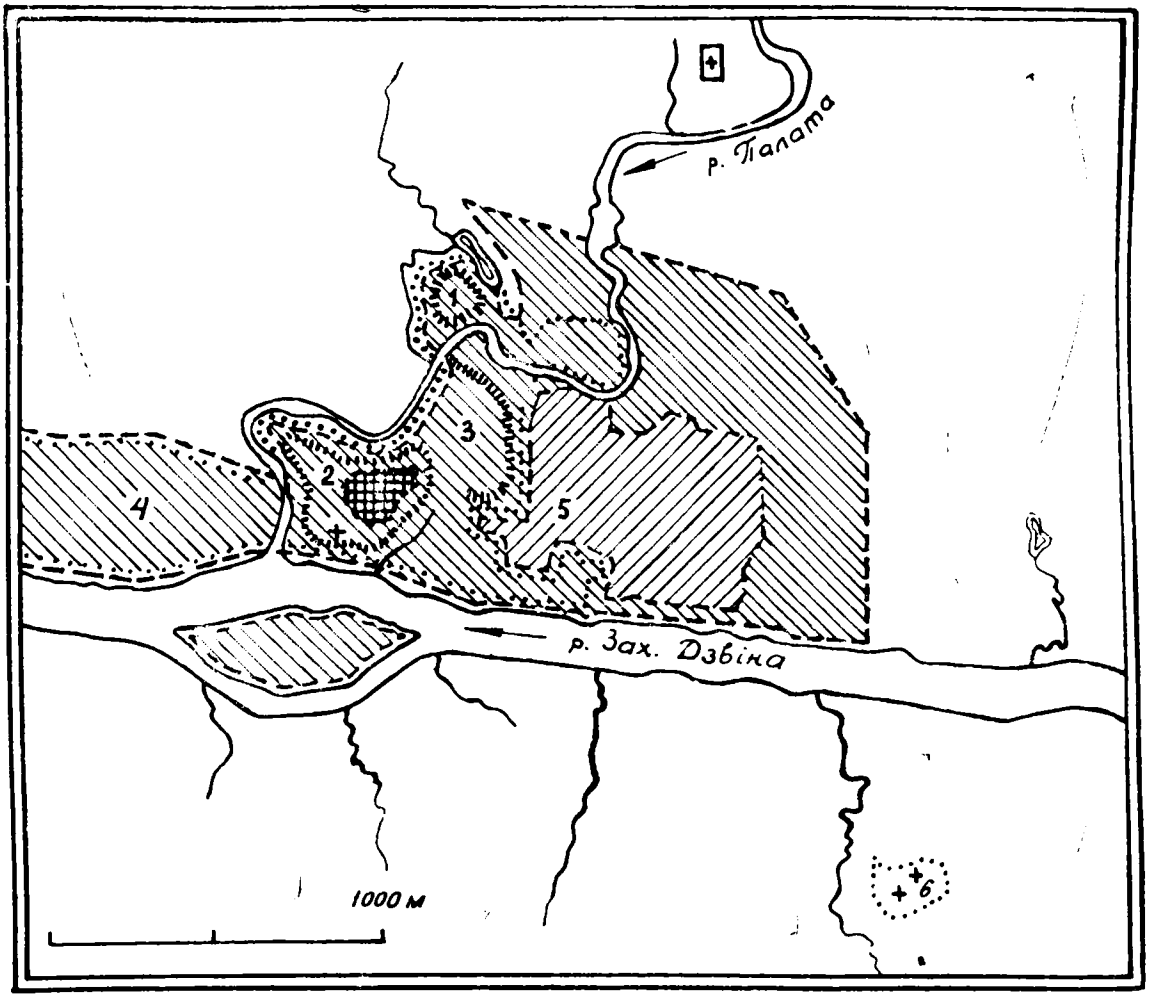
Несомненно, в статьях нашего издания отразятся убеждения и культурная ориентация авторов, подчас разные, но мы тем не менее будем и в дальнейшем публиковать такие работы для их разбора, анализа — а при наличии серьезной критики такого рода публикаций — и саму критику. Ведь только в споре, как известно, рождается истина, и при нынешнем состоянии исторической науки это просто необходимо, чтобы попытаться найти хотя бы относительно верные пути ее развития.

История Полоцкой земли настолько богата и насыщена событиями, что, нам кажется, настало время посвятить ей не только разрозненные публикации, а попытаться собрать воедино, если только это вообще возможно, все факты и сведения, документы и материалы, как это в свое время попытался сделать, и далеко не безуспешно, известный историк Полоцчины и Витебщины А. П. Сапунов в своей «Витебской...» и «Полоцко-Витебской старине».

В подзаголовок нашего журнала вынесено название: «историко-литературный». Да, Вы не ошиблись — это именно так. В нем присутствует литературный отдел. Мы считаем, что литература — это неотъемлемая часть нашей культуры, и не открываем в этом ничего нового. Думаем, что можно попытаться совместить одно с другим — литературу и сугубо специальные исторические материалы. В литературной части мы надеемся публиковать работы полоцких поэтов и прозаиков, либо художественные произведения, так или иначе связанные с историей нашей земли. Литературный отдел будет представлен не только литераторами современными, но и литераторами прошлого. При этом направленность современных произведений вовсе не будет определена исторической темой. Поэтому каждый автор литературного отдела волен определить, что он хочет сказать читателю. Литературная часть первого номера представлена стихами Ю. Костюка, Леры Сом, Н. Литвиновой, Ядвиги Двинской и др. Значительное место занимает проза и поэзия участников литературного объединения «Полоцкая ветвь».

В журнале будут соблюдаться принципы билингвизма, будет присутствовать как белорусский, так и русский язык. Автор сам волен выбрать для себя тот язык, на котором он хотел бы увидеть свою публикацию. Никаких ограничений в этом отношении быть не может и не должно.

Приглашаем всех желающих принять участие в подготовке следующих номеров журнала. Мы также учтем все пожелания и замечания. Обращаться можно по адресу: 211409, г. Полоцк-9, а/я № 28.



РАСПАУСЮДЖАННЕ КУЛЬТУРНАГА СЛОЯ г. ПОЛАЦКА ПА АРХЕАЛАГІЧНЫМ МАТЭРЫЯЛАМ І ДАДЗЕНЫМ ІНЖЫНЕРНА-ГЕАЛАГІЧНАГА СВІДРАВАННЯ

- ЗОНА КУЛЬТУРНАГА СЛОЯ ДА 4-6М
- ЗОНА КУЛЬТУРНАГА СЛОЯ БОЛЕЙ 2М
- ЗОНА КУЛЬТУРНАГА СЛОЯ ДА 2М
- МЕЖЫ АРХЕАЛАГІЧНАГА ЗАПАВЕДНІКА

1 – ПЕРШАПАЧАТКОВАЕ ГАРАДЗІШЧА
2 – ВЕРХНІ ЗАМАК
3 – НІЖНІ ЗАМАК
4 – ЗАПЛОЦЦЕ
5 – ВЯЛІКІ ПАСАД
6 – БЕЛЬЧЫЦЫ

С. В. ТАРАСАЎ (Мінск)

НОВАЕ У АРХЕАЛОГІІ ПОЛАЦКА

Полацк — адзін з найстарадаўніх гарадоў на тэрыторыі Усходняй Еўропы і самы старажытны ў Беларусі — упершыню прыгадваецца ў летапісах пад 862 г. па Н. Х. Гэты горад на працягу многіх стагоддзяў быў цэнтрам буйнейшага княства-дзяржавы — Полацкай зямлі, якая па сваіх сацыяльна-эканамічных функцыях была роўнай такім дзяржавам, як Кіеўская і Ноўгарадская землі.

З пачатку XX ст. у Полацку праводзяцца археалагічныя доследы, якія толькі з канца 20-х гадоў набылі планамерны характар. Паміж даследваннямі варта адзначыць працы археолагаў А. Ляўданскага, А. Мітрафанава, Л. Аляксеева, М. Каргера, Г. Штыхава, Валянціна і Васілія Булкіных[1]. Пасля амаль пяцігадовай пярэрвы, у 1986 г. у Полацку аднавіліся археалагічныя доследы навуковай групаю Інстытута гісторыі АН БССР пад кіраўніцтвам аўтара.

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца не толькі пазнаёміць чытачоў з новымі цікавымі археалагічнымі адкрыццямі ў гістарычнай зоне старажытнага Полацка, увесці ў навуковы зварот адпаведныя матэрыялы, але і паставіць некаторыя пытанні аб перадумовах узнікнення і агульных заканамернасцях развіцця сярэднявечнага феадальнага горада. З гэтай мэтай мы адыйдзем ад схемы апісання археалагічных прац па гадах (г. зн. 1986—1991), але будзем прытрымлівацца этапаў развіцця тапаграфічнай структуры Полацка. Дадзеныя этапы непасрэдна звязаны з тым ці іншым археалагічным помнікам на тэрыторыі горада, які даследаваўся намі ў адзначаны тэрмін.

Найстарадаўнім помнікам Полацка, месцам, адкуль горад пачынаў сваё гістарычнае існаванне, з'яўляецца гарадзішча. Яно неаднойчы даследавалася археалагічна. Матэрыялы апошніх раскопак дазволілі вызначыць, што старадаўні славянскі горад узнік на месцы папярэдніка — гарадзішча дняпрадзвінскай балцкай культуры першай паловы I тыс. па Н. Х[2]. У цяперашні час гарадзішча знаходзіцца на мысе выспавага тыпу, які абакружан з поўдня руслом ракі Палаты, а з поўначы, захада і ўсхода — старкаю дадзенай ракі. Плошча гарадзішча складае каля 0,85 га. Як вядома, неабходнай умоваю класіфікацыі ўмацаванага паселішча ў якасці горада з'яўляецца наяўнасць акрамя замка (гарадзішча) рамеснага пасадскага паселішча — вакольнага горада. Яно было знойдзена Г. Штыхавым на правым беразе р. Палаты ў 1978 г. Але нязначныя памеры рамеснага пасада (паселішча) — каля 0,3 га — дазволілі дапусціць, што дадзенае паселішча не з'яўляецца асноўным для Полацка IX—X ст.ст. Тым не менш, усе спробы знайсці сляды адначасовага гарадзішча вакольнага горада за межамі паселішча на правым беразе Палаты былі безвыніковымі.

У 1986 г. на тэрыторыі так званага Ніжняга замка (левы бераг р. Палаты) былі праведзены даследаванні з мэтаю вывучэння характару культурных напластаванняў[3]. Іх вынікам стала вызначэнне шуканага паселішча IX—X ст.ст. плошчаю каля 5—6 га. Дзеля таго каб зразумець, наколькі нечаканаю была дадзеная знаходка, варта сказаць, што плошча Ніжняга замка даследавалася неаднойчы, але матэрыялаў раней X—XI ст.ст. знойдзена не было. Акрамя таго, дадзеная тэрыторыя аддзелена ад старадаўняга гарадзішча руслом Палаты. Перапад вышынь ад узроўню пляцоўкі гарадзішча і Ніжняга замка да ўзроўню вады ў рацэ — 21—26 м, што з'яўлялася б натуральнай перашкодаю для старадаўніх палачанаў. Падзел жа ўмацаванага цэнтра і паселішча ў IX—X ст.ст. падобнаю перашкодаю прынцыпова не характэрны для ўсходнееўрапейскіх гарадоў. Чаму замак і пасад апынуліся падзеленымі ракой?

Стратыграфія культурных напластаванняў на Ніжнім замку часткова адказвае на гэтае пытанне. Агульная магутнасць культурнага слою тут вагаецца ад 1,0 да 2,0 м. Прычым, найбольшая яго таўшчыня належыць стратыграфічна парушанаму слою, у якім сустракаюцца матэрыялы ад X да XX ст. Але большая палова знаходак — XV—XVI стст. Звяртае ўвагу тое, што па ўсёй даследаванай плошчы Ніжняга замка на глыбіні ад 0,6 да 1,5 м ад дзённай паверхні быў зафіксаваны слой гліны, які месцамі дасягаў таўшчыні 0,8 і нават 2,0 м (раскопкі 1991 г.). Менавіта пад гэтаю глінаю захаваўся непашкоджаны слой IX—X стст. з лепным і раннекружальным посудам, абсалютна аналагічным посуду старадаўняга Полацкага гарадзішча. Папярэднія даследчыкі дадзеную гліняную праслойку прымалі за мацярык, у выніку ча-

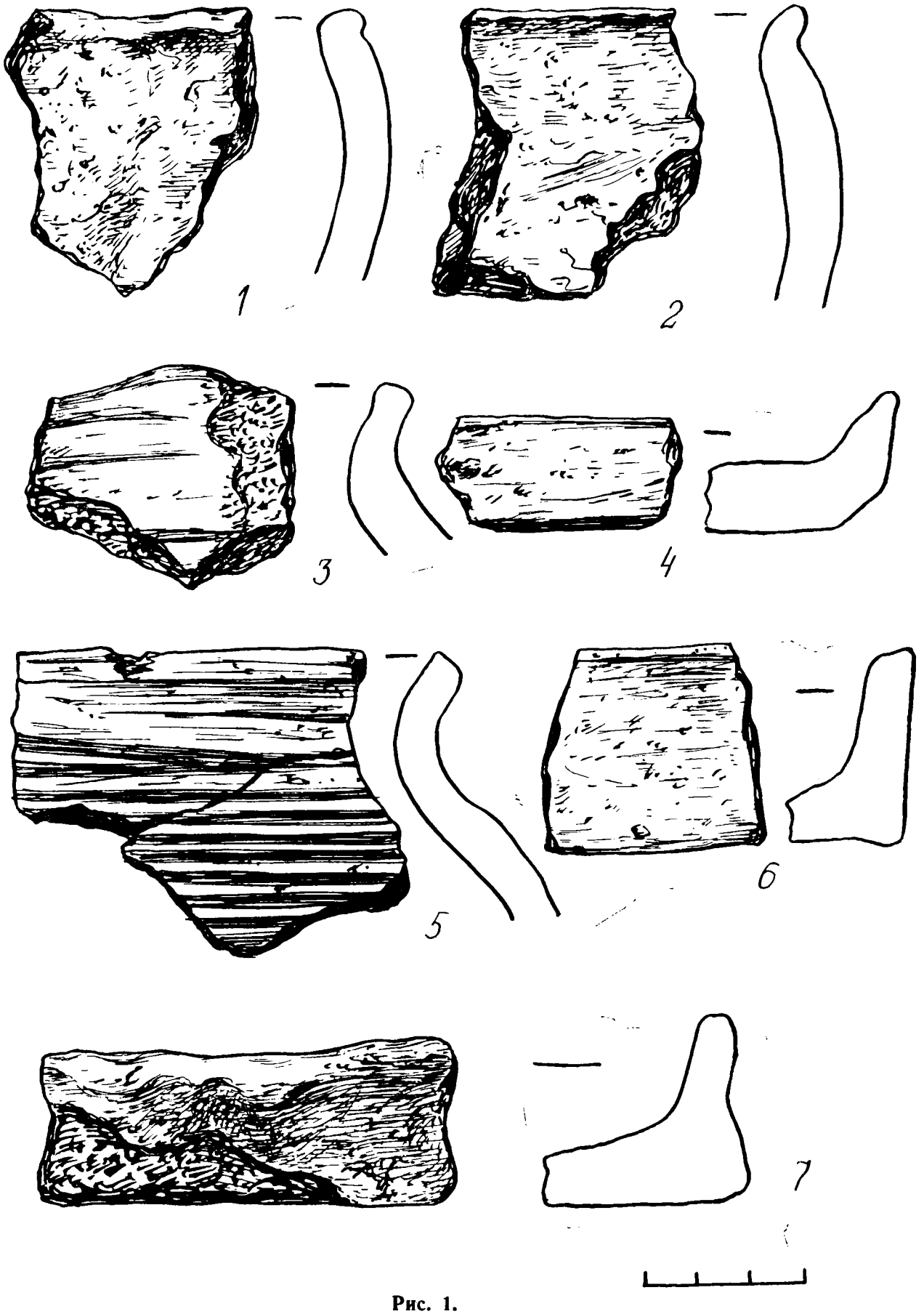


Рис. 1.

го напластаванні IX—X стст. заставаліся нявывучанымі.

Паходжанне глінянай праслойкі, на наш погляд, тлумачыцца будаўніцтвам у сярэдзіне XVI ст. на месцы даўняга паселішча ўмацаванага замка — Ніжняга. Тут, пасля захопу Полацка ў 1563 г., маскоўскі цар Іван IV пасяліў сваіх стральцоў[4]. Мацерыковай глінаю былі насыпаны валы новага замка і знівіліравана яго пляцоўка. Гліну ж бралі з вузкай змычкі, якая калісьці злучала паселішча з гарадзішчам. (Сляды гэтай працы былі знойдзены археалагічна пад час раскопак 1990 г.) Тое было зроблена з мэтаю, каб пракапаць новае русло Палаты і такім чынам палепшыць фартыфікацыйныя якасці новага замка. Па плошчы Ніжні замак практычна супаў з паселішчам IX—X стст., што было абумоўлена палеатапаграфіяй дадзенай мясцовасці: з поўдня і ўсходу яна абмяжоўвалася ручаінамі і ярамі, а з поўначы і захаду — руслом Палаты. Культурны слой IX—X стст. і сляды наносных рачных адкладанняў былі знойдзены пад валам замка ў 1987 і 1991 гг. Толькі перапланіроўкаю дадзенага паселішча можна, на наш погляд, растлумачыць факт знаходкі ў 1984 г. залатога рэчавага скарба X ст. з 6 прадметаў (грыўня, бранзалеты)[5]. Скарб быў знойдзены практычна пад дзярнінаю пад час работ на полі спартыўнага стадыёна, які зараз размяшчаецца на ўнутранай пляцоўцы Ніжняга замка.

Такім чынам, знаходка паселішча IX—X стст. на левым беразе Палаты дазваляе істотна дапоўніць погляд на першыя стагоддзі існавання Полацка як горада. Няма падстаў сумнявацца ў тым, што першапачатковае полацкае гарадзішча было не выспавага, але мысовага тыпу, абакружанае з трох бакоў водамі ракі. Старое перасыпанае русло да гэтых часоў захавалася ў выглядзе старкі, якая абкружае гарадзішча. У IX ст. Полацк пачаў развівацца па веерна-радыяльнай сістэме, характэрнай для многіх славянскіх гарадоў. Вызначэнню горада адпавядалі і яго першапачатковыя памеры.

Цікава такая дэталь. У 1988 г. пры геафізічных абследаваннях электраразведкаю паўднёвага краю пляцоўкі старога гарадзішча быў адзначаны перарыўны характар вала з гэтага боку. Дадатковыя даследаванні дазволяць адказаць на пытанне: ці быў вал знішчаны ў выніку выкапа новага русла ракі, ці знік пад час натуральнага разбурэння пасля фартыфікацыйных работ XVI ст.

Адным з дрэнна вывучаных да сённяшняга часу пытанняў было пытанне аб памерах і характары полацкіх гандлёва-рамесных пасадаў. За выключэннем невялікіх раскопак на Запалоцці, на Востраве і назіранняў за будаўнічымі работамі на тэрыторыі былога Вялікага пасада, буйных планамерных даследаванняў тут не праводзілася. У 1986 г. на Запалоцці намі было закладзена два раскопа плошчаю 60 і 170 кв. м. Раскоп № 1 вырашыў задачу высвятлення характара культурных напластаванняў і забудовы дадзенага пасада, храналогіі першага засялення. Раскопам № 2 удалося вывучыць старадаўнюю абарончую сістэму Запалоцця, якая складалася з абарончых сцен і рова, а таксама памеры самога гандлёва-рамеснага пасада.

Раскоп № 1 быў закладзены ў цэнтральнай частцы Запалоцця побач з раскопам Г. Штыхава 1980 г. Магутнасць культурнага слоя ў сярэднім склала 0,8 м. Слой моцна перамешаны, сапсаваны перакопамі і познімі ямамі, у выніку чаго ў некранутым выглядзе захаваўся толькі ў перадмацярыку і мацярыковых ямах. Керамічны посуд вызначаецца вялікай разнастайнасцю. Сярод 5505 фрагментаў керамікі 1046 (або 19%) складалі храналагічна вызначальныя венчыкі гаршкоў. З іх XI—XIII стст. — 24,2%. З мацярыковых ям было сабрана 117 венчыкаў, з іх XI—XII стст. — 58 экз., XII—XIII стст. — 15 экз. Гэта дазволіла зрабіць выснову, што большасць мацерыковых ям (11 з 13) належаць да часу раней XIV ст. Траншэяпадобныя мацерыковыя ямкі даўжынёй 4,0—6,0 м, якія змыкаюцца са слупавымі ямамі, з'яўляюцца рэшткамі каркасна-слупавой канструкцыі наземнага жытла. Аб гэтым сведчыць і знаходка ў адной з ям развала печы-каменкі. Тут было знойдзена 80 фрагментаў гліняных гаршчкоў XI—XIII стст., фрагмент донца з клеймам, каменны тачыльны брусок, XII—XIII стст. датуюцца і самі пабудовы.

Самым буйным гандлёва-рамесным пасадам Полацка X—XVII стст. быў Вялікі пасад. Ён размяшчаўся на ўсход ад умацаваных замкаў і фактычна з'яўляўся працягам узбуйніўшагася старадаўняга паселішча IX—X стст. У XII—XIII стст. агульная плошча гэтага пасада складала болей 50 га. У 1987 г. тут былі распачаты і ў 1988 г. скончаны буйнамасштабныя археалагічныя даследаванні. Агульная плошча археалагічнага раскопа ў самым цэнтры Вялікага пасада (сучасная пл. Леніна) склала каля 1100 кв. м пры магутнасці культурнага слоя да 3,0 м. Стратыграфічныя напластаванні пасада падзяляюцца па характару слоя на чатыры часткі і перадмацярык. Верхні слой XIX—XX стст. фактычна складаецца з баласта з утрыманнем характэрнай бітай цэглы, пяска, ашфальту і рэштак драўляных пабудоў. Слой-2 — шэра-карычневага колеру з крапінамі гліны і парахні — адносіцца да XVII—XVIII стст. Тут у вялікай колькасці знойдзена пячная кафля, металічныя абуткавыя падкоўкі, вырабы са скуры, паліваны і непаліваны посуд. Слой-3 — інтэнсіўнага чорнага колеру — датуецца XIV—XVI стагоддзямі. У ім знойдзена характэрная будаўніча-дэкаратыўная кераміка (квадрыфольныя без таварнай пласціны каф-

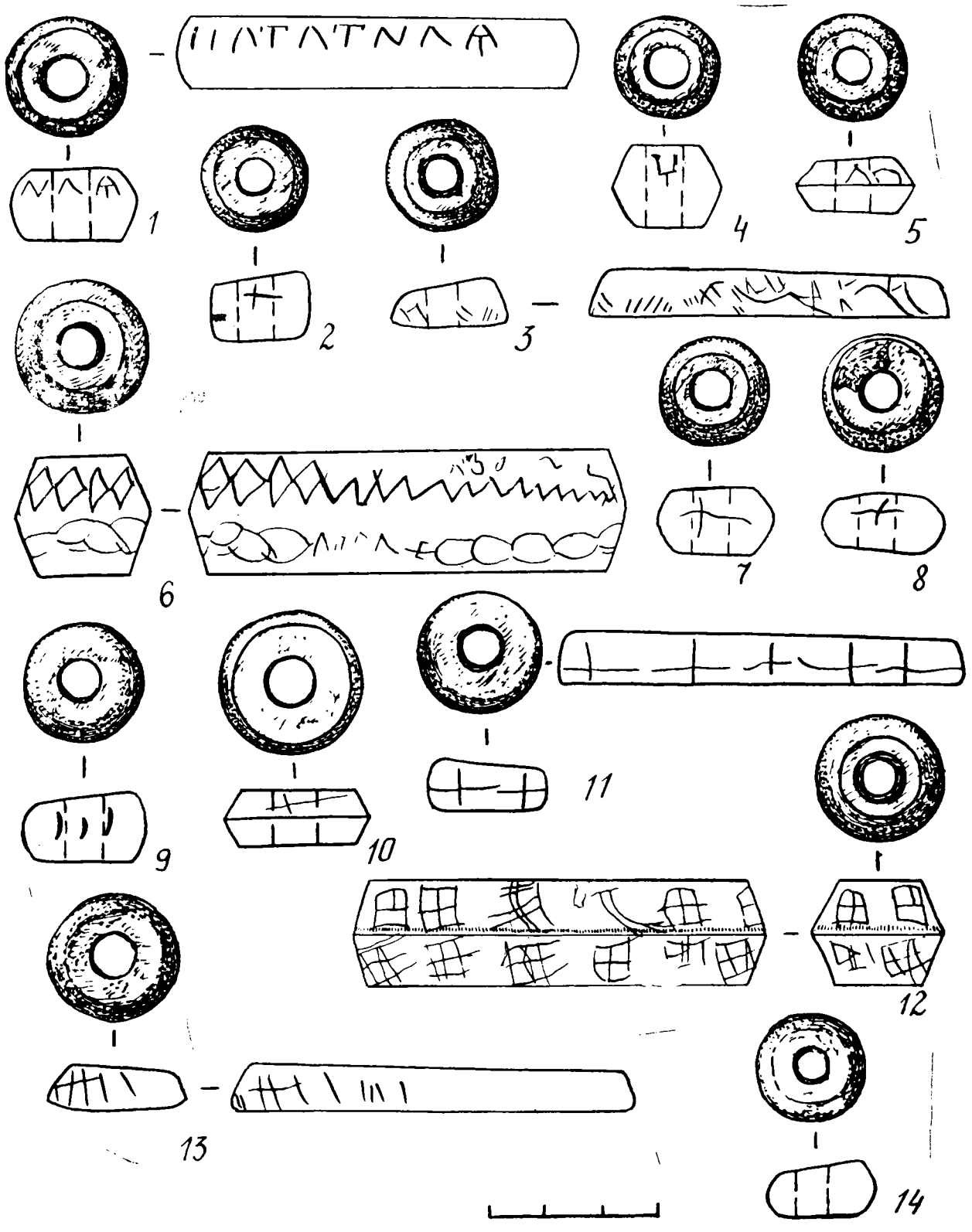


Рис. 2.

лі, складанаўзорныя падложныя пліткі), характэрны ганчарны посуд з валікападобным адагнутым вонкі венчыкам, кароткай шыйкай і часта аздобленым у выглядзе рэбра плечыкам. Гаршчкі раздзьмутыя, акруглыя. Слой-4 мае спецыфічны карычневы колер, які ўтварыўся ў выніку дамесак гною і трэсак. Датуецца XII—XIII стст. У дадзеным слоі добра захоўваюцца драўляныя канструкцыі, арганічныя рэшткі. Тут знойдзены тыповыя для ўсходнеславянскіх гарадоў вырабы: двухбаковыя касцяныя грабеньчыкі, шыферныя праселкі, розныя шкляныя пацеркі, вырабы з бурштыну, метала, тыглі для плаўкі каляровых металаў, сопла металургічных горанаў. Перадмацярыковы слой — светла-шэрага, часам зеленаватага колеру — вельмі няроўны па магутнасці. У гэтым слоі прысутнічае ў асноўным раннекругавы ганчарны посуд і ў нязначнай колькасці ляпны посуд (каля 3% ад агульнай колькасці ганчарнага посуду гэтага слою), аднабаковыя касцяныя грабянцы, грушападобныя прывескі-бубенцы з крыжападобнай прарэзкаю, характэрныя для X—XI стст. пацеркі-лімонкі, вочкавыя і рабрыстыя пацеркі. Дадзеныя вырабы добра вядомы па матэрыялах Скандынаўскіх краін, а таксама Ноўгарада, Пскова, курганоў Смаленска. Мацярык — светлы, насычаны вадою суглінак.

Пры вывучэнні культурных напластаванняў Вялікага пасада было адзначана тры будаўнічыя гарызонты. Першы адносіўся да XVII—XVIII стст. і ўяўляў сабою рэшткі звычайнай гарадской забудовы, фрагменты падмуркаў Дамініканскага кляштара і шэрагу манастырскіх пахаванняў у драўляных трунах-калодах (усе безрэчавыя). Другі гарызонт XII—XIII стст. складалі жылыя і гаспадарчыя пабудовы, рэшткі некалькіх вуліц. Трэці X—XI стст. вельмі невыразны, з асобных без нейкай пэўнай сістэмы драўляных плах. Рэканструкцыі і вызначэнню не падлягае.

Найвялікшую цікавасць, без сумнення, уяўляюць пабудовы XII—XIII стст. Адразу адзначым, што ўсе пабудовы, як высветлілася, храналагічна адначасовыя і належалі сядзібе майстра-ювеліра другой паловы XII — пачатку XIII стагоддзяў. Даследаваны тры пабудовы, адна з якіх (памерам 6х4,5 м) з'яўлялася жылым двухпавярховым домам-пяцісценкам з клеццю, а дзве астатнія (адпаведна 6х4 і 3,5х3,5 м) — майстэрнямі. Непасрэдна ў дзвюх апошніх пабудовах і побач з імі было знойдзена 400 фрагментаў і вырабаў з бурштыну, больш за 60 фрагментаў і цэлых цыліндрычных тыгляў, зарыхтоўкі бронзавых вырабаў (у асноўным бранзалеты і дрот), бронзавы ювелірны пінцэт. Пабудовы былі выцягнуты ў адну лінію амаль правільна з захаду на ўсход уздоўж пасадскай вуліцы, частка якой таксама трапіла ў раскоп. Двор сядзібы аддзяляўся ад вытворчажылой часткі плотам-плятнём у выглядзе ўбітых тонкіх дручкоў, якія былі пераплецены лазовымі прутамі. У двары знаходзіліся лёгкія каркасна-слупавыя, заглыбленыя ў мацярык пабудовы гаспадарчага прызначэння для ўтрымання хатняй жывёлы. На жаль, сядзіба не цалкам трапіла ў раскоп. Але яе вывучаныя рэшткі дазваляюць сцвярджаць, што памеры дадзенай полацкай сядзібы перавышалі 1100 кв. м. Гэта набліжае яе па памерах да буйных баярскіх сядзіб Ноўгарада Вялікага[6]. Разам з тым, гэта сведчыць аб сацыяльным статусе рамеснікаў, якія жылі і працавалі на Вялікім пасадзе ў гэты час. Гэта значыць, што тое былі феадальна незалежныя, вольныя грамадзяне, так званыя «вольныя мужы», якія складалі аснову органа дэмакратычнага праўлення Полацка — веча. Канструктыўна сядзіба XII—XIII стст. падобна да вядомага па этнаграфічных матэрыялах беларускага «пагоннага двара», які ў форме блізкай да прастакутнай выцягваўся ўглыб ад вуліцы[7].

Археалагічныя доследы 1987—1988 гг. у Полацку далі выключна важны матэрыял аб характары фартыфікацыйных умацаванняў сярэднявечнага горада. Да гэтага часу вывучэнне абарончых умацаванняў Полацка абмяжоўвалася прарэзкаю вала старадаўняга гарадзішча і нязначным абследаваннем вала Верхняга замка[8]. Нам удалося ўдакладніць характар фартыфікацыйных умацаванняў на пасадах — у Запалоцці і на Вялікім пасадзе.

У ходзе візуальнага агляду ў 1986 г. паўночна-заходняга краю Запалоцця з напольнага боку былі знойдзены сляды калісьці існаваўшага рова. Яны ўяўляюць сабою даўгую аплыўшую западзіну глыбінёй 1—1,5 м, шырынёй 8—10 м і даўжынёй каля 70 м. Па сведках мясцовых жыхароў «овраг» яшчэ ў 1944 г. быў значна большым і глыбейшым, цягнуўся ў напрамку да Палаты і Дзвіны. Пасля пад час будаўніцтва жылых дамоў быў часткова засыпаны. Месца раскладу знойдзенага ўчастка рова супала з запалоцкім ровам, які адзначаны на мапах Полацка XVIII—XIX стст. У тым жа годзе ў дадзеным месцы быў закладзены Раскоп-II з дамыкаўшай да яго траншэяй, якая прарэзвала вышэйзгаданы роў. Агульная плошча раскопа і траншэі склала 170 кв. м. Магутнасць культурнага слоя ў раскопе распадзялялася няроўна і дасягала 0,7—0,8 м на пляцоўцы паселішча і да 3,0 м у самай глыбокай кропцы рова. Слой на пляцоўцы паселішча характэрны амаль поўнаю адсутнасцю матэрыялаў пазней XIII—XIV стст., нягледзячы на тое, што па пісьмовых крыніцах добра вядома аб плотнай заселенасці гэтай тэрыторыі ў XVI—XVII стст. Стратыграфія запаўнення рова захавала сляды пераплані-

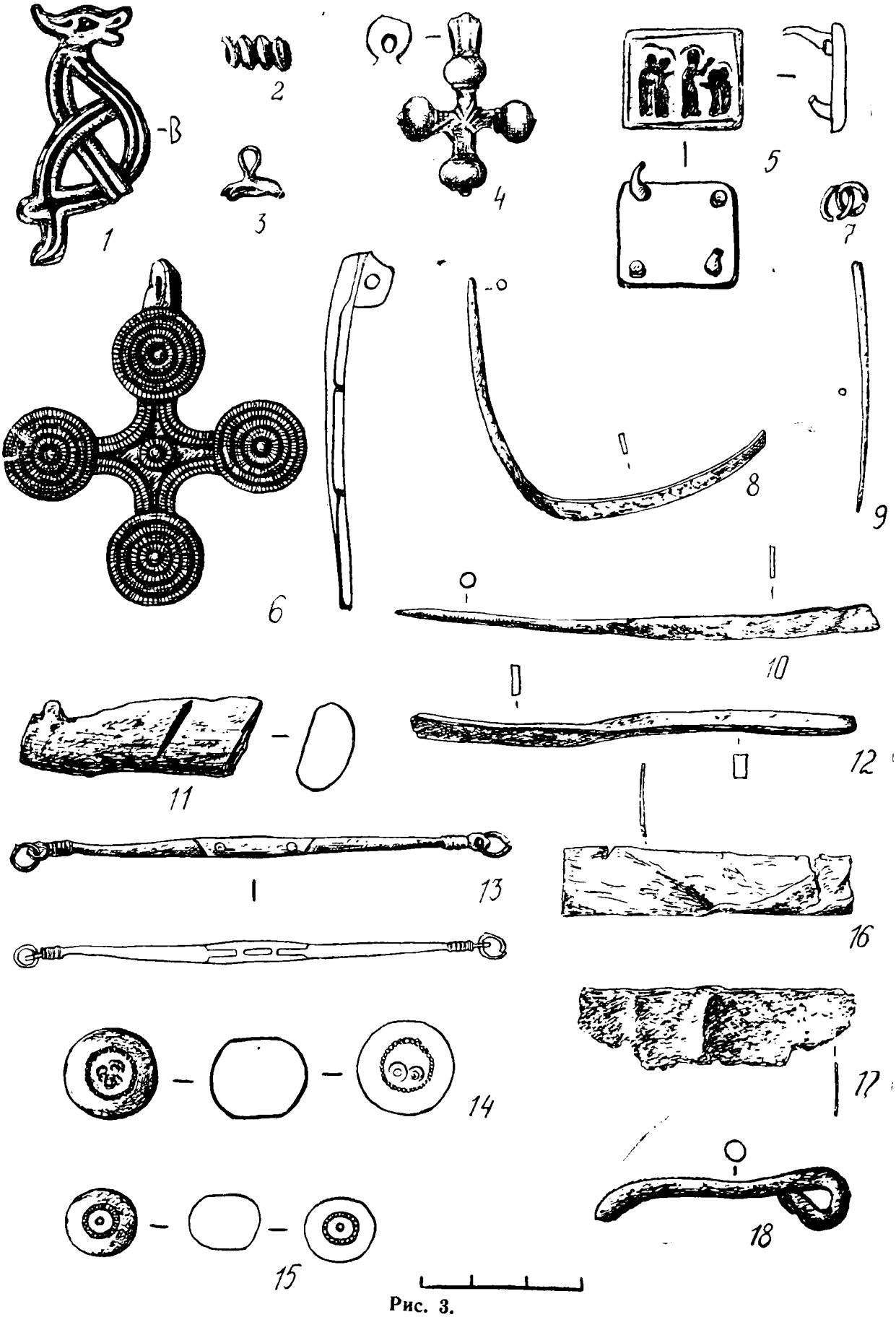


Рис. 3.

роўкі і ўмацавання мясцовасці XV—XVI і XVII стагоддзяў у выглядзе лінзападобных праслоек зямлі шэрага колеру і крапін чырвонай гліны. У агульным жа культурны слой чорнага колеру, насычаны вуглем і арганічнымі рэшткамі.

Дзякуючы дадатковым абследам прылягаючай да запалоцкага рова плошчы, удалося аднавіць этапы засялення і забудовы дадзенай мясцовасці. Першы этап датуецца XI—XII стст. Да яго адносіцца існаванне наземных каркасна-слупавых пабудоў адначасова з паўзямляначнымі гаспадарчымі пабудовамі. На другім этапе—XII—XIV стст., з'яўляюцца абарончыя збудаванні. Яны ўяўляюць падвоеную сцяну з шчыльна пастаўленых адно да аднаго завостраных бярвенняў і рова перад ёй. Адлегласць паміж паралельна закапанымі радамі частакола складала да 2,0 м. Пры гэтым унутраны рад складаўся з бярвенняў дыяметрам 0,2 м, даўжынёй да 2,5—3,0 м, верхнія канцы якіх былі завостраны на 6 граняў. Ніжні канец аднаго з бярвенняў, якое было знойдзена ў запаўненні рова, спарахнела на 0,9 м. Гэта адпавядае глыбіні мацярыковых слупавых ямак, якія выкопваліся пад бярвенні сцяны. Бярвенні вонкавага рада сцяны знойдзены не былі. Але па глыбіні мацярыковых ямак можна меркаваць, што вышыня іх над дзённай паверхняю складала каля 1,0 м. Вонкавы рад частакола з унутраным звязваўся шэрагам кароткіх перпендыкулярных змычак, амаль на 2,0 м выступаўшых за лінію абарончай сцяны. Канструкцыя рова цікавая тым, што пры яго капанні старадаўнімі будаўнікамі свядома было праведзена заглыбленне ніжэй глінянага ваданоснага слоя. Тым самым было забяспечана пастаяннае знаходжанне вады ў рове. Акрамя таго, прыблізна на тым жа ўзроўні (2,0 м ад старадаўняй дзённай паверхні) у рове былі ўкапаны невялічкія калкі (да 1,0 м у даўжыню, завостраныя на 4 грані) пад вуглом 45° да знешняга краю рова.

Такім чынам, уся фартыфікацыйная сістэма Запалоцця ўяўляе сабою цэласнасць і завершанасць. Адсутнасць звычайнага для такіх сістэм абарончага землянога вала можна растлумачыць пасадскім характарам паселішча ў дадзенай частцы старадаўняга Полацка. У XIV—XVI стст. запалоцкі роў не паглыбляўся. Яго схілы былі толькі дадаткова абмазаны глінаю. У цэлым жа, з XV—XVI стст., у сувязі з развіццём вогнестрэльнай зброі, ён паступова пачаў губляць сваё першапачатковае значэнне.

Раскопкамі 1988 г. на полацкім Вялікім пасадзе была таксама знойдзена абарончая сцяна, якая датуецца XI — пачаткам XII стагоддзяў. Гэтая сцяна праходзіла з паўночна-заходняга боку ў напрамку да паўдзённага ўчастка раскопа. Прасочана на працягу 22 м. Ад яе захавалася толькі каменная аснова ў выглядзе вымасткі глыбвых камянёў, складзеных на сухую (без выкарыстання рошчыны) і спарахнеўшых рэштак драўляных канструкцый. Шырыня каменнага падмурка 0,6—0,75 м, вышыня 0,3—0,4 м. У ніжні ярус на ўсю шырыню падмурка клаліся невялікія камяні дыяметрам да 0,15 м. На іх, і толькі па краях, камні трохі большага памеру — да 0,2 м. Ва ўтвораны такім чынам каменны жолаб укладаліся буйныя глыгі да 0,5 м у дыяметры і больш. Канструкцыя дазваляла ўкладаць або адзін, або два буйныя камяні ў жолаб. Ніжні ярус прысыпаўся месцамі мацерыковым суглінкам альбо культурным слоем, шчыліны паміж глыгамі забіваліся дробным буглёўнікам. На ўзроўні камянёў другога яруса да падмурка сцяны прылягалі драўляныя клеці-горадні ў выглядзе зрубаў памерамі 2,0х2,5 м. Гэтыя зрубы, уласна кажучы, і ўтваралі пасадскую сцяну з баявымі пляцоўкамі і ўнутранымі гаспадарчымі памяшканнямі для ваяроў. Менавіта аб такім выкарыстанні горадзен сведчыць знаходка ў адной з іх укапанай драўлянай дзежкі. У ёй былі знойдзены фрагменты точанай на такарні драўлянай міскі, гліняны посуд, рэшткі арганікі, косці.

Даследаваныя на Вялікім пасадзе ўмацаванні з'яўляюцца ўнікальнымі па некалькіх прычынах. Па-першае, нідзе да гэтых часоў на тэрыторыі Усходняй Еўропы не знаходзіліся гарадскія пасадскія сцены, у канструкцыі якіх была б выкарыстана кладка з глыгаў. Па-другое, наяўнасць у Полацку пасадскай сцяны XI — пачатку XII стст. кажа аб тым, што гэты горад быў не толькі адным з буйнейшых гарадоў таго часу, але і меў добра ўладкаваную абарончую сістэму. Патрэцяе, трассіроўка сцяны на мясцовасці дазваляе дастаткова дакладна вызначыць памеры Вялікага пасада да пачатку XII ст. І апошняе, нам уяўляецца цалкам магчымай сувязь дадзенай часткова каменнай сцяны са звесткамі ісландскай «Сагі аб Цідрыку Бернскім»[9], запіс якой адносіцца да XIII ст. Дадзеная «Сага...» апавядае аб тым, што ў Полацку існавалі каменныя крэпасныя ўмацаванні. Разумеючы ўмоўнасць выкарыстання саг у якасці гістарычных крыніц, цалкам магчыма дапусціць, што невялікі каменны падмурак пасадскай сцяны ў часе фальклёрнай апрацоўкі ператварыўся ў каменную сцяну. Цалкам жа каменных абарончых сцен у Полацку ніколі не існавала.

У тым жа 1988 г. былі зроблены доследы ўнутранай канструкцыі абарончага валу полацкага Верхняга замка. Як вядома, Верхні замак, які знаходзіцца ў месцы сутокі рэк Палаты і Дзвіны, быў пабудаваны ў канцы X — пачатку XI стст., або, як нам здаецца больш дакладным, каля сярэдзіны XI ст. Менавіта ў сярэдзіне XI ст. тут быў пабу-

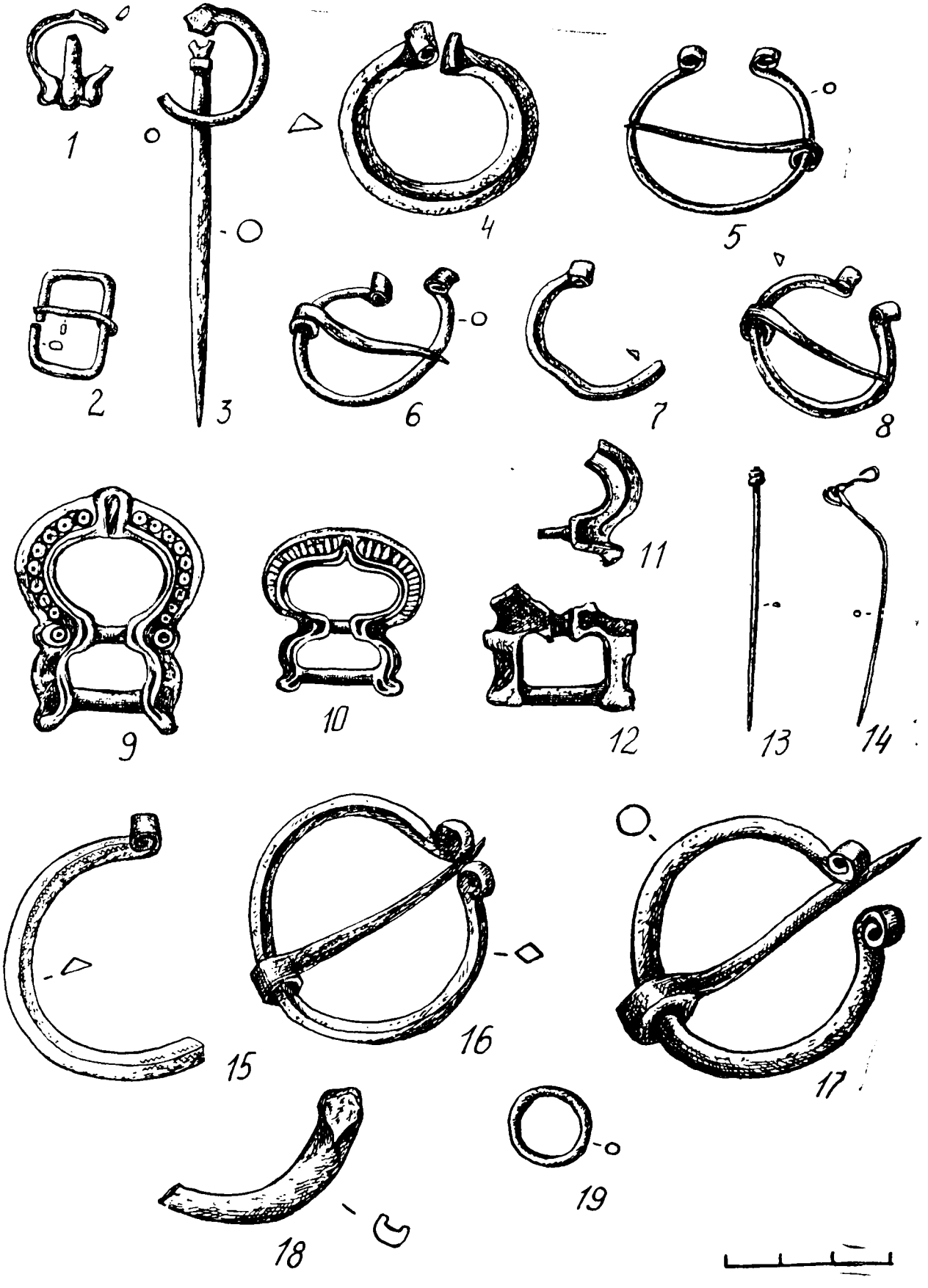


Рис. 4.

даваны чацвёрты ў свеце пасля Канстанцінопальскага, Кіеўскага і Ноўгарадскага Сафійскі сабор[10]. Наўрад ці раней гэтай даты на Верхні замак была перанесена княжаская рэзідэнцыя са старадаўняга полацкага гарадзішча. Так ці іначай, з сярэдзіны XI ст. Верхні замак становіцца ўмацаваным цэнтрам Полацка.

Спробы даследаваць абарончыя ўмацаванні Верхняга замка ў 70-я гады не змаглі ў поўнай ступені ахарактарызаваць структуру дадзеных пабудоў. У першую чаргу гэта тлумачылася адсутнасцю выразных канструкцый, рэшткаў наземных сцен і нязначнасцю датуючых рэчавых матэрыялаў. Раскопкі Вас. Булкіна на паўднёва-усходнім і ўсходнім схілах вала зафіксавалі толькі наяўнасць нейкіх унутраных вальных субструкцый і, як адзначаў аўтар, першапачатковага ядра вала, рэштак наступных яго ўмацаванняў.

Намі была зроблена спроба вывучыць паўднёвы схіл вала Верхняга замка. Але адразу трэба сказаць, што месца, якое традыцыйна называецца «валам», на Верхнім замку цалкам адсутнічае. Нідзе, за выключэннем паўночна-ўсходняга краю Верхняга замка, ніякіх знешніх прыкмет вала не захавалася. Такое становішча з'яўлялася тым больш дзіўным для горада з тысячагадовай гісторыяй, чые ўмацаванні неаднойчы апісваліся ў розныя часы ад XI да XVIII стст. Таму ўзнікла пытанне: ці існаваў у Верхняга замка крэпасны вал? Калі так, то на якіх участках і якой працягласцю?

Раскопкі на паўднёвым схіле толькі часткова адказалі на гэтае пытанне. Тут натуральная рытва (утварылася ў выніку выхаду крыніц і дажджоў) была пашырана да 3 м і раскапана ў даўжыню на 24 м. Працаваць даводзілася кіруючыся ўздоўж схілу натуральнага пагорка, цела якога ствараюць мацярыковыя гліны. Вал, як ненатуральная канструкцыя, зафіксаваны ня быў. Але знойдзены і вывучаны драўляныя канструкцыі, пры дапамозе якіх умацоўваўся схіл пагорка і фрагменты канструкцый абарончых сцен.

Яны ўяўлялі сабою своеасаблівыя накаты ў выглядзе прыступак крокам 1—1,5 м, якія, у сваю чаргу, адпавядалі мэтам умацавання вала і размяшчаліся па натуральнаму схілу пагорка. У схіл строга вертыкальна закопваліся слупы дыяметрам 0,2—0,4 м і вышынёй 0,85—1,5 м, умацоўваліся камянямі. Праз 1—1,5 м і вышэй і ніжэй па схілу ставіўся наступны рад слупоў. На слупы клаліся кароткія папярэчныя лагі дыяметрам 0,2—0,25 м і даўжынёй 1,2 м. Пры тым так, што адным канцом лага ляжала на торцы слупа, а другім упіралася ў падмурак вышэйстаячага па схілу другога слупа. На папярэчныя лагі клаліся прадольныя ў выглядзе неабчэсаных бярвенняў рознага дыяметра (у сярэднім 7—8 штук у радок). На жаль, з нагоды вузасці прарэзкі высветліць даўжыню прадольных лаг не ўдалося, але мяркуем, што яны павінны быць не менш за 3—4 м.

Слупы дадзенай канструкцыі ўкапваліся ў мацярыковую гліну схіла, вольная прастора паміж дэталямі канструкцыі таксама забівалася глінаю. Зверху драўлянай канструкцыі прасочана тонкая гумусіраваная праслойка (0,2 м). Слой аналагічнага ёй шэрага колеру запаўняў месцамі поласці паміж лаг і бярвенняў. Дадзены слой перакрыты моцна парушаным слоем гліны таўшчынёй ад 0,1 да 0,2 м. І разам яны перакрываюцца магутным слоем баласта.

У ніжняй частцы даследаванай рытвы, бліжэй да падэшвы пагорка, канструкцыя ўмацаванняў змяняецца. Папярэчныя лагі клаліся не на вертыкальна закапаныя слупы, а на камяні або мацярыковую гліну. Зверху ўсё перакрыта глінаю, след гумусіраванай праслойкі адсутнічае. Пашыраючы прарэзку ў напрамку да пляцоўкі Верхняга замка ўдалося зафіксаваць некалькі розных стратыграфічных узроўняў канструкцыі абарончых збудаванняў замка. Яны ўяўлялі сабою слой драўлянай парахні, які знаходзіўся не пад вуглом, як папярэдняя канструкцыя, але гарызантальна, у ўсходнім профілі нават пад вуглом у бок унутранага схілу. Аб характары існаваўшых тут пабудоў меркаваць па рэштках на гэтак абмежаванай плошчы не ўяўляецца магчымым. Але, хутчэй за ўсё, гэта былі гародні.

У прарэзцы на розных узроўнях былі знойдзены матэрыялы, па якіх можна меркаваць аб часе будаўніцтва фартыфікацый Верхняга замка. Трэба адзначыць, што ўся нязначная колькасць посуду дадзенага раскопу ўкладаецца ў храналагічныя межы XV—XVII стст. Больш дакладную лічбу далі дэндрахраналагічныя даследаванні слупоў канструкцыі, якія былі праведзены ў лабараторыі натуральна-навуковых метадаў Інстытута археалогіі ў Маскве Н. Б. Чарных. Найдаўнейшая канструкцыя ўмацавання схілу Верхняга замка датуецца 1363 годам. Гэта не азначае, што ранейшых умацаванняў на Верхнім замку не было. Відаць толькі, што на гэтым участку яны не захаваліся.

Тапаграфічны рэльеф паўднёвага схілу Верхняга замка падобны заходняму і часткова паўночнаму. Таму магчыма дапусціць, што вал, як штучная канструкцыя, адсутнічаў і тут. Але палеарэканструкцыя даўняй мацярыковай паверхні замка, распаўсюджанне магутнасці культурных напластаванняў (ва ўсходняй частцы замка культурны слой дасягае 6,0 м, у той час як у паўночнай, заходняй і паўднёваай — да 2,0 м), доследы вала Вас. Булкіным дазваляюць меркаваць,

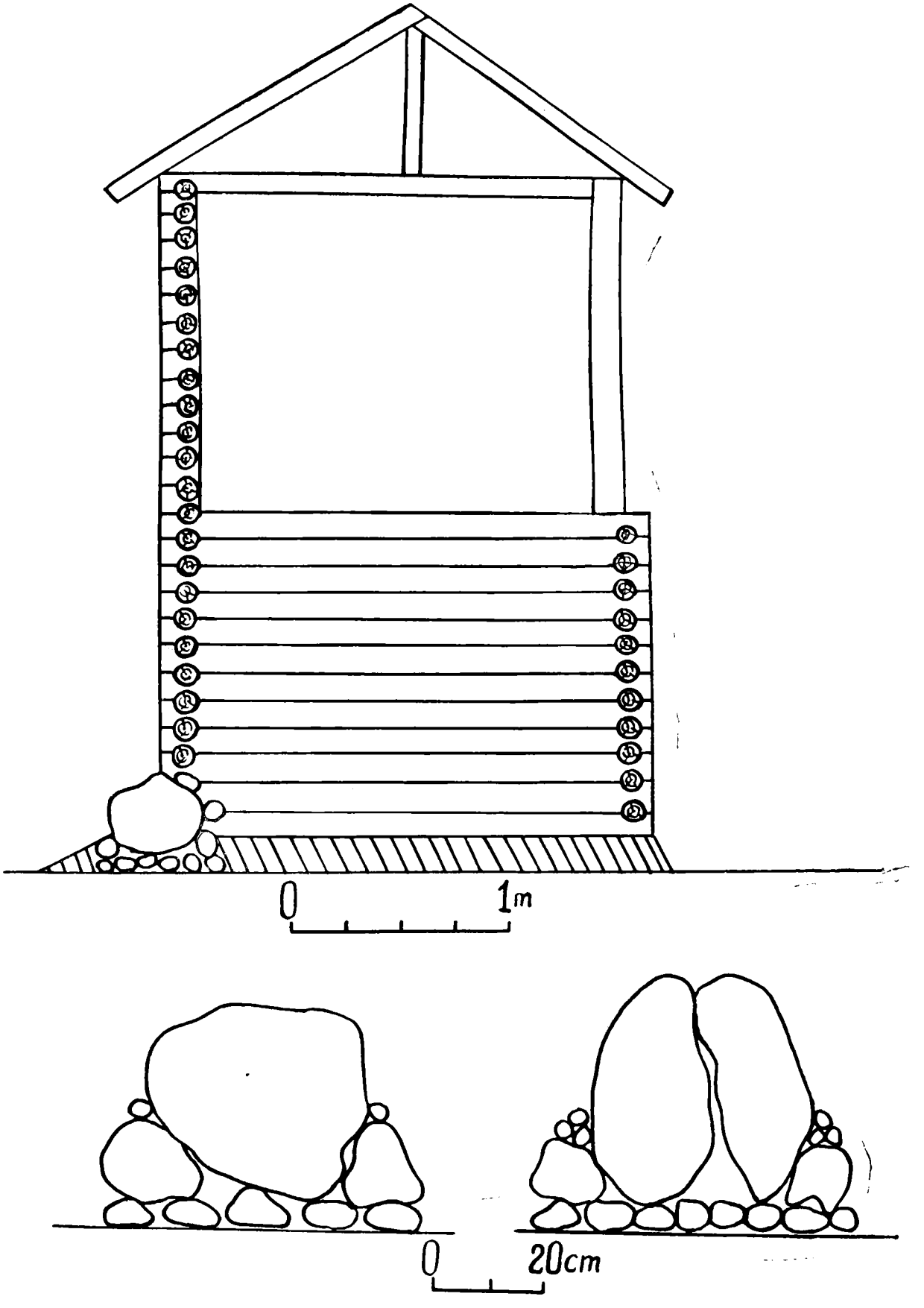


Рис. 5.

што з даўнейшых часоў на Верхнім замку Полацка абарончы земляны вал існаваў толькі з усходняга, напольнага боку. Па астатняму ж перыметру натуральнага пагорка, у выніку яго дастатковай вышыні і стромкасці схілаў, будаваліся толькі наземныя ўмацаванні ў выглядзе сцяны-гародні з вежамі.

Такім чынам, археалагічныя доследы Полацка 1986—1991 гг. дазваляюць зрабіць некалькі істотных дапаўненняў да гісторыі і развіцця тапаграфічнай і сацыяльнай структуры гэтага старадаўняга горада Усходняй Еўропы.

1. Старажытнае гарадзішча Полацка IX—X стст. не перавышала па памерах вакольнага паселішча, але саступала яму ў 5—6 разоў. Гэта сведчыць аб тым, што ўжо ў тыя часы Полацк быў развітым эканамічна і, адпаведна, палітычна буйным горадам. Прататапаграфічна гарадзішча і паселішча злучаліся паміж сабою, а не падзяляліся, як у нашыя часы, руслом р. Палаты. Гэта сталася пачаткам развіцця ўсёй гарадской структуры па веернарадыяльнай сістэме.

2. У X ст. гарадскія пасады выйшлі далёка па за межы старадаўняга акольнага горада вакол гарадзішча (Вялікі пасад, Запалоцце, паселішча на тэрыторыі Верхняга замка). Нарастанне дыспрапорцыі паміж умацаваным цэнтрам і гандлёва-рамесніцкімі пасадскімі паселішчамі прывяло да перанясення ўмацаванага замка на новае месца — Верхні замак.

3. Ужо з XI ст. у Полацку пачала складацца фартыфікацыйная сістэма пасадаў. Яна падпарадкоўвалася агульнай сістэме абароны горада і рабіла сур'ёзныя перашкоды для ворагаў на прыступах да ўмацаванага замка.

4. Абарончыя збудаванні Верхняга замка вылучаюцца ўмелым скарыстаннем старажытнымі будаўнікамі натуральных прыродных умоў мясцовасці, адсутнасцю на значных участках перыметра замка земляных валоў і заменаю іх толькі крэпаснымі сценамі.

5. Грмадзянская забудова Вялікага пасада прадстаўлена сядзібна-дваровымі комплексамі, дастаткова буйнымі па плошчы, што дазваляе меркаваць аб незалежным сацыяльным статусе жыўшых на іх рамеснікаў.

У наступныя гады раскопкі ў старажытным Полацку будуць падоўжаны. Гэта дазволіць яшчэ ў большай ступені ўдакладніць пытанні гісторыі і археалогіі гэтага горада.

Літаратура

1. Ляўданскі А. Н. Археалагічныя досьледы ў Полацкай акрузе // Запіскі аддзела гуманітарных навук, кн. 11, т. II. — Менск, 1930; Алексеев Л. В. Полоцкая земля. Очерк истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв. — М., 1966; Штыхов Г. В. Древний Полоцк. — Мн., 1975; Каргер М. К. К истории Полоцкого зодчества XII в. // Новое в археологии. М., 1972; Булкин В. А., Булкин Вас. А., Смирнов В. Н., Ратнер И. Е. Работы в Полоцке // Археологические открытия 1978 г. — М., 1979.
2. Штыхов Г. В. Древний Полоцк. — С. 24.
3. Тарасов С. В. Раскопки в Полоцке // Археологические открытия 1986 г. — М., 1988. — С. 379—380.
4. Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1588). СПб., — 1889. — С. 54—55; Сапунов А. П. Витебская старина. — Витебск, 1885. Т. IV. С. 58—61.
5. Штыхаў Г. В. З часоў Рагнеды // «Беларусь», 1985, № 2. — С. 18—19.
6. Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. — М., 1982. — С. 72.
7. Помнікі этнаграфіі. — Мн., 1981. — С. 7.
8. Булкин В. А. Отчет об археологических раскопках в Полоцке в 1978 г. // Архіў Інстытута гісторыі АН СБСР. Сп. № 594; Штыхов Г. В. Дрезний Полоцк. — С. 23—25.
9. Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. — М., 1987. — С. 14—19.
10. Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. — Л-д, 1986. — С. 30.

ДА АРТЫКУЛА ТАРАСАВА С. В. «НОВАЕ Ў АРХЕАЛОГІІ ПОЛАЦКА»

Рыс. 1. Лепны посуд з раскопак на старадаўнім паселішчы. 1—3, 5 — гаршчкі; 4, 6, 7 — міскі.

Рыс. 2. Шыферныя ткацкія праселкі з надпісамі і значкамі XI—XII стст. з раскопак на Вялікім пасадзе. 1—14 — праселкі (1 — праселка з надпісам «ПАТАТНАЯ», г. зн. крадзеная, схаваная).

Рыс. 3. Ювелірныя вырабы, зарыхтоўкі і прыстасаванні X—XVI стст. з раскопак на Вялікім пасадзе 1987—1988 гг. 1 — накладка ў выглядзе дракона (скандынаўскі звярыны стыль), 2 — фрагмент галаўнога упрыгожання, 3 — фрагмент бубеньчыка, 4 — крыжык-цельнік, 5 — паясная накладка з выявай Сергія Раданежскага, 6 — булаўка крыжападобная (востры канец абламаны), 7 — звёны ланцуга; 8—12, 16—17 — зарыхтоўкі бронзы ў выглядзе злітка, палос і пласцін; 13 — ювелірныя плечыкі-шалі; 14—15 — гіркі-разнавагі.

Рыс. 4. Ювелірныя вырабы X—XIII стст. з раскопак на Вялікім пасадзе. 1, 2, 9—12 — спражкі папругаў; 4—8, 15—18 — фібулы; 3, 13, 14 — булаўкі; 19 — кальцо-загатоўка.

Рыс. 5. Рэканструкцыя абарончай сцяны полацкага Вялікага пасада XI — пач. XII стст.

Ядвига ДВИНСКАЯ

ВРЕМЕНА РОГВОЛОДА

Исторический очерк

Древнее полоцкое городище. Этот холмистый полуостровок и сегодня возвышается под Полотой, давшей имя древнему городу. Едва повернешь влево от Красного моста в сторону Спасского монастыря, перейдя с левого берега на правый, оба живописно заросшие многолетними ивами и кустами черемухи, как взгляд приковывается к маленькому холму, застроенному домами частных владельцев. Это и есть древний Полоцк.

Тринадцать лет назад, когда в историко-археологическом заповеднике, у стен Софийского собора, работала ленинградская археологическая экспедиция под руководством кандидата искусствоведения, археолога Валентина Александровича Булкина, в разгар раскопок в соборе раздался телефонный звонок: хозяин одного из домов на «городище» просил заглянуть к нему на усадьбу.

Археолог, кандидат исторических наук Василий Александрович Булкин отправился туда со студентами университета, а немного позже пошла и я. По дороге от Верхнего замка до городища невольно вспомнилась древняя легенда о полоцком князе Рогволоде и его дочери, красавице Рогнеде. Это было так давно! И сведений о том времени до обидного мало.

Вот и мост через Полоту, почти сразу за ним — поворот налево: предградье древнего Полоцка, как его назвал белорусский археолог, доктор исторических наук, профессор Георгий Васильевич Штыхов. За предградьем — городище. Непонятное волнение охватило меня. Ускорив шаги, спешу к указанному по телефону дому, вхожу во двор. Хозяева рассказывают, что копали во дворе яму для погреба и заметили странный слой земли. Вместе с хозяином подхожу к яме — Василий Александрович уже там: все зачищено, стратиграфия — налицо. По лесенке спускаюсь вниз и разглядываю дно — материк на глубине более двух метров. Всего в сантиметрах десяти от материка (над ним) — культурный слой толщиной в три пальца, совершенно обугленный.

— Откуда на такой глубине уголь? — спрашиваю археолога.

— Да это же, наверняка, следы того древнего пожара в десятом веке, — отвечает Василий Александрович.

Предчувствие не обмануло меня: полоцкая земля снова открыла нам страницу своего далекого прошлого. И мне вдруг представилось, что было тогда, в том роковом для Полоцка 980 году. Да, да! Видимо, оттуда, со стороны Заполотья, по дороге, сегодня чуть видимой глазом, почти напротив городища, за Полотой, скакал на быстроходном скакуне новгородский князь Владимир с храброй дружиной (может быть, рядом с дядькой своим — воеводой Добрыней) к полоцкому городищу, чтобы наказать князя Рогволода — варяга-находника за отказ выдать дочь за него, Владимира Святославича. Быстро летит конь князя, да еще быстрее свистит ветер, нашептывая слова. «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Нет! Не ветер повторяет эти обидные слова, это голос самой Рогнеды на пути от Новгорода преследует Владимира. «Княжество Полоцкое — немалая добыча для расширения новгородских владений, — успокаивает себя князь, — да и Рогнеда красою на Руси славится. А там и Киев не за горами — не устоять Ярополку супротив мя», — усмехается он своим мыслям.

Идя по городищу, невольно оглядываюсь по сторонам. Наверное, здесь, на самой высокой точке холма, и стоял в X веке княжеский терем Рогволода из толстых тесовых бревен, с высоким крыльцом, с маленькими оконцами, а вокруг, в несколько рядов, терема поменьше — боярские, а

подале — дома торговых людей да ремесленников. Все городище, видимо, обнесено было высокой бревенчатой стеной. Наверное, уютен был древний Полоцк! Весь утопал в зелени садов, спускавшихся к самой Полоте.

Вечерело. Солнце спряталось за горизонт, легкий ветерок навевал вечернюю прохладу. Пора возвращаться, а мысли снова и снова наплывали одна на другую. Что же было дальше?

Князь Рогволод после вечерней трапезы отправился с княгиней в опочивальню, а Рогнеда с подружками заперлась в светелке. И повелись девичьи разговоры тайные... Вздумалось княжне примерить наряд свадебный, ведь сам Ярополк, князь киевский, в жены ее берет! А еще и посмеяться с подружками охота над незадачливым новгородским князем, что тоже просил ее руки, да получил отказ. Где ему, рожденному ключницей, володеть ею, княжной полоцкой! Так потешалась над Владимиром Рогнеда в свой последний вечер под родительским кровом.

К полуночи все стихло. Только неспокоен сон княжны: то жених милый грезится ей, то вдруг непонятный страх охватывает. «Солнце-то ввечеру затуманилось, да и село за тучи черные», — вздыхая сквозь дрему, вспоминает княжна.

Ночь прошла тихо. Близок рассвет... И вдруг тишину расколол топот копыт и крик всадников, подскакавших к городищу. Все, кто спросонья услышал этот крик, вскочили на ноги и кинулись во двор. Дружинники натянули луки... но было поздно: кровавая сеча шла на улочках городища, а бревенчатые стены вокруг него со всех сторон пылали багровым пламенем, и огонь уже перекинулся на крыши соседних с ним домов. Скоро улеглись полоцкие кривичи досыпать на утренней зорьке на прохладной от росы родимой земле, а жен полоцких в плен взяли дружины новгородские.

А княжна Рогнеда в страхе прижалась к матери, князь Рогволод с двумя сыновьями пытался защитить их у порога в светелку, но Владимир уже поднялся на высокое крыльцо с мечом наперевес. За ним спешил воевода Добрыня. Кровь еще кипела в жилах молодога князя, самолюбив был Владимир. На глазах у родителей обесчестил он гордую полоцкую красавицу, а их самих с ее братьями повелел убить при ней.

Над сожженным городищем дымились головешки на месте бывших домов, да торчали печные трубы, а Владимир пировал с дружиной, затем приказал привести Рогнеду, и на виду у дружинников и пленных полочан разула несчастная княжна кровью залитый сапог с ноги завоевателя, «робичича».

Через день городище опустело. Владимир с Рогнедой в сопровождении дружины направился в сторону Киева. Воевода киевский Блуд предал своего князя, Ярополка, польстился на обещания Владимира, на золото, полученное за измену. И погиб Ярополк. И сел Владимир на киевский престол, хотя и был побочным сыном Святослава, сына великой Ольги. А через восемь лет, сам уже крещенный в Корсуни, Владимир утвердил на Руси веру христианскую и женился на византийской царевне Анне, чтобы возвысить Русь до самой Византии.

Горько переживала свое унижение покинутая князем Владимиром Рогнеда. С малолетним сыном Изяславом под Менском, в городке Изяславле, как тогда его назвали, постриглась она в монахини, и нарекли ее Анастасией. Так поплатилась непокорная княжна за неосторожно оброненное слово «робичич». А в народе ее прозвали Гореславой.

Уже темнело, когда я возвращалась с городища. Невольно вспомнилось: в конце X века в Полоцке была построена церковь Богородицкая (старая), и был в ней похоронен полоцкий князь Изяслав, сын Владимира и Рогнеды. А Рогнеда, нашедшая приют в монастыре, умерла в 1000 году, на год раньше своего любимого сына Изяслава. Невольно оглядываюсь на городище, и опять вспоминается узкая полоска углей в яме, в предматериковом культурном слое, и еще большая уверенность вселяется в меня: не могла Рогнеда не вернуться в отчий край, хотя бы на закате жизни. Суждено ей было снова побывать у родного пепелища вместе с Изяславом, который отстроил древний Полоцк заново. Может, и дочь Рогволода покоится в родном Полоцке? Никто и никогда, видимо, не узнает этого. Застроено полоцкое городище, и земля неохотно рассказывает нам о своем далеком прошлом. А как бы хотелось проникнуть в ее до сих пор неразгаданные тайны!

Н. ЗОРИН

МИНУВШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ Г. ПОЛОЦКА

(К ТОРЖЕСТВУ ПЕРЕНЕСЕНИЯ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОЙ ЕВФРОСИНИИ ИЗ КИЕВА В ПОЛОЦК)

Краткий исторический очерк

I. МИНУВШЕЕ

§ 1.

«Годы те вспомнить — не устанешь рыдать,
О земля моя, в вечной печали!».
(Из «Слова о полку Игореве». Пер. Г. Вольского).

Столица Кривичанских, а впоследствии Полоцких князей, свидетель протекших веков и многих событий — Полоцк (Полотеск, Полтеск, Полотск, Polteskja, Polocia, Polocium, Ploskow) смело может быть признан едва ли не древнейшим городом в России. Удобная к сообщению, изобильная рыбой река Двина, с обширными по ея берегам пастбищами и дремучими лесами, наполненными пушным зверем, могла невольно возбудить в Кривичанах желание при ней поселиться и свою прежнюю, дикую, кочующую жизнь променять на другую — более удобную, оседлую. Одни поселились на правом берегу реки Двины, при устье речки Витьбы, назвав свое селище Витьбеском, другие свои хижины построили на том же берегу, но в 95 верстах ниже, при впадении речки Полоты в Двину, назвав свое поселение Полтеском[1], по объяснению начальной летописи, «речки ради, яже втечет в Двину, имянем Полота». Благодаря удобству своего географического положения[2] — Полоцк стал быстро расти, сделался торговым, богатым городом, с развитым общественным строем. Уже в древних скандинавских сагах, задолго до Рюрика, находятся известия о Полоцке, как о богатом и сильном владении, имевшем своего государя, находившегося в некоторой зависимости от Новгорода[3]. По древним литовским летописям — «город Полотеск и мужи полочане вечем ся справовали, как великий Новгород». В летописи Нестора под 862 годом сказано: «Рюрик, раздая мужем своим грады, овому Полотск». В конце IX века или в начале X-го Полоцк подчинился киевскому князю. Олег в 907 году «заповеда даяти уклад и на Полотск». В 980 году в Полоцке является самостоятельный князь Рогволод, который пришел «из заморья» и имел дочь красавицу Рогнеду. Из-за этой Рогнеды возникло соперничество между двумя братьями князьями — Ярополком Киевским и Владимиром Новгородским, сопровождавшееся значительными последствиями для Полоцка. Рогволод предоставил дочери выбор между братьями-соперниками. «Не хочу разути рабынича (мать Владимира была ключницей у его бабки, вел. кн. Ольги), но Ярополка хочу», отвечала отцу прекрасная и гордая полочанка, и была просватана Рогволодом за Ярополка. Оскорбленный этим Владимир напал на Рогволода, убил его с двумя сыновьями, а Рогнеду насильно сделал своею женою. Полоцк Владимир присоединил к своим владениям и, вероятно, посадил здесь своего посадника. Впоследствии, охладев к Рогнеде и еще более раздраженный тем, что она, мстя ему за это и за прежния вины его по отношению к родной ея семье, хотела убить его, Владимир удалил от себя Рогнеду вместе с сыном от нея Изяславом в пределы ея родины, т. е. в пределы бывшего княжества ея отца, где она и поселилась в основанном для нея Владимиром в 986 году городе Изяславле[4], а Изяслав впоследствии был сделан князем полоцким и поселился в городе Полоцке. Отсылая в Полоцк Изяслава, Владимир, по словам летописи (Густинской), послал с ним священников и повелел им «учити, крестити людей и церкви ставити, еже и бысть». Есть известие, что храм св. Софии (древний) на Верхнем замке построен Изяславом; около того же времени учреждена в Полоцке православная епископия[5]. Таким образом, Изяслав Владимирович является не только родоначальником полоцкаго княжескаго рода, но и первым ревностным распространителем православной веры в г. Полоцке и Полоцкой земле. Он княжил с 988 по 1001 год — по одним сведениям[6], а по другим от 990 по 1001 и даже 1003 год[7]. Преемники его, заботясь о расширении границ Полоцкого княжества, вступают в борьбу с крупнейшими центрами тогдашней Руси — Новгородом и Киевом. В этой вековой борьбе особенно прославился внук Изяслава — Всеслав Брячиславич (1044 — 1101 г.), неукротимая энергия котораго вызвала такое восторженное изумление у автора «Слова о полку Игореве».

«Князь Всеслав суд чинил, земли княжьи делил,
А в ночи серым волком скитался;
И от Киева врат, чуть стемнеет закат,
Зорькой в Тьмутаракани являлся.
В волчьей шкуре порой, путь от Хорса дневной
Перескакивал легкий и вольный;
В дальнем Полоцке он принимал часто звон
За тот киевский звон колокольный.
Хоть и мудрый душой, а всеж с горем тоской
Он спознался за землю родную;

Певец старых времян, ему вещий Баян
Раз поведал припевку такую:
«Ни волхва мудреца, ни лихого бойца
И не птицу в небесном просторе
Не минет Божий суд: всех к нему приведут,
И все равны в его приговоре».[8]

Не умея иначе объяснить успехов Всеслава в распространении пределов своего княжества, особенно после неоднократно понесенных им поражений от Ярославичей, напр. в жестокой битве при Немиге, современники, как это видно из «Слова», назвали его князем-чародеем. При нем Полоцкое княжество достигло высшаго своего развития, обняв собою княжества — Витебское, Минское, Оршанское, Мстиславльское, Лукомльское, Друцкое, Логойское, Слуцкое, часть Ливонии[9], а Полоцк, как стольный город этого обширнаго княжества, еще более разросся и возвеличился. Вся русская земля во главе с великим князем не могла справиться с полоцким «чародеем». Со смертию Всеслава оканчивается могущество Полоцкого княжества. Сыновья его не умели, или вернее, не хотели поделить отцовских владений и начали междоусобие (общее явление в русских княжествах в удельный период), в которые вмешались князья черниговские, киевские и наконец вся Русская земля во главе с Мстиславом, князем Киевским, и которое окончилось в 1129 году изгнанием Мстиславом Владимировичем всех полоцких князей из их владений и заточением их в Грецию (Византию—Ред.).

«Годы те вспоминать — не устанешь рыдать,
О земля моя, в вечной печали!
Володимира род в годы черных невзгод
Весь разсеялся в чуждой нам дали».[10]

Впрочем «разсеяние в чуждой дали» полоцких князей было кратковременно. В 1132 году полочане на вече решили изгнать киевских князей и призвать Василька Рогволодовича, возвратившагося из Константинополя, так что с указанного года Полоцк, а за ним и вся Полоцкая земля по-прежнему стали управляться своими князьями. Но значение их теперь падает. Не имея уже сил вмешиваться в общерусские дела, но не наученные горьким опытом прошлого, Всеславичи — через десять лет по возвращениии — завели междоусобную войну из-за Полоцка, поддержанную вмешательством вечевых собраний. Эта борьба, продолжавшаяся до конца XII столетия и происходившая при помощи Чернигова, Смоленска, Новгорода и Литвы, в конец ослабила силу полоцких князей. Они должны были уступить важныя свои волости на востоке Смоленским князьям, на западе немцам и сделать литовцев господами своего центра. С конца XII века измельчавшие потомки Рогнеды и Изяслава, будучи не в силах охранять оставшихся своих владений под напором усилившихся на их счет соседей, утрачивают свое значение, уступают власть свою вечевым собраниям городов — и наконец совсем сходят со сцены истории. Горький прощальный упрек этим последним Всеславичам от лица вечевых городов находим мы у певца «Слова о полку Игореве».

«О, Всеслава сыны! опустите в ножны
Ваши сабли, спустите знамена;
Слава дедов для вас — то неведомый глас,
И плоха нам от вас оборона.
Будет вам то в укор, что ваш вечный раздор
Допустил к нам литовцев толпами».

Впрочем, по словам того же певца, один из Всеславичей (Изяслав), желая поддержать былую славу, «поработал слегка о литовские шлемы мечами».

«Славу он перебил у Всеславовых сил,
Зато сам погребен под щитами».
Этой славою бодр, он на смертный свой одр
Взял ее и поведал с тоскою:
«Моих воев кругом кроют птичьим крылом,
Зверьё кровь их слизало зарею».

Последним князем полоцким из дома Изяслава считают Брячислава, господствовавшего над кн. Полоцким и Витебским, но жившего уже в Витебске. К половине XIII века Полоцк переходит в руки предприимчивых литовских князей, которые мало-по-малу объединяют в своей власти и юго-западныя русския области и образуют Великое Литовское Княжество. Во второй половине того же (XIII) столетия один из литовских князей, владевший Полоцком, принял католичество и завещал Полоцк власти Рижскаго архиепископа, но впоследствии рыцари ливонскаго ордена, враждовавшие с архиепископом, уступили за денежное вознаграждение верховное право на Полоцк — великому князю литовскому — и в 1307 году Полоцк опять управлялся литовскими князьями, пока Витовт не уничтожил самостоятельности Полоцка, обратив его в воеводство (с 1392 г.).

Войдя в состав Литвы — Полоцк, конечно, должен был разделять и судьбы своего новаго княжества, т. е. находиться под теми же историческими условиями и влияниями, под которыми жила и вся Литва. Эти условия, очень благоприятныя вначале для развития вообще русской культуры в Литовско-Русском княжестве, — были благоприятны и для развития — бывшаго «стольнаго» Полоцка. Но с конца XIV века, со времени династическаго соединения Литвы с Польшей посредством брака Ягайлы с Ядвигой (1386 г.) и обращения литовцев в католичество, начинается новое направление в жизни Литовско-Русскаго княжества, ярко обозначившееся на Городельском сейме (в 1413 г.) и еще ярче в Люблинской унии (1569 г.). Это новое направление, сводившееся к полонизации всего Литовского-Русскаго края, долго не прививалось к Полоцку, несмотря на энергичныя старания некоторых литовских князей, сторонников польщизны — и это отчасти объясняется тем, что польское направление рано встретило здесь себе противника в лице возвышавшейся Москвы. Начиная с Иоанна III, московские государи стремятся возвратить Полоцк, Витебск и вообще весь Белорусский край, как древнее достояние потомков Владимира. Борьба из-за обладания этим краем продолжалась с небольшими перерывами, более полутораста лет — в царствование Иоанна III-го, Василия III-го, Иоанна Грозного — московских и Александра, Сигизмунда I, Сигизмунда Августа II, Стефана Батория — польско-литовских государей и закончилась только при Алексее Михайловиче и Яне-Казимире Андрусовским договором (1667 г.) или даже позднее договором Московским (1678 г.) между Федором Алексеевичем и Яном Собеским.

За этот продолжительный период войны Полоцк дважды был в руках и управлении московских царей. В 1563 г. во время войны за Ливонию, Иоанн Грозный, взяв Полоцк, принял титул князя Полоцкаго — и владел полоцким воеводством до 1579 года, когда Полоцк был отнят у него Стефаном Баторием. Затем, царь Алексей Михайлович, во время победоносной войны с Польшей за Малороссию, взял Витебск, Полоцк и вообще весь Белорусский край и принял титул Самодержца Великия, Малыя и Белыя России; но изменившийся успех второй войны с поляками побудил Алексея Михайловича возвратить Польше по Андрусовскому мирному договору 1667 года Витебск и Полоцк.

Но главное, почему польская политика государственаго объединения не подчинила себе так легко полочан, как подчинила она легко литовцев, заключалась, по нашему мнению, в том, что Полоцк, хотя и ослабленный политически к половине XIII века, противопоставил ей богатый запас своего культурнаго наследия, сокрушить который

Польше было не так легко. Это культурное наследие полочан, с которым столкнулись впервые в конце XIV века польские деятели, представляет собою одну из самых интересных, хотя доселе малоизвестных и малоизследованных страниц всей русской истории, а потому мы остановимся на ней несколько подробнее.

Безусловно самым жизненным нервом древних полочан была торговля. Они передавали иностранные товары на Русь и в свою очередь сами вывозили на иностранные рынки продукты местнаго производства[11]. Оживленная раньше торговля полочан с Византией — к концу XI века (когда в степи утвердилась Половецкая орда) стала претерпевать очень большия затруднения, зато расширялся их рынок к западу и северу от Полоцка в землях прибалтийских латышей и финнов, а за ними в быстро богатевшие торговые немецкие города. Неурядицы в Полоцкой земле и политический переворот в половине XIII в. в Полоцке, видимо, не задерживали ея развития. От этого времени известны торговые договоры полочан с Ригой — и после того от начала 15 века есть сведения о существовании в Полоцке торговой немецкой конторы и о больших торговых операциях полочан.

Доставляя полочанам богатство, торговля способствовала развитию в Полоцке общественной жизни. Вече в Полоцке и его пригородах имело такое же широкое значение, так же прочно осуществляло права верховной власти, как это было в Новгороде и Пскове. Уже при Всеславе-Чародее влияние веча Полоцкой земли было весьма значительным: только при его поддержке этот князь мог вести борьбу в течение полустолетия; при последних же Всеславичах голос веча значил все.

Несомненно, что и в отношении просвещения полочане стояли на высокой ступени, хотя наши источники относительно этого не сохранили сколько-либо определенных сведений. Но храм Всемилостиваго Спаса в Спасо-Евфросиниевском монастыре, устроенный полочанином «неким Иваном», крест пр. Евфросинии, сделанный местным уроженцем Лазарем Богшей, — с своими украшениями, исполненными византийскою перегородчатою эмалью, представлявшею верх художественнаго совершенства византийскаго искусства, и остатки древняго Софийскаго храма — все это живые свидетели того, что церковное византийское искусство рано и в совершенстве известно было полочанам.

Что же касается памятников древней полоцкой письменности, то они не сохранились до нашего времени, но, несомненно, они были; по крайней мере энергичная деятельность Евфросинии и ея обители в отношении распространения «книжнаго учения» может быть тому верным ручательством[12]. Памятников устной словесности, народных сказаний, по-видимому, было много в Полоцкой земле. Сказания эти сосредоточивались, главным образом, вокруг личности князя Всеслава: это имя окружено было самыми разнообразными рассказами, под влиянием которых заметно находится и древнейший киевский летописец и автор «Слова о полку Игореве». (См. история русской словесности ч. I. вып. II. Стр. 92 В. Синовский).

Наконец, широкое и мирное распространение православной веры среди полочан, необыкновенная набожность многих их князей и их семейств — и в особенности этот изумительный религиозный героизм, пример которого являет нам пр. Евфросиния — все это свидетельствует о высокой духовной жизни полочан и о прочности их культуры. Неудивительно поэтому, — если малокультурные литовцы, завладевшие полоцкими землями к половине XIII века, быстро подчинялись ея влиянию: удельныя князья литовские женились на русских княжнах, принимали православие, признавали государственное значение за русским языком и не нарушали установившагося издавна на Руси государственнаго и общественнаго правопорядка. Первые литовские князья не могли даже отказаться от удельной системы, выработанной древней Русью. Они оставляли в своих уделах русских князей, довольствуясь признанием со стороны последних вассальной зависимости от великаго князья, или сажали на опустелые уделы своих литовских родичей[13]. Даже Витовт, уничтожая совершенно самостоятельность Полоцка и обращая его в воеводство, дает ему грамоту, регулирующую местную жизнь, в основу которой кладет принцип: «мы (т. е. господарь) старины не нарушаем, а новины не вводим». И действительно, в делах, например, касающихся местнаго управления, высшим органом, по этой грамоте, являлось в Полоцке, как и встарь, собрание горожан (вече), а равным образом и в других отношениях (политическом, правовом) — грамота Витовта закрепляла собою порядок, выработанный в Полоцкой земле в течение предшествующих веков; так что земля Полоцкая (как Витебская и Смоленская) оставалась и в это время — как бы особым государством, даже во внешности она сохраняла облик отдельных княжений[14]. Словом единение с Литвою послужило не ослаблению, а к возвышению и укреплению полоцкой кульутры, получившей с 15 века, — вследствие теснаго единения прежних кривичей, дреговичей и радимичей в состав Литовско-Русскаго государства, характер уже белорусской культуры[15]. Естественно, что попытка Ягайла к полонизации русских областей — встретила энергичный протест в Полоцке. Этот протест — против обнаружившагося предпочтения православию латинства и русским интересам — интересов польских высказался в энергичной поддержке Полоцком сперва Андрея, потом Свидригайлы Ольгердовичей, — этих защитников всего русскаго и православнаго, в их борьбе с Ягайлой. Этот же протест полочан и верность их родным заветам — сказались и в том, что католицизм, который со времени Витовта (с 1406 года) приобретает себе в Полоцке костел, не находит себе последователей среди местных жителей[16]. Лучшим доказательством этого служат следующия слова иезуита Ростовскаго: «Во всей Полоцкой области считалось (в конце 16 века) не более 10 дворян, исповедывавших католические догматы; в самом же городе Полоцке их было и того меньше». Такой резкий отпор, который дали русские области и в частности Полоцк, польско-литовским правителям в их стремлениях к полонизации русскаго края, заставил их быть осторожными в проведении своей объединительной политики. С половины 15 века и до половины (и даже несколько дальше) 16 века польско-литовские правители в области религиозных вопросов были терпимы или индифферентны; ограничительные законы, изданные при Ягайле относительно занятия православными государственных должностей, — имели очень узкое применение и допускали исключение, (с 1564 года эти законы были отменены). В отношении правовом русская культура также могла считать себя вполне удовлетворенной: русское право писанное и обычное нашло себе полное признание в новом государстве — уголовное впервые и частью в «Судебнике» Казимира, а полнее в трех «Статутах», изданных тремя Сигизмундами (в 1529 г., 1566, 1588 гг.[17]). Все это благоприятно отразилось на развитии Полоцка и Полоцкаго воеводства[18]. Из грамоты Казимира Ягайловича 1441 года видно, что Полоцк в то время был одним из главнейших литовских городов. В 1444 году дозволено гражданам судиться правом Магдебургским. В 1456 году король Казимир дал Полоцку уставную грамоту, в которой указывалось, чтобы все «поспольство», т. е. все жители Полоцка — дела городския решали вместе, согласно, по старине, и сходились бы все на том месте, где прежде, издавна сходились. От начала 16 века имеется свидетельство, что Полоцк в то время был богаче

Вильны и в нем считалось более 100 тысяч жителей. Но затем с конца XVI века и главным образом в течение XVII идет быстрый упадок Полоцка. Местный историк А. Сапунов отмечает это падение в таких цифрах. В конце XVIII столетия, именно: в 1780 году в Полоцке было всего 360 деревянных домов и ни однаго каменнаго; мещан христиан было 437, евреев 478, кроме того, незначительное число дворян и чиновников. В 1810 году мещан христиан было 4332 человека, из них: католиков более тысячи, лютеран 120, старообрядцев 300, евреев 3531. В 1817 году всех жителей обоего пола считалось 3340[19].

Причинами способствовавшими упадку Полоцка и превращению его из обширнаго и цветущаго города в незначительный городок, по мнению того же историка, служили следующие обстоятельства. Во-первых, частыя опустошительныя войны Москвы с Польшею из-за этого края, особенно усилившиеся в XVI веке, во время которых полочанину часто приходилось переходить с новоселья на пепелище. Тяжелыми годами в этом отношении для Полоцка были — 1563-ий год, год взятия Полоцка у Польши войсками Грознаго царя московскаго[20]; 1579 год, год обратнаго завоевания Полоцка польским королем Стефаном Баторием; 1633 и 1654 годы, годы взятия Полоцка московскими войсками, первые годы Северной войны и год Отечественной войны. Во все эти годы полочанин, по меткому белорусскому выражению, «быу, як горох при дорозе: хто идеть, тот скубнеть».

Кроме опустошительных войн, упадку Полоцка, по словам А. Сапунова, способствовали разнаго года физическия бедствия. В 1566 году много народа умерло от чумы. В 1600 году в городе и его окрестностях был большой голод, а затем и язва, от которой умерло до 15 тысяч человек. С 1741—1746 год, во время страшной голодовки, умерло много народу. От холеры, свирепствовавшей в 1831 году, умерло 596 человек.

Немало вреда причинили Полоцку и пожары, которых история Полоцка насчитывает очень много со второй половины 16 века. Из них особенно губительны были пожары 1563, 1579, 1709, 1738, 1750, 1753, 1770, 1812, 1837, 1848 и 1862 гг.[21].

Соглашаясь с почтенным историком в том, что стечение всех этих несчастных обстоятельств было губительно для Полоцка, мы однако утверждаем, что ни войны, ни мор, ни чума, ни язва, ни холера, ни пожары не причинили столько зла русскому православному Полоцку, сколько причинила ему та латино-польская политика, которая, потерпев здесь поражение в начале польскаго владычества, возымела особую силу после Люблинской унии (1569 г.), когда она нашла для себя деятельных сторонников в лице братьев иезуитов и получила особое влияние на Белорусский край в Брестской церковной унии (с 1596 г.) — этом насильственно порожденном детище отцов иезуитов.

Гибельные плоды иезуитской политики в Белоруссии прежде и долее всего пришлось испытать Полоцку. Стефан Баторий, отняв у Грознаго Полоцк в 1579 году , к удивлению своему, не нашел ни одного латинскаго костела ни в самом Полоцке, ни во всем Полоцком воеводстве. Относясь совершенно индифферентно к религии — Баторий однако держался того убеждения, что для политической крепости государства необходимо водворить в нем религиозное единение. Он знал, что в завоеванном им крае — православие отождествлялось с русскою национальностью, а католицизм с польскою. Он знал также, что во время выборов короля, по смерти Сигизмунда Августа II, государству грозила большая опасность, так как среди русской шляхты большими симпатиями пользовался московский царь Иоанн Грозный, и как русский по национальности и как православный по вере: на Москву были обращены взоры православных мещан и крестьянской массы. Все это заставило его воспользоваться услугами отцов иезуитов, в которых он видел прекрасных проводников идеи государственнаго, религиознаго и національнаго единства. И вот, несмотря на протест полочан, он «для распространения св. римской веры в сем крае», учредил коллегиум иезуитов — на содержание котораго отдал иезуитам почти все полоцкие православные монастыри и церкви со всеми «пожалованиями» их и много дворов, по случаю бывших тогда войн, оставшихся без владельцев. Получив такой щедрый дар от Батория, иезуиты энергично принялись за ополячение местных жителей. Не встречая особаго противодействия себе в полоцком духовенстве, — они нашли резкий отпор среди простых обывателей города Полоцка, которые на сейме 1587 года настоятельно требовали выселения иезуитов из Полоцка и едва не достигли этого. Но благодаря своим интригам, иезуиты не только остались в Полоцке, но в следующем же году стали строить величественный костел св. Стефана (в честь ангела Стефана Батория) и свои школы.

После Брестской унии они нашли себе незаменимых помощников в лице униатского духовенства и базилиан[22]. Эти ренегаты «православных граждан в городе Полоцке, не желавших сделаться униатами, сажали в тюрьмы, заключали в оковы, изгоняли из города»[23]. Особенным фанатизмом в этом отношении прославился полоцкий униатский арх. Иосафат Кунцевич. Как видно из прошения православных жителей Западно-Русскаго края к Польскому сейму от 1623 года, — этот «отступник — владыка Полоцкий, что бы досадить тамошним мещанам (т. е. полоцким), приказал вырыть недавно похороненныя подле церкви тела умерших и бросить их на съедение собакам, как какую-либо падаль»[24]. Такие зверства возмущали чувства самих католиков, так что великий литовский канцлер Лев Сапега (католик) нашел вынужденным официально обратиться с словами увещания к неистовавшему Кунцевичу. При коронации Владислава IV в 1632 году православным удалось было исхлопотать себе некоторые льготы, именно: изданы были на сейме так называемые «Статьи для успокоения народа русскаго», которыми возстановлялась на легальном основании православная иерархия с митрополитом во главе (избран был знаменитый Петр Могила), часть Белоруссии выделена была в особую епархию, Мстиславскую, к который был отнесен и Полоцк, за православными признано было несколько церквей и, между прочим, одна в Полоцке. Статьи эти имели очень важное значение для православных, но на деле оне почти не соблюдались.

Немудрено, поэтому, что всякое движение за поруганныя права, подымавшееся на Украйне, — находило живое сочувствие и в сердцах угнетенных православных полочан; когда же, во время войны Москвы с Польшею за Малороссию, — войска Алексея Михайловича вступили в пределы Белоруссии, то, по признанию самих польских воевод, встретили среди населения везде радушный прием. В Полоцке царь московский встречен был, как желанный избавитель, при въезде в город — жителями, духовенством, с теплою речью игумена Богоявленскаго монастыря Игнатия Иевлевича. В братской школе учитель ея, известный Симеон Полоцкий, поднес царю приветственные «Метры» своего сочинения. Но после возвращения Полоцка по Андрусовскому перемирию 1667 г. Польше, положение православных в Полоцке стало еще печальнее и ужаснее, чем до 1656 года. Тогда они еще имели возможность, следуя заветам славнаго полочанина Георгия Скорины[25], вести борьбу с натиском иезуитов и униатов на почве культурной — посредством школы и книги.

Организованное ими при Богоявленском монастыре Братство развило интенсивную деятельность в своей защите православной веры и выдвинули из

своей среды таких выдающихся по своей образованности лиц, как например, Симеон Полоцкий. Но приют братства, а вместе и оплот православия — Богоявленский монастырь после Андрусовского договора, в 1668 году, подвергся гонению. «Схизма», с негодующим удивлением, говорил король Ян Казимир в своем указе: «дерзнула основаться в нашем городе Полоцке и заражать собою Полоцкую епархию» и приказал отнять у православных это последнее их прибежище. От оскорблений фанатиков католиков в Полоцке не были застрахованы и такия знатныя русския особы, как император Петр Великий. В 1705 году он, во время пребывания своего в Полоцке, зашел в Софийский собор, принадлежавший в то время базилианам. Заметив в одном из боковых приделов неизвестный ему образ, — государь спросил: «Чей это образ?». «Злочестивцы ругательно ответили, что сей образ св. мученика их Иосафата (Кунцевича), которого де ваши единоверцы, еретики, богоотступники и мучители, как и вы, убили». Возмущенный таким ответом, Петр велел лицам своей свиты схватить дерзких; но те начали сопротивляться. В происшедшей схватке были ранены некоторые из слуг царя; последние до того озлобились, что в свою очередь бросившись на нападавших, некоторых из них убили. После этого главные виновники этого печального инцидента были повешаны[26].

При таких жестокостях униатов и иезуитов над православными жителями Полоцка — немудрено, что многие из них, не желая покинуть своей веры, оставляли родной город. Уменьшалось православное население города Полоцка среди жестоких гонений, а вместе с тем слабела и русская культура в нем. И так обстояло дело до самаго возвращения Западно-Русских областей от Польши к России в царствование импер. Екатерины Второй и даже значительно далее. В 1772 году по первому разделу Польши Витебское и Полоцкое воеводство — это древнее достояние потомков Изяслава Владимировича — вошли в состав русскаго государства. Полоцкое воеводство, присоединенное к России, сначала было переименовано в провинцию Псковской губ. 24 августа 1776 года образована Полоцкая губерния, а Полоцк (22 марта 1777 г.) сделан был губернским городом. 10 января 1778 года губерния переименована в наместничество. С 1796 года Полоцк сделан уездным городом и вошел в состав Белорусской губернии, а с 1802 года — в состав Витебской.

Но и после своего присоединения к России Полоцк еще несколько десятков лет продолжал носить польский облик и служить прибежищем иезуитов, бернардинов, доминиканцев, францисканцев, базилиан и др. католических и униатских миссионеров. Тогда как иезуитский орден был упразднен в католической Европе и в Польше (бреве Климента XVI 21 июля 1773 г.), и членов этого своеобразнаго и зловреднаго ордена изгоняли правительства западных государств, — импер. Екатерина, чтобы привлечь к России симпатии поляков и католиков Белоруссии, оставила иезуитов в Полоцке, даровала им право новициата, т. е. право приема в орден новых членов и вверила им образование Белорусскаго юношества[27]. Такою же благосклонностью пользовались полоцкие иезуиты в царствовании имп. Павла и почти до конца царствования Александра I. Так, в январе 1812 года Полоцкий иезуитский коллегиум был даже переименован в академию, которой предоставлены были всё право университетов. Но эти безпримерныя милости русскаго правительства не изменили характера и направления деятельности иезуитов, не сделали из них друзей и споспешников православнаго русскаго правительства и народа; даже более того — под влиянием полоцких иезуитов и действовавших в их же духе базилиан, униатская церковь вместо тяготения к православию, стала приближаться к католичеству, а с 1795 года была подчинена и ведению римско-католической духовной власти. Пользуясь такими благоприятными обстоятельствами иезуиты из Полоцка, как из гнезда, расползлись во все стороны России и даже проникли в русскую столицу. Впрочем, в Петербурге деятельность братьев иезуитов продолжалась сравнительно недолго. Когда плоды их тлетворной деятельности здесь ясно обнаружились, состоялся приказ: «иезуитов, снабдя на дорогу теплой одеждою, разсадить по саням, и под надзором полиции отправить в Полоцк». В 1820 году сотоялся другой приказ: «Иезуитов, как забывших священный долг благодарности и присяги — выслать за границу и впредь ни под каким видом не впускать в Россию, Полоцкую же академию и все бывшия у иезуитов училища закрыть, документы, церковную утварь, библиотеку, движимое и недвижимое имущество, по описи, принять местным духовным лицам в присутствии особой комиссии».

По удалении иезуитов из Полоцка — католическо-польскую политику здесь некоторое время поддерживали другие оставшиеся католические ордена и униаты. Но после польского возстания 1831 года, когда оказалось, что многие из учеников Полоцкого коллегиума, бывшаго тогда в заведывании базилиан, были в числе возставших, русское правительство стало удалять из Полоцка и эти ордена. В 1833 году все католические монастыри и костелы в Полоцке были закрыты; только костел доминиканов оставлен для прихожан католиков.

С начала 19 столетия среди униатскаго духовенства возникает стремление к сближению с православной греко-восточной церковью. Выразителями такого стремления являются достопамятные полоцкие униатские архиепископы — Ираклий Лисовский (+1809 г.), его преемник Иоанн Красовский (+ 1827 г.), но ревностными и решительными деятелями в деле сближения униатской церкви с православной — были Виленский епископ (впоследствии литовский митрополит) Иосиф Семашко и протоиерей (впоследствии Полоцкий арх) Василий Лужинский. Благодаря деятельности этих лиц, особенно двух последних, происходит постепенное сближение греко-униатской церкви с православной, закончившееся в 1839 году актом возсоединения, составленным и подписанным представителями греко-униатскаго духовенства в Полоцке, в Софийском соборе 12-го февраля, на котором император Николай I 25-го марта того же года написал: «Благодарю Бога и принимаю». Этот акт, вырвавший из рук католической церкви обреченных на окатоличение, а следовательно, и на опольячение более 1 $^1/_2$ миллиона русских униатов, был торжеством не только православия, но и победой русской народности, а равно и тяжким ударом католицизму и польской нации. Недаром папа Григорий XVI в своей речи 22-го ноября 1839 года назвал совершившееся возсоединение величайшим бедствием, превосходящим все другия, до того времен поражавшия римскую церковь, бедствия[28].

С возвращением униатов на лоно православной церкви, — православные полочане начинают стремиться к возсозданию своих древних святынь, порушенных в Полоцке иезуитами и их приспешниками униатами за время более, чем двухсотлетняго их здесь господства. В 1841 году 18 октября возстановлена была при древней церкви Всемилостиваго Спаса Спасо-Евфросиниевская обитель, служившая для древняго православнаго Полоцка разсадником православия и русскаго просвещения. С того же времени начинаются ходатайства Полочан о перенесении честных мощей пр. Евфросинии, этой вековой представительницы и ревнительницы о православно-русской культуре здешняго края, из Киева в Полоцк — благополучно завершившиеся только в настоящем (1910) году.

Бурная, исполненная самых тяжких невзгод, история Полоцкой земли — не сохранила до нашего времени определенных сведений относитель-

Съ фотографіи дѣйств. члена Ст. Ком. Кусцинскаго.

ВИДЪ ГОРОДА ПОЛОТСКА.

СОФІИСКІЙ СОБОРЪ ВОЕННАЯ ГИМНАЗІЯ И ПРИ НЕЙ ДОМИНИКАНСКІЙ КОСТЕЛЪ
ЦЕРКОВЬ СВ. НИКОЛАЯ
БОГОЯВЛЕНСКІЙ МУЖ. МОНАСТЫРЬ — ПАМЯТНИКЪ СОБЫТІЙ 1812 г.

ВИД ГОРОДА ПОЛОЦКА.

Гравюра по фотографии действительного члена Витебского статистического комитета Кусцинского. // Памятная книжка Витебской губернии на 1867 год. Год 4-й. СПб., тип. К. Вульфа, 1867.

но географическаго расположения города Полоцка.

Первыя более или менее точныя описания города и замков полоцких мы находим у Гейденштейна, современника Стефана Батория. Полоцк, по словам этого историка, в его время состоял из двух замков Верхняго, лежащаго на возвышенном месте, и Нижняго, или Стрелецкаго, и города Заполотья. «Город, по утверждению того же историка, некогда стоял на левой стороне Полоты внизу холма. По другим сведениям, город, собственно уже с древнейших времен был расположен там же, где и во второй половине XVI в., т. е. за Полотой. Город, или Заполотье, в XVI в. со всех сторон был окружен деревянною стеной и глубоким рвом; улицы были узки, кривы; дома низкие, деревянные с небольшими окнами. Городския поселения тянулись вверх по течению Полоты до местности, известной некогда под именем «Сельцо». Длинный деревянный мост на сваях у самаго почти устья Полоты соединял город с Верхним замком. Верхний замок стоял на самом высоком месте и был обведен стеною с семью башнями; между ними восточная, так называемая Королевская, отличалась от прочих высотою, толщиною и архитектурою. На Верхнем замке находился храм св. Софии, несколько церквей и монастырей, а некогда и княжеские терема. С востока примыкал к нему Нижний замок, обведенный тоже стеною с башнями. Стены состояли из сплоченных между собою в два ряда деревянных брусьев. Подъемный мост через ров служил сообщением между обоими замками. Во время борьбы из-за Полоцка между Москвой и Польшей (1563 г., 1579 г.) замки сильно страдали, но всегда вскоре же возобновлялись. При императрице Екатерине II — осматривавший их, по ея повелению, инженер Баур нашел, что надежней твердой крепости даже на Верхнем замке нельзя поставить в виду высот, лежащих против — на левом берегу Двины. С этого времени замки почти не играют никакой роли. В настоящее время, кроме еще заметных валов Нижняго замка, от Полоцких замков ничего не осталось[29].

§ 2. ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ г. ПОЛОЦКА И ЕГО БЛИЖАЙШИХ ОКРЕСТНОСТЕЙ.

Представляя собою первую и можно сказать самую интересную страницу Белоруссии, естественно ожидать, что Полоцк должен заключать в себе и много интересных памятников православной старины; но, к сожалению, на деле оказывается совершенно иное. Благодаря историческим невзгодам, благодаря усердной заботливости приютившихся здесь иезуитов, благодаря более чем двухсотлетнему господству здесь унии, памятники древняго православия и древней русской культуры почти исчезли, или потерпели в наружности своей столько изменений, что совершенно потеряли свой первообраз[30].

Из памятников православной старины, не потерпевших никаких изменений, можно назвать только один. Это крест св. Евфросинии, который хранится в Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре, в келье пр. Евфросинии[31]. Крест этот

сделан в Полоцке, по желанию преподобной, в 1161 году русским мастером Лазарем Богшей, как то видно из надписи на кресте, для сооруженнаго Евфросинией храма Всемилостиваго Спаса. Крест имеет форму шестиконечную, т. е. с двумя поперечными перекладинами. Длина его 11 $^3/_8$ вершка; верхняя перекладина длиной в 3 вершка, а нижняя в 4 $^5/_8$. Весь крест обложен золотыми и серебряно-вызолоченными листами, на которых находится много весьма искусно сделанных украшений и двадцать маленьких образков, исполненных византийскою перегородчатою эмалью, представлявшею верх художественнаго совершенства византийского искусства. Из этих образков один утрачен (обр. Григория Богослова с левой стороны креста). Над каждым образком вырезана надпись частью греческими, частью славянскими буквами.

С правой стороны креста находятся следующие образки: 1) Иисуса Христа, 2) Божьей Матери, 3) Иоанна Крестителя, 4) арх. Михаила, 5) архистр. Гавриила, 6) еванг. Иоанна, 7) ев. Матфея, 8) ев. Луки, 9) ев. Марка, 10) св. Евфросинии Александрийской, 11) св. велико-муч. Георгия и 12) св. велико-муч. Софии. С левой стороны: 1) Иоанна Златоуста, 2) Василия Великаго, 3) ап. Петра, 4) Павла, 5) мучен. Стефана, 6) в.-муч. Димитрия и 7) в. м. Пантелеймона. Внутри креста содержатся дорогия для сердца православнаго христианина святыни, приобретенныя пр. Евфросинией с Востока. С правой стороны — капли безценной крови Христовой, оставшейся на древе крестном, и часть древа животворящаго креста Господня. — С левой стороны — часть камня от гроба Пр. Богоматери, часть камня от гроба Господня, мощи св. Стефана, кровь св. Димитрия и мощи св. Пантелеймона. В боковой надписи, начертанной вокруг всего креста, заключена воля пр. Евфросинии, чтобы крест этот, положенный ею в церковь монастыря св. Спаса, оставался в ней навсегда и никем не был отчуждаем, под опасением проклятия. Из этой надписи узнаем также, что употребленное на сооружение креста золото, серебро, драгоценные камни и пр. украшения стоили 140 гривен, т. е. почти 1400 руб. сер. Крест этот в течение 400 лет находился в Спасской обители. Перед завоеванием Грозным Полоцка (1563 г.) он был перенесен монахинями в Софийский собор. В 1596 году крест этот перешел в руки униатов и находился у них до 1839 года, несмотря на все старания иезуитов завладеть им. Во время Отечественной войны крест хранился в стене Софийскаго собора, в нише, наглухо заделанной. В 1841 г. 23 мая он торжественно был перенесен в возстановленную Спасскую обитель.

2) На втором месте по остаткам древней православной старины нужно поставить самый храм Всемилостиваго Спаса при Спасо-Евфросиниевском монастыре, где хранится вышеописанный крест пр. Евфросинии. Небольшой по размерам, изящный по постройке в византийском стиле — продолговатый извне, крестообразный внутри, с четырьмя толстыми колоннами, с очень толстыми стенами, с узенькими, во внутрь расширяющимися окнами, и одной главой храм этот — один из немногих уцелевших на св. Руси памятников церковнаго зодчества от XII века. Как видно из жития Преподобной, храм Спаса строился в течение 30 недель, под наблюдением «некоего Ивана», местнаго уроженца. Освящен он был епископом Дионисием при многочисленном стечении полочан и в присутствии полоцких князей — родственников преподобной. Пронесшиеся над Полоцком многоразличныя бури невзгод и вражеских нашествий не сокрушили этой древней святыни, хотя и оставили на ней свои следы.

После 400 летняго нахождения в руках православных — храм Спаса, по приказанию Батория, в 1580 году передан был иезуитам. Обращенный ими в костел, он находился в их ведении до самого изгнания их из Полоцка, т. е до 1820 года, исключая небольшой промежуток времени от 1656 до 1667 года, когда он был в руках православных. После изгнания иезуитов — храм был передан в ведение пиаров и оставался в их владении, находясь в полном запустении, до 1832 года. В этом году, по ходатайству пр. Гавриила и Витебскаго генерал-губерн. кн. Хованскаго, Высочайше повелено передать храм в ведение православнаго духовенства с отнесением расходов по возстановлению его на счет казны.

В ночь на 7-ое августа 1833 года совершено освящение храма, произведшее между униатами и католиками большое волнение и породившее между ними много толков. Вскоре приступлено было к капитальному ремонту храма, производившемуся под непосредственным наблюдением кн. Хованскаго, который особенно заботился о том, «чтобы фасад сей церкви, яко священный памятник глубокой древности, был оставлен во всех частях неприкосновенным». Однако, несмотря на его старания, реставрация храма в отношении охранения древности — нельзя сказать, чтобы произведена удачно, как это видно из отзыва акад. Павлинова. Но все же и теперь в храме сохраняются (в возстановленном виде) некоторыя надписи, несомненно от XII века, как например: «Дому Твоему подобает святыня в долготу дни»[32]. В храме также сохраняются, по обе стороны хор, две небольшия кельи с маленькими окнами; в одной из них (в правой) спасалась пр. Евфросиния, а в другой (левой) сестра ея — Евдокия. В 1835 году отремонтированный храм Спаса приписан был к архиерейскому дому в виде храма загородной архиерейской дачи, а в 1841 году, со времени возстановления Спасо-Евфросиниевской обители, он опять поступил в ведение этой обители.

3) Сердце древняго Полоцка, средоточие духовной жизни полочан, свидетель их многочисленных торговых договоров—храм св. Софии — Премудрости Божией, до наших дней сохранился лишь в незначительных своих частях, вошедших в состав возвышающагося на Верхнем замке позднейшаго храма св. Софии. Древнеший храм св. Софии был деревянный и был заложен или св. Владимиром или Изяславом около 1000 года[33]. На месте этого деревяннаго храма, вероятно, в начале 12 века полоцкий князь Борис (Всеславич), не жалея издержек, создал новый каменный храм в греческом стиле[34], в голубце котораго некоторое время подвизалась пр. Евфросиния. Видимо, этот храм Борисов с любовью и тщательно поддерживался полочанами: в нем они хранили самое дорогое свое сокровище — памятники древней письменности. Сохранилось свидетельство одного из современников Батория, что по взятии этим последним храма Софии, — при завоевании Полоцка в 1579 г., найдена была здесь богатейшая библиотека, где, кроме летописей, значилось много редких сочинений отцов греческой церкви, — все это погибло. Со времени церковной унии (с 1596 г.) храм св. Софии переходит к униатам, теряет свое прежнее значение для Полоцка и не раз в последующее время подвергается разрушению. После перваго такого разрушения, произведеннаго пожаром в 1607 году, — он был возстановлен полоцким униатским арх. Иосафатом Кунцевичем (+ 1623 г.), но уже в измененном виде. С 1656 и по 1667 года храм находился в руках православных. В 1668 году перешел к базилианам. В 1750 году на месте обветшавшаго храма униатским митр. Флорианом Гребницким сооружен новый, существующий и доселе (только несколько подновленный в 1851 году) храм св. Софии — замечательный по своим архитектурным достоинствам. Со времени возсоединения униатов Софийский храм стал православным храмом, а с 1873 года обращен в приписную к Николаевскому собору церковь.

В настоящее время этот храм св. Софии, согласно заключению члена Импер. Археолог. Комиссии П. П. Покрышкина, осматривавшаго его летом 1909 года, имеет в себе следующия части древняго каменнаго храма св. Софии: А) под его полом сохраняются остатки первоначальных столбов и стен от XI—XII в., в) в восточной стене храма есть три полукружия, целиком сохранившиеся от XI—XII в., отчасти и западная стена носит следы того же времени, так что при отбивке наружной и внутренней штукарутки в этих местах — есть возможность открытия первоначальной стенописи, — наконец, с) в западных частях храма могут быть открыты остатки башен, вероятно, стоявших на юго-и северо-западных углах первоначальнаго храма.[35]

4) К 12 веку относится основание Борисоглебскаго, или Бельчицкаго монастыря, за Двиною, над р. Бельчицею.[36] Основателем его был, по всей вероятности, тот же благочестивый князь Борис Всеславич, которым был устроен каменный собор св. Софии на Верхнем замке (+ 1128). В восточной части монастырскаго двора и досель сохранились остатки фундамента сооруженной им церкви в честь Бориса и Глеба. Существующая в этом монастыре Борисоглебская церковь построена не позже XIII века. Другая находящаяся в том монастыре церковь Параскевы-Пятницы с древней чтимой иконой муч. Параскевы тоже имеет за собою значительную давность: она построена в 1670 году настоятелем монастыря, архим. Чудовским.[37]

5) Последний памятник от 12 века, связываемый с именем того же полоцкого князя Бориса, — это так называемый «Борисов камень», который лежит в 5 верстах ниже Полоцка, почти у самого леваго берега Зап. Двины, близ двух оврагов, известных под названием «Прорыток». Камень этот — полевой шпат красноватаго цвета, имеет следующую надпись: «ХС. Ника. Господи помози рабу своему Борису».

6) Из памятников православной старины в Полоцке более поздняго времени — можно указать на Богоявленский мужской монастырь — с храмом Богоявления Господня и с домовою церковью во имя вел-м. Екатерины, находящийся на берегу Двины по Нижне-Покровской улице. Монастырь этот основан, вероятно, в 15 веке, но особенное значение он приобрел со времени появления в Полоцке унии. В этом монастыре находило себе приют православное полоцкое Братство в своей борьбе с унией и католицизмом, здесь же помещалась и Братская школа. Монастырь был долгое время под особым покровительством московских иерархов и русских государей. В 1563 году Богоявленский монастырь посетил Иоанн Грозный; в 1656 году — царь Алексей Михайлович; в 1705 году — Петр I и в 1780 году импер. Екатерина II. По повелению им. Екатерины на возобновление монастыря из Государственнаго Казначейства отпущено 35,221 руб. 18 коп. В это время построена теплая церковь св. Екатерины и кельи (каменныя) для монахов. (Подробнейшее описание монастыря находится в «Истории Российской Иерархии»).

7) В 6 верстах выше Полоцка по Западной Двине находится местечко Струнь (или Струня), бывшее некогда летней резиденцией униатских архиепископов. Здесь находится храм Воздвижения Креста Господня, сооруженный Ираклием Лисовским, этим ревностным поборником возсоединения униатов с православною церковью. В Струнском храме покоится и прах самаго строителя (+1809).

8) Гордостью русскаго народнаго духа, символом славы русскаго оружия — и одним из лучших украшений современнаго Полоцка — является памятник войны 1812 года, поставленный, по повелению имп. Николая I, на главной площади, против Николаевскаго собора и кадетскаго корпуса, и торжественно открытый в 1850 году 26-го августа, в присутствии наследника Цесаревича и великаго князя Александра Николаевича.

Памятник имеет вид остроконечной, восьмисторонней пирамиды, увенчанной чешуйчатым куполом, с позолоченным крестом. В основании он круглый, средняя часть его украшена 8-ью бронзовыми, золоченными орлами, поставленными на колоннах, поддерживающих верхнюю коническую часть памятника. Общая высота памятника 33 ар. и 5 вер.

На двух противоположных сторонах памятника, в нишах, начертаны золотыми буквами следующия надписи: на стороне, обращенной к Витебской улице: «Битва при Полоцке 5 и 6 августа и взятие сего города приступом 7-го октября 1812 года[38]. Поражение Удино и Сен-Сира графом Витгенштейном». В стороне, обращенной к Николаевскому собору: «Взято в плен неприятеля — 4500 человек, отбито 3 орудия».

Под этой надписью находится в киоте образ св. Сергия и Вакха, в день памяти коих, т. е. 7-го окт., войска наши вступили в Полоцк. Памятник окружает ограда из железных цепей, подвешенных между 20-ью круглыми чугунными тумбами. На уступе второго яруса, к верхней стороне карниза, привинчена чугунная граната, найденная в земле, когда была вырыта яма для закладки фундамента памятника.

Отливка памятника обошлась в 58000 руб., постановка в 14.721 р. 94 коп. Памятник находится в ведении директора кадетскаго корпуса. (Смотр. «Памятн. вр. древн. и новейших в Вит. губ.», А. Сапунов. Стр. 31—32).

II.
НАСТОЯЩЕЕ г. ПОЛОЦКА

«Ты проснешься-ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил?..»

После нескольких веков бурной своей исторической жизни, во время которой Полоцк видел в своих стенах и пышный расцвет православия, и тяжкую борьбу русской культуры с натиском польщизны, и временное торжество унии и католичества, и героическую борьбу народов (в 1812 году), он, наконец, ослабленный тяжелыми невзгодами своей превратной судьбы, «тихо опочил». Долгие годы энергичной деятельности и борьбы сменились долгими мертвящими годами равнодушия и застоя. Много за эти «серые» годы растерял православный полочанин своего духовнаго наследства, может быть, даже больше, чем в годы тяжелой борьбы за него. В наши дни величавыя были прошлаго уже мало шевелят сладостным восторгом ум православнаго полочанина. Почти не вспоминается народом героический образ гордой полочанки Гориславы-Рогнеды, забыт Изяслав — устроитель древняго Полоцка, замолкли народныя сказания о славном Чародее-Всеславе, стирается в народном сознании и имя благочестиваго князя Бориса, так страстно желавшаго жить в грядущих веках посредством своих многочисленных и своеобразных камней-монументов, чужд, наконец, стал для современных полочан и «великий друг русских людей», славный полочанин Скорина; только святое имя первой великой подвижницы и просветительницы Белорусскаго края — преподобной княжны Евфросинии не могли сокрушить и стереть с скрижалей Белорусскаго сердца ни грозные, враждебные вихри, пронесшиеся над Полоцкою землею, ни полет безпощаднаго времени. Подобно маяку в ночной темноте, светило это имя белоруссу в самыя черныя минуты его жизни, озаряя своим нежным, ласкающим светом его угрюмую, вследствие частых бед жизни, душу.

Потускнели в сознании современных полочан, под влиянием великих невзгод прошлаго, славные были, резко изменился, под влиянием тех же невзгод, и облик обитателей Полоцка, переменились и условия их жизни, — изменил, наконец, значительно свое местоположение и самый город. В настоящее время Полоцк почти не выделяется из числа средних уездных городов[39].

Главный жизненный нерв древняго Полоцка р. Двина в настоящее время имеет для него мало значения. Уже ни в коем случае нельзя сказать теперь про нее то, что некогда сказал о ней царь Иван Васильевич Грозный, очевидно, имея в виду ея торговое значение: «Берега Двины серебряные, а дно золотое». Современная Двина у Полоцка мало пригодна для торговых целей. Предпринимаемыя несколько раз попытки к поднятию судоходства по Двине с пользою для края, кажется, не были особенно энергичны и не дали положительных результатов, так что и доселе пароходство и вообще судоходство по Двине у Полоцка самое ничтожное.[40] Только безчисленные плоты, сплавляемаго вниз по течению реки леса и днем и ночью с ранней весны до поздней осени, бороздят воды Двины.

Можно потому, не преувеличивая, сказать, что эта «янтарная» река, известная еще древним грекам и римлянам, опоэтизированная Гомером и Овидием, свидетельница славных подвигов норманских викингов и мощнаго развития наших предков, в наши дни спит, выражаясь словами одного белорусскаго поэта, как бы мглой одета, а тихия воды ея в своем однообразном плеске уже давно несут нам, потомкам когда-то славных и предприимчивых полочан, вместе с материнской просьбой и этот тяжелый укор:

«О, дети! стыдно вам! Ваш мертвый сон глубок.
Я жду — как тяжко ждать! за годом год проходит,
А наших сил расцвет по-прежнему далек!...
Ах! эта медленность грусть на меня наводит».
. . . . . .
«Берите лиру, плуг, ищите все труда!
Я в грудь вложу вам мощь и чистыя стремленья;
Пусть бороздят меня тяжелые суда;
В моих волнах найдут поэты вдохновенье».
. . . . . .

Суровый упрек несется к нам и с высот Верхняго замка от храма св. Софии—Премудрости Божьей. Печальный, обезглавленный стихией, почти оставленный и полузабытый[41], разрушаемый безпощадным временем — этот храм, дорогое сокровище и сердце древняго Полоцка, теперь, с находящимися вокруг него развалинами когда-то красиваго и величественнаго здания, производит самое тяжелое впечатление на наблюдателя и вызывает краску стыда и чувство горькой обиды у тех православно-русских людей, для которых «милы родимой старины неясныя картины», «великой древности — великия мечты».

Да и самый Верхний замок — это средоточие древней полоцкой мощи и жизни — теперь напоминает печальное кладбище: не о жизни говорит он посетителю своими мрачными руинами, а о смерти и разрушении. Среди этих печальных руин мало места для светлых грез и радужных надежд на возрождение Полоцка[42]. Таких надежд мало было и в другой новой части Полоцка, где тихо шла жизнь маленькаго русскаго православнаго общества, особенно мало было в последние годы при натиске на православие объединившагося и укрепившагося католицизма и других соблазнов времени. Казалось, что Полоцк — эта колыбель православия Белорусскаго края и мать его культуры — уже сыграл свою славную историческую роль: теперь и в будущем судьба ему уже указывает маленькое место в общем ходе исторической жизни Белорусскаго края. Казалось, что он забыт навсегда своими сынами — белоруссами. Казалось, что Полоцк оставлен даже своей Небесной Покровительницей, к которой на протяжении нескольких веков стремились заветные думы и чувства полочан, которая, разставаясь с Полоцком, обещала полочанам молиться за них, но не оставлять их навсегда; по крайней мере к грустному заключению приводили православных полочан многочисленные безуспешныя просьбы их о перенесении св. мощей пр. Евфросинии из Киева в Полоцк. — Так сокрушались надежды православных полочан, а вместе с ними слабел и дух их. Только в тихой обители Преподобной, которая безпрестанно днем и ночью возносила горячия молитвы к своей св. Игуменьи, теплилась крепкая вера в возвращении Преподобной под родной кров свой. И эта вера в конце концов восторжествовала. Пришел час воли Божьей.

Из дальных темных пещер киевских встала Небесная покровительница Белорусскаго края, св. княжна Евфросиния, по словам поэта, «страдальческий образ отчизны далекой, хранившая в вечных мечтах». Под красный звон колоколов, под пение пасхальных гимнов оставила она мать городов русских, место своего многовекового упокоения, и торжественно с радостною вестью о воскрении и новой лучшей жизни пошла по своей земле страдалице-Белоруссии; с тою же радостною вестью об обновлении входит она и в свой родной многострадальный Полоцк — в самый расцвет жизни природы, в светлые дни мая. Сколько глубоко религиознаго, сколько величественно-трогательнаго смысла заключает в себе торжественное возвращение св. княжны Полочанки на родину после более семивекового отсутствия! Начало новых светлых дней для Белоруссии и древняго Полоцка указывается в нем. И уже наступают эти дни; уже откликается на привет своей Небесной Молитвенницы белорусский народ, уже пробуждается любовь к обители Преподобной, уже текут тысячи верующих русских людей к древнему Полоцку. В религиозном единении около родной святыни, без сомнения, пробудятся их дремлющия силы, возродятся у них новыя светлыя надежды, явится святое рвение, окрепнет дух. И думается, что близко то время, когда—воспламененныя примером Преподобной—чуткия сердца русских людей с большею обновленной энергией примутся за продолжение — ослабленнаго веками невзгод — просветительнаго подвига Преподобной и за возстановление на ея родине порушенных памятников православной русской старины.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии» Без-Корнилович. Стр. 70. — (Здесь и далее — прим. автора).

[2] Полоцк лежал на важнейшей артерии великаго водного пути «из варяг в греки», шедшей, помимо Новгорода, прямо в Рижский залив. Семенов. «Россия». IX т. стр. 64.

[3] За последнее время высказывается обратное мнение о зависимости Новгорода от Полоцка. Так, в «Географическом описании России», в томе IX-м, под редакцией В. Семенова, — в объяснении спора между полоцкими и киевскими князьями — мы читаем следующее: «В настоящее время не совсем понятна причина этого спора, столь необычайного, даже в среде древнерусских усобиц. Но едва ли не самым подходящим объяснением его будет тот факт, что Новгород являлся колонией полоцких кривичей; очевидно, полоцкие князья, хорошо помня происхождение богатого и быстро развивавшегося города,

предъявляли на него свои притязания и делали безпрестанныя нападения. Но Новгород находился в сфере влияния киевских князей, сначала Изяслава Ярославича, а потом Всеволода, его сына и внука. Для киевских князей Новгород был также очень важен, как торговый центр, и как город, который давал князю большие доходы. Новгородцы также тянулись к Киеву, вследствие торговых связей. Ясно, что спор был неравен и Полоцкая земля в результате оказалась разгромленной (стр. 60).

[4] «Приняв Христианскую веру», говорит предание, «Владимир дал знать бывшей княгине, что отныне он остается с одной женой, взятою в христианстве, а ей предложил брак с любимым из вельмож своих. Но гордая и в изгнании Рогнеда ответила послам: «Быв княгинею, могу ли я быть рабою у слуги твоего? Прошу уневести меня Твоему Христу». И просьба ея была исполнена. Приняв христианство, Гориславa (так назвали Рогнеду современники за пережитыя ею горести) вскоре приняла и иноческий чин с именем Анастасии, в коем и скончалась».

[5] А. Сапунов относит это событие к 992 году («Западная Двина». Стр. 419). Польские писатели Несецкий и Стебельский относят учреждение епархии к 1000 году. В летописях первым из полоцких епископов упоминается Мина, посвященный в этот сан в 1105 г. («Западная Двина» стр. 419).

[6] Сапунов — Западная Двина 407 стр.

[7] Витебская губерния. Историко-географический и статистический обзор. Стр. 9.

[8] Г. Вольский. «Слово о полку Игореве». стр. 20.

[9] «Западная Двина» стр. 404 А. Сапунов.

[10] Г. Вольский «Слово о полку Игореве» Ст. 20.

[11] Главными из привозных товаров были соль, шерстяные изделия, полотно, разного рода металлы, сельди, вино; а из вывозных — воск, меха, шкуры, кожи, сало, деготь и наконец лен, пенька.

[12] Вероятно, они погибли во время последующих погромов г. Полоцка. Есть, напр., известие, что при взятии Полоцка Стефаном Баторием (1579) погибла драгоценная библиотека, заключавшая в себе много летописей и творений св. отцов.

[13] «Россия» под ред. Семенова т. IX Стр. 72.

[14] Напр., намесник города назначался из местнаго боярства и с согласия всего «поспольства», т. е. всех местных жителей, далее, город сохранял штат придворных должностей, право сноситься по торговым делам с соседними государствами и городами, напр., с Ригою.

[15] «Россия» под ред. Семенова IX т. Стр. 68.

[16] Равным образом — как и кальвинизм, для которого в 16 в. был устроен в Полоцке «Збор», существовавший до 1660 г.

[17] «Россия» под ред. Семёнова. Т. IX. Стр. 80—81.

[18] Во время Полоцкаго владычества хоругвь воеводства Полоцкого была красная; по середине,—-на белом поле, герб Великого Кн. Литовского. Пред открытием сейма дворяне съезжались в Полоцк на выборы, туда же пред начатием войны собиралось ополчение со всего Полоцкаго воеводства. (Без-Корнилович).

[19] А. Сапунов «Западная Двина». Стр. 430.

[20] Если верить польскому историку Стебельскому, Иоанн Грозный, по взятии Полоцка, отправил в Москву до 50 тысяч пленных.

[21] Обращение г. Полоцка в позднейшее время из губернскаго в уездный, по словам Без-Корниловича, значительно сократило число его жителей и уменьшило его торговлю.

[22] Униатских монахов, которые основали монастырь в Полоцке.

[23] Без-Корнилович «Историческия сведения о примеч. местах в Белоруссии». Стр. 106.

[24] М. Коялович «Чт. по ист. Западной России» XI—220—221.

[25] Франциск (Георгий) Скорина — русский ученый начала XVI века, медик, типографщик (в Праге и Вильне) и переводчик библии на русский язык. Он был родом, как сам выражался, «из слаавнаго града Полоцка», происходил из богатой русской купеческой семьи. Имя Франциск он получил, вероятно, в Краковском университете. В Праге (1517—1519), а потом в Вильне (с 1526 года) он трудился над печатанием церковных книг, назначая их для православных русских людей. В XVI и XVII в.в. его переводы (особенно библии на русский язык) и издания нашли многих подражателей; даже Острожская библия 1581 г., утвердившая церковно-славянский текст библии в юго-зап. Руси, следует в некоторых местах труду Скорины.

[26] Полоцкий Софийский собор. Стр. 16—17 А. Сапунов.

[27] На собственныя средства Потемкина была устроена в Полоцке резиденция для генералов ордена.

[28] «Послед. возсоед. с прав. церк. униат. Белор. еп.» Шавельский стр. 378.

[29] «Западная Двина», стр. 425, Сапунов. «Истор. свед.» Стр. 82. Без-Корнилович.

[30] Впрочем, по утверждению одного из исследователей Полоцкаго края — «в недрах земли покоится много памятников св. православия; но они, к сожалению, доселе остаются нам неизвестны, хотя нет сомнения, что время от времени выходят на белый свет (в роде металлических крестов на курганах), но, доставаясь в руки народа, гибнут безследно». — «Памятн. старины Витебск. губ. Сементовский». Стр. 74.

[31] Этот крест описан Киевским ученым Н. И. Петровым.

[32] А. Сапунов. «Памятн. вр. древн. и новейш.» Стр. 11—14.

[33] По свидетельству Несецкаго и Стебельскаго — польских историков.

[34] По свидетельству Стрыковскаго «Полоцкий Софийский собор» А. Сапунов. Стр. 2—3.

[35] Эти данныя заимствованы из письма П. П. Покрышкина на имя церковн. старосты Полоцкаго Николаевск. собора Василия Тр. Трофимова.

[36] Теперь здесь находится Борисоглебская женская община, приписанная к Спасо-Евфросиниевской обители.

[37] Западная Двина. А. Сапунов. Стр. 421.

[38] Вот как передают очевидцы о последних днях этой знаменитой борьбы между русскими и французами из-за Полоцка.

6 октября в 6 час. утра гр. Витгенштейн атаковал французов от селения Юревич, а князь Яшвиль от Белаго, Штенгель со своим корпусом левым берегом Двины шел к Полоцку от Дисны. Французы в это время, под начальством Сен-Сира, занимали укрепленную позицию, примыкая своим левым флангом к р. Полоте, а правый фланг их простирался до дороги, ведущей из Полоцка в Витебск. Начавшееся утром сражение продолжалось до поздней ночи. Обе сражавшиеся стороны потеряли в этот день много людей. Особенно много вреда причинила нашим войскам, примыкавшим левым флангом к озерку Воловьему, батарея, устроенная французами при церкви Спасского монастыря. Но все же Сен-Сир после этой битвы решил оставить Полоцк, опасаясь быть отрезанным от главной франц. армии. Узнав об этом, граф Витгенштейн 7-го окт. в 5 час пополудни отдал приказ начать атаку полевых укреплений французов. Весь русский корпус грозными массами двинулся вперед. Не взирая на крепкое местоположение, на котором были устроены укрепления французов вокруг Полоцка, — русские их взяли. Французы отступили в город. Приблизя к нему артиллерию, гр. Витгенштейн приказал гранатами стрелять по городу, прочим войскам велено было идти на приступ. Вскоре Полоцк загорелся в нескольких местах. Крики и плач жителей раздавались по улицам. Прикрытые окопами и двойными палисадами вокруг всего города французы меткою из-за них стрельбою удерживали

смелые порывы нападавших; крутые и высокие берега р. Полоты затрудняли штурм. Не взирая на то, дружины С.-Петербургского ополчения с молитвою на устах, с топорами в руках первые бросились на мост (теперь Красный), закинутый крепкою рогаткою, и начали ее рубить под сильными перекрестными выстрелами с высоких окопов, между которыми с моста на гору шла дорога в город. Когда одна дружина бросилась на мост, другая, спустясь с крутого берега, перешла реку, и снизу по береговой крутизне полезла на вал. Поражаемые выстрелами, ратники падали, умирали, поручая свою душу Богу; другие лезли вверх и рубили палисады. Наконец храбрость нападавших преодолела отчаянную оборону. В три часа полуночи 12-ая дружина С.-Петербургского ополчения, предводимая полковником Николевым, первая ворвалась в город. Завязалась отчаянная рукопашная схватка на улицах города. Французы, медленно отступая по улицам к переправе через Двину, сражались с неизъяснимым мужеством. Теснимые со всех сторон они все же успели переправиться за Двину и снять мосты. 8-го октября, на раассвете, гр. Витгенштейн во главе своего корпуса торжественно въехал в город и отдал по армии приказ, начинающийся так: «Герои! Всевышний внял мольбе нашей — и Полоцк свободен» (Без-Корнилович).

[39] В настоящее время Полоцк состоит из трех частей. Одна часть города расположена по левую сторону Двины — это Задвинье, другая (меньшая) по правым сторонам Двины и Полоты — это Заполотье; третья (самая большая) расположена по правой стороне Двины и по левой р. Полоты. Жителей в Полоцке по переписи 1891 г. было 20321: православных 6989, единоверцев 204, раскольников 407, католиков 1514, лютеран 299, евреев 10797, магометан 1. По переписи 1897 года жителей было 20751 об. пола (9957 мужчин и 10794 женщ.) В Полоцке имеется православных церквей 8; монастырей (включая Спасо-Евфр.) 3, единоверческий храм, 1 старообр. молитвенный дом, 1 костел, 1 кирха и 23 еврейских молитвенных школы и синагоги. Из учебных заведений в Полоцке имеются: кадетский корпус, откр. в 1835 г., учительская семинария, открытая 1872 г.; женская (восьмикл.) гимназия, откр. в 1903 г., мужское духовное училище, епархиальн. женск. училище, частное реальное учил., частн. прогимназия, два городских училища и несколько различного типа начальных. Домов в городе— каменных 156, дерев. 1403, лавок и магазинов кам. 238, дер. 274. Городские доходы простираются до 45 тысяч.

[40] Провоз пассажиров и товара с открытием Риго. Орл. ж. д. совершается преимущественно чрез ея путь. Ст. Полоцк Р. О. ж. д. грузит до полтора милл. пудов, преимущественно хлебных грузов.

[41] Службы в нем совершаются только в течение одного мая м-ца.

[42] Недавния попытки полочан перенести сюда учительскую семинарию, к сожалению, не увенчались успехом.

Печатается по изданию: Зорин Н. Минувшее и настоящее г. Полоцка (К торжеству перенесения мощей пр. Евфросинии из Киева в Полоцк). Краткий исторический очерк. — Полоцк, Типография Х. В. Кляцко, 1910 — 36 с. (Описано по обложке).

МИЛЮТИН В. Н. (Минск)

КЛАД X ВЕКА ИЗ СТРУНИ

В Полоцке и его окрестностях известно несколько находок кладов X—XI вв.[1]: Нижний замок, 1984 г., золотые изделия, конец X в.; Козьянки, 1973 г., куфические дирхемы, X в.; Верхний замок, 1910 г., куфические дирхемы, западноевропейские денарии, слитки, резаное серебро, 60—70 гг. XI в. Гораздо меньшей известностью пользуется еще один клад второй половины X в. Кроме того, что он сам по себе является важным историческим источником, события, произошедшие после его находки, могут представлять значительный интерес и в наше время как пример отношения к историческому и культурному наследию.

В обстоятельной работе А. К. Маркова, вышедшей в 1910 г., есть сообщение о том, что в имении Струк (в соответствии с правилами орфографии напечатано — Струкъ) в непосредственной близости от Полоцка был найден клад куфических дирхемов[2]. Попытки локализовать эту находку не дали результатов: в окрестностях Полоцка имения Струк известно не было, близ него находилась лишь похоже звучащая Струнь. Но А. К. Марков в своей книге сослался на «Дело Императорской Археологической Комиссии 1888 г. за № 49»[3]. В 60-е годы нашего века В. Н. Рябцевич, изучавший топографию монетных кладов на территории Белоруссии, проработал большое количество архивных дел, в том числе и то, на которое ссылался А. К. Марков. В результате в его диссертации клад был полностью описан в соответствии с архивными записями и он был действительно привязан к имению Струнь[4] (в публикацию А. К. Маркова, вероятно, вкрались опечатка). Спустя два с лишним десятилетия эта привязка была повторена в кратком перечне монетных кладов на территории Витебской области, опубликованном в энциклопедическом справочнике по Витебску[5]. Приведенная в нем информация была краткой, но содержательной: «Полоцкий р-н: быв. имение Струнь, найден в 1888, 50 экз. (дирхемы Арабского Халифата; серебро), сокрыт в 972—973»[6]. Для выяснения обстоятельств находки клада, его судьбы требовалось вновь обратиться к архивным материалам.

Все началось с письма преподавателя Полоцкого кадетского корпуса Г. Левицкого к Н. П. Кондакову (отправлено 11 сентября 1888 г., получено 16 сентября 1888 г.):

«Глубокоуважаемый Профессор
Никодим Павлович!

Уже прошло шесть лет, как я кончил Новороссийский университет, где, между прочим, слушал Ваши лекции по археологии и христианскому искусству, но воспоминание об Вас, как об уважаемом профессоре, и до сих пор не изгладилось из моей памяти. Теперь случай представился обратиться к Вам за решением вопроса, который для Вас, может быть, не имеет особой важности. В окрестностях города Полоцка Витебской губернии, в имении Непременного Члена г. Филипченко, в августе месяце этого года, найдено было около 50 серебряных монет, из которых одну для образчика посылаю Вам[7], с непонятною для нас, Полочан, надписью. Вы, как специалист, быть может, не поставите себе в труд ответить письмом на мое имя, к какому году относится монета, и на каком языке сделана надпись на ней и пр.

Если Вам понадобятся большие подробности относительно места, где были найдены монеты, то я тотчас же отвечу, как получу от Вас письмо.

С глубоким уважением пребываю к Вам, бывший Ваш ученик, Преподаватель Полоцкого Кадетского Корпуса Георгий Левицкий».[8]

Сразу же на имя Г. Левицкого в Полоцк было отправлено письмо из Императорской археологической комиссии (от 17 сентября 1888 г. за № 520):

«Член Импер.[аторской] Арх.[еологической] Комм.[иссии] проф.[ессор] Н. П. Кондаков передал ей полученное им от Вас письмо от 11 сего сентября, при котором Вы изволили прислать на его разсмотрение сер. (ебряную) восточную монету из клада, найденного в нынешнем году близ Полоцка, в имении г. Филипченко.

Считая долгом сообщить Вам, что эта монета принадлежит к числу так называемых куфических монет, занесенных в Россию в VIII—X веках по Р.[ождеству] Х.[ристову] благодаря деятельной торговле, происходившей в то время с Среднею Азией, и чеканена в городе Шаше (нынешнем Ташкенте) в X-м веке по Р.[ождеству] Х.[ристову] государем саманидской династии, Насром, сыном Ахмеда. Находящиеся на ней надписи выбиты на арабском языке.

Вы крайне обязали бы Археолог.[ическую] Комиссию, если бы признали возможным упросить г.[осподина] Филипченко прислать на ея разсмотрение весь клад; может быть последний содержит несколько редких или доселе еще неизданных монет. По разсмотрении все будет немедленно возвращено, если г.[осподин] Филипченко не пожелает уступить его Комиссии. Весьма обяжете также Комиссию сообщением ближайших подробностей об обстоятельствах, при которых сделана находка и о местности, в которой найден клад. Как поступить с присланною Вами монетою?»[9].

Ответа от Г. Левицкого в Императорскую археологическую комиссию так и не поступило. Поэтому она обратилась к Витебскому губернатору с письмом (от 1 июня 1890 г. за № 598), в котором, изложив суть дела, попросила оказать содействие через доверенное лицо в решении вопроса[10].

Вскоре был получен ответ от непременного члена Полоцкого уездного по крестьянским делам присутствия М. П. Филипченко (отправлено 18 июня 1890 г. за № 61; получено 22 июня 1890 г. за № 420):

«Вследствие извещения Начальника Витебской губернии, основанного на отношении Комиссии от 1-го Июня сего года за № 598-м, имею честь препроводить при сем найденныя в земле, в принадлежащем мне имении Струнь, в 16-ти верстах от г. Полоцка, 25-ть серебряных монет целых и 14-ть половинок. Если эти монеты имеют какое либо значение в научном отношении, то таковыя могут быть оставлены при Комиссии; при чем я просил бы о результатах изследования этих монет, если будет составлено какое либо их описание, познакомить и меня с этим описанием присылкою такового мне по жительству моему в городе Полоцке».[11].

Все полученные монеты были рассмотрены в Археологической комиссии; 10 монет были отобраны для коллекции Эрмитажа, их 8 июля 1890 г. получил и. д. хранителя А. К. Марков (при отношении Императорской Археологической Комиссии от 6 июля 1890 г. за № 726)[12]. Остальные монеты были возвращены М. П. Филипченко при отношении Императорской Археологической Комиссии от 4 июля 1890 г. за № 717, в котором сообщалось следующее:

«Получив при отношении Вашего В.[ысокоблагоро]дия от 18 минувшего Июня, за № 61, тридцать девять серебряных восточных монет (из них 14 поломанных), Имп.[ераторская] Археологическая Комиссия имеет честь принести Вам искреннейшую признательность за любезную присылку их.

Монеты эти, как Вы изволите увидеть из прилагаемой описи, чеканены в IX и X веках христианского летосчитания государями Саманидской династии в Шаше (нынешнем Ташкенде), Самарканде и Эндерабе, занесены в Россию торговлею, происходившею в течении означенного времени между Среднею Азией и Северо-Восточною Европою.

Отобрав из означенных монет, с Вашего согласия, для коллекции Имп.[ераторского] Эрмитажа 10 экземпляров, Археологическая Комиссия считает долгом возвратить Вам при сем остальные диргемы и покорнейше просить Вас вместе с тем принять от нея в дар прилагаемый при сем экземпляр «Древностей Северо-Западного края». Если бы Вам известно было, что некоторые монеты найденного в Вашем имении клада перешли в другия руки, то Вы крайне обязали бы Комиссию предложив лицам, у которых также находятся монеты из этой находки выслать их на разсмотрение Комиссии. Последняя не замедлит возвратить им присланное, если владельцы монет не пожелают уступить их Комиссии за соответственное вознаграждение»[13].

Однако больше никакой информации о кладе в Императорскую Археологическую Комиссию не поступило.

Таким образом, из найденного в имении Струнь клада известно 40 монет, из них 26 целых и 14 половинок, общим весом (без хранящегося в Рукописном архиве Санкт-Петербургского Института истории материальной культуры (быв. архиве Ленинградского отд. Инст. археологии АН СССР) экземпляра) — 22 золотника (93, 846 г)[14].

Клад состоял из следующих монет[15]:

Саманиды:

Исмаил ибн Ахмад (279—295 года хиджры / 892—907 гг. новой эры): аш-Шаш 286 г. х., имя города не читается 294 г. х.;

Ахмад ибн Исмаил (295—301 г. х. / 907—914 гг.): Самарканд 298 г. х. (поступил в Эрмитаж); аш-Шаш 295 г. х., 298 г. х., 299 г. х. (2 экз.), 301 г. х. (поступил в Эрмитаж); обрезок дирхема без имени города и даты;

Исхак ибн Ахмад (301 г. х. / 914 г.): Самарканд 301 г. х. (поступил в Эрмитаж);

Наср ибн Ахмад (301—331 г. х/914—943 гг.): Андараба 301 (?) г. х., 304 г. х. (поступил в Эрмитаж); Самарканд 305 г. х., 311 г. х.; аш-Шаш 306 г. х., 308 г. х., 309 г. х. (2 экз.), 312 г. х. (2 экз.; поступили в Эрмитаж), 314 г. х., 316 г. х., дата не читается (хранится в Архиве Санкт-Петербургского отделения Института истории материальной культуры); обрезки дирхемов без имени города и даты (5 экз.);

Мансур ибн Нух (350—365 г. х. / 961—976 гг.): Самарканд 362 г. х. (поступил в Эрмитаж);

Сильно стертые саманидские дирхемы (4 экз.);

Подражания саманидским дирхемам (7 экз.; 3 поступили в Эрмитаж).

Итак, старшая монета клада — аш-Шаш 286 года хиджры (898—899 года новой эры), младшая — Самарканд 362 г. х. (972—973 гг.). 35% клада составляют обломки монет. Дирхемы Саманидов сотавляют 82,5% всех монет, подражания саманидским дирхемам — 17,5%. В кладе монет чеканенных Исмаилом ибн Ахмадом — 5%, Ахмадом ибн Исмаилом — 17,5%, Исхаком ибн Ахмадом — 2,5%, Насром ибн Ахмадом — 45%, Мансуром ибн Нухом — 2,5%, сильно стертых саманидских дирхемов — 10%. Монеты чеканки аш-Шаша составляют 37,5%, Самарканда — 12,5%, Андарабы — 5%, имя города не читается на 27,5% монет.

В кладе основная масса монет составляет довольно компактную в хронологическом отношении группу: 55% монет относится к 898—928 гг.; примечательно, что датируемые монеты последующих четырех десятилетий в кладе отсутствуют, лишь одна монета относится к 972—973 гг. Это может объясняться либо тем, что монета 972—973 гг. не входила в состав клада и была случайно включена в него находчиком, либо тем, что известной стала лишь часть всего комплекса монет. Если же клад достаточно полно характеризуется вышеприведенными монетами, то необходимо принять во внимание следующее обстоятельство. Наблюдения над составом синхронных кладов (Новгород — 972 г., Новая Мельница — 974 г., Белый Омут — 976 г., Ерилово — 978 г., Старый Дедин — 979 г)[16] пока-

зывают, что монеты новейших выпусков содержатся в них в неодинаковом количестве. По мнению А. В. Фомина, основанному на изучении европейских кладов IX в. с куфическими дирхемами, «количественные различия одноименных монет в составе синхронных кладов являются результатом различных обстоятельств их образования. Компактные по составу находки, состоящие из большого количества новых монет, могли образоваться из партий, поступивших в Европу недавно, и не успевших еще рассредоточиться. По мере хождения монетного серебра, дирхемы разных выпусков перемешивались, и состав денежной массы становился более разряженным и консервативным»[17]. Это явление было характерно и для X века.

Интересной особенностью клада из Струни является так же и то, что он состоит только из саманидских монет и подражаний саманидским дирхемам, в то время как в кладах 70-х гг. X в. обычно наряду с ними присутствуют дирхемы Аббасидов, Буайхидов, Зийаридов, Хамданидов и других династий[18].

Саманидские монеты появляются в кладах Восточной Европы в начале 900-х гг. и преобладают в них со второго десятилетия X в. до конца X в. (известно несколько исключений: Новгород, 953 г. — 32%; Чистополь,995 г. — 29,73%)[19]. Из восточноевропейских кладов X в. лишь несколько состоит только из саманидских дирхемов (Струпово, 912 г.; Сосницкий уезд, 914 г.; Гомель, 943 г.)[20]. Примечательно, что концентрируются они в одном регионе.

Подражания куфическим дирхемам спорадически встречаются в европейских кладах IX в., но только с конца IX—начала X вв. они становятся характерной чертой состава кладов (из 43 кладов X в., рассмотренных В. Л. Яниным, они присутствуют в 27, то есть в 62,79%; в среднем в составе кладов Восточной Европы подражания составляют от нескольких до 20% общего числа монет)[21]. Существуют две основные точки зрения по вопросу о происхождении подражаний куфическим дирхемам[22]: первая связывает их с Волжской Болгарией, вторая — с Хазарским каганатом. Есть еще одно предположение (не отвергающее первые два), по которому основные центры чеканки подражаний располагались в северной части Средней Азии (Хорезм; роль хорезмийцев подчеркивается во всех случаях)[23]. Чеканка подражаний сокращается во второй половине X в., предшествуя аналогичным процессам на государственных монетных дворах Средней Азии, что явилось следствием разразившегося на Востоке кризиса серебра[24].

Возвращаясь к кладу из Струни следует отметить, что в Восточной Европе известны находки, состоящие только из саманидских дирхемов и подражаний: Кокрят, 900 г. (3,08% и 96,92% соответственно)[25]. Хронологический диапазон клада из Струни — 75 лет; в нем преобладают саманидские дирхемы первой трети X в. Примечательно, что для кладов Древней Руси конца X в. характерен хронологический диапазон в 70—80 лет; а преобладание в кладах саманидских дирхемов первой трети X в. сохраняется до конца 50-х гг. X в.[26]. На состав клада, по-видимому, повлияли происходившие в денежном обращении процессы, вызванные сокращением с начала 60-х гг. X в. ввоза дирхемов в Европу[27].

В заключение следует отметить, что состав клада из Струни характеризует денежное обращение Полотчины 70-х гг. X в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Штыхаў Г. З часоў Рагнеды // Беларусь. — 1985.— № 2. — С. 18—19; Рабцэвіч В. Н., Стуканаў А. А. Манеты Арабскага халіфата на тэрыторыі Беларусі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. — 1973. — № 4. — С. 33—34, 36; Штыхаў Г. В. Полацкі скарб 1910 года // Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук. — 1962. — № 3 С, 117—119.

[2] Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). — СПб., 1910. — С. 136. — № 2.

[3] Там же.

[4] Автор искренне благодарит В. Н. Рябцевича за предоставленную возможность ознакомиться с текстом диссертации.

[5] Витебск. Энциклопедический справочник. — Минск, 1988. — С. 248.

[6] Там же.

[7] Присланная Г. Левицким монета в настоящее время хранится в Рукописном архиве Санкт-Петербургского Института истории материальной культуры (далее АИИМК): ф. 1, д. 1888/49, л. 2.

[8] АИИМК, ф. 1, д. 1888/49, л. 1—1 об.

[9] Там же, л. 3-3 об.

[10] Там же, л. 4-4 об.

[11] Там же, л. 5-5 об.

[12] Там же, л. 5, 6-6 об., 8; ф. 1, д. 1869/35, л. 87 об. — 88.

[13] АИИМК, ф. 1, д. 1888/49, л. 5, 7-7 об.

[14] Там же, л. 1-1 об., 2, 5, 6-6 об., 7.

[15] Там же, л. 6-6 об.

[16] Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М., 1956. — Табл. 1.

[17] Фомин А. В. Выжегшский клад куфических монет первой половины IX века // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). Сборник научных трудов. — М., 1988. — С. 105.

[18] Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М., 1956. — С. 132, табл. 2.

[19] Там же, табл. 2.

[20] Там же.

[21] Там же;

Kmietowicz F. Some Remarks on the Origin of Imitations of Arabic Dirhems. // Wiadomosci Numizmatyczne. Polish Numiszmatic News. II. 1973. — T.17. — z. dodatk. — s.47 — 48.

[22] Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М., 1956. — С. 116—118.

[23] Kmietowicz F. Some Remarks on the Origin of Imitations of Arabic Dirhems. // Wiadomosci Numizmatyczne. Polish Numismatic News. II. 1973. — T.17. — z. dodatk. — s.47 — 62.

[24] Ibidem, S. 54.

[25] Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М., 1956. — Табл. 2.

[25] Там же, с. 130.

[27] Там же.

Л. Ф. ДАНЬКО

История Полоцка и его уделов конца XII — первой четверти XIII вв.

По „Хронике Ливонии“ Генриха Латвийского

История Полоцкой земли конца XII — первой четверти XIII вв. крайне слабо освещена дошедшими до нас древнерусскими источниками. К сожалению, Полоцкая летопись, сведения о существовании которой дошли до нас благодаря В. Н. Татищеву, изучавшему ее и приведшему содержащиеся в ней некоторые материалы в своей знаменитой «Истории Российской», вероятно, не сохранилась. Список этой летописи, принадлежавший в 30-е годы XVIII в. главноуправляющему над строениями (архитектору) П. М. Еропкину, бесследно исчез после его казни в 1740 году. Как известно, П. М. Еропкин был арестован во времена Бирона и Анны Иоанновны по знаменитому делу кабинет-министра А. П. Волынского. Во время ареста имущество было конфисковано. Может быть, изучение дел этого процесса, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов, даст ответ о судьбе библиотеки и всех бумаг Еропкина, что может позволить выяснить судьбу Полоцкой летописи.

Как уже говорилось, древнерусские летописи весьма слабо освещают события, происходившие в указанный период времени в полоцких землях, и только Новгородские летописи содержали некоторые косвенные данные. Из-за такого положения источниковедческой базы первым наиболее полным сводом материалов по данному вопросу является немецкая «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского — свидетеля агрессии ордена меченосцев в Прибалтике и землях Древней Руси, среди которых в первую очередь были земли Полоцкого княжества и его уделов — городов Герцике и Кукейноса.

«Хроника Ливонии» охватывает время с конца XII века по 1225 год. Исследователи Хроники пришли к заключению, что она была создана в конце 1225 — апреле 1226 гг. Последняя глава, рассказывающая о покорении о. Эзеля, была добавлена, вероятно, в 1227 году. Наиболее полное, учитывающее все списки и разночтения, издание этого документа было выпущено в Дармштадте (ФРГ) в 1959 г. В СССР она полностью последний раз издавалась в 1938 г. в переводе С. А. Аннинского.

В рукописных списках этот документ был разделен на 4-е не делящихся на главы книги. Первая из них, носящая название «О первом епископе Мейнарде», очень кратко рассказывает о появлении первых немецких католиков-проповедников в Ливонии, возглавляемых Мейнардом, впоследствии рукоположенным в сан епископа ливонского бременским архиепископом Гартвиком II (1184—1207). Так и не добившись полного успеха в крещении ливов, Мейнард умирает через 10 лет после своего приезда (1196). Следующим епископом становится Бертольд (1197—1198), попытавшийся впервые применить военную силу в Ливонии и погибший в бою с ливами. Это тема второй книги. Третья книга посвящена первому десятилетию «духовного» правления епископа Альберта и подробно повествует о крещении Ливонии и подчинении ее епископу и крестоносцам. Четвертая книга — самая большая и содержит сведения о покорении Эстонии до 29-го года епископства Альберта (т. е. до 1227 года). Среди всей этой массы материала о крещении прибалтийских земель встречается довольно много, по сравнению с новгородским летописанием, сведений по внешнеполитической истории полоцких земель того периода.

Хроника начинается сообщением о появлении в Ливонии первого священника Мейнарда, приплывшего туда вместе с тевтонскими купцами, часто ходившими в эти земли. Датой его появления принято считать ориентировочно 1186 год. Как сообщает Хроника, Мейнард, прежде чем начать проповедническую деятельность, получил вместе с дарами разрешение ее проводить от «короля» (так его называет Хроника) Владимира полоцкого (в латинской транскрипции его имя читается Вольдемар — Woldemaro de Ploceke). Как отмечал переводчик Хроники С. А. Аннинский, русские, в т. ч. и полоцкие князья, везде именуются титулом reges (короли — лат.), т. е. этим хронист ставил их в один уровень с королями Дании, Швеции, Германии того времени. Из сообщения о получении разрешения на проповедническую деятельность следует, что Владимир владел землями ливов, и они, будучи еще язычниками, платили дань Полоцку. Владимир, давая возможность проникнуть немцам-католикам на землю Ливонии — данника Полоцка, еще не мог подозревать, чем впоследствии обернется его решение.

Затем сведения о полоцких князьях исчезают и появляются только через 15 лет, в третьей книге Хроники под 1201 годом. К тому времени духовным правителем Ливонии уже был третий епископ Альберт. Литовцы, придя в Ригу, заключили мир с тевтонами, после чего организовали поход в Семигаллию, спустившись вниз по Двине. Происходящее стало известно полоцкому князю (королю), имя которого не приводится (но это явно Владимир), и он пришел с войском в Литву раньше, чем литовцы смогли добраться до Семигаллии, что вызвало их возвращение обратно. Объяснить эти события можно тем, как считает Н. Ермолович, что Литва (летописная) находилась не там, где мы ее сейчас видим на современных картах, а восточнее, рядом с Полоцкой землей, что и привело к отправке войск Владимира по Двине. Семигаллия, по мнению Ермоловича, в отличие от Литвы, была владением и данником Полоцка, и Владимир (а это был вероятно он) был вынужден отомстить литовцам за дерзость.

В следующем, 1202 году, папа римский Иннокентий III (1198—1227) учредил Братство рыцарей Христовых (рыцарей храма или храмовников), дав им знак для ношения на одежде — меч и крест. Рыцарский орден, сформировавшийся в Ливонии, стал называться орденом меченосцев (Ливонским орденом), впоследствии (1237 г.) он объединился с Тевтонским орденом.

В 1203 году ливы, вероятно, перестали платить дань полоцкому князю. Владимир предпринял первый свой поход против тевтонов, подчинивших себе часть ливов. Сначала он осадил замок Икскюль (Икесколу), потребовав дани. Получив деньги и прекратив осаду, Владимир двинулся к замку Гольм, расположенному вниз по течению Двины недалеко от Риги. Взять Гольм так и не удалось, потому что тевтоны, посланные епископом и вооруженные арбалетами, не дали даже переправиться противнику под обстрелом через Двину. В этом же году князь полоцкого удела Герцике (Gercike) Всеволод (в Хронике он также назван королем) подошел к Риге с литовцами, угнал у горожан скот, захватил двух священников, Иоанна и Вольхарда, рубивших с пилигримами лес за городом, а некоего Теодориха Брудегама, погнавшегося с горожанами за ним, убил.

Борьба с ливами, литовцами и полоцкими князьями требовала у немцев большого количества сил. После возвращения из Тевтонии в 1205 г. епископ Альберт привез с собой новое «воинство пилигримов». Узнав об этом, князь Вячко из Кукенойса, удела Полоцкого княжества, почувствовав реальную опасность, т. к. его город находился к Риге и Леневардену ближе всех других городов Полотчины, послал гонца к епископу Альберту и через него достал пропуск для себя. Отправившись вниз по Двине на корабле, он лично встретился с епископом и заключил мир с тевтонами, затем вернувшись к себе домой.

Аналогичный мир сам епископ пожелал заключить с Полоцком в 1206 году, как сообщает Хроника, «желая снискать дружбу и расположение Владимира, какие тот проявлял... к первому епископу Мейнарду». В Полоцк было послано посольство аббата Теодориха с дарами (боевой конь с вооружением). Однако по дороге литовцы полностью их ограбили. Послы прибыли ко двору Владимира без даров, но были приняты. В это же время в городе находились ливы, посланные своими старейшинами, которые старались, как сообщает Хроника, склонить короля (т. е. князя) к изгнанию тевтонов из Ливонии. Владимир велел готовиться к походу на корабле или на плотах из бревен по Двине к Риге. Послам же не было ничего сказано, было только отдано указание удалиться и ждать на подворье. Один из королевских (княжеских) советников, наверное, кто-то из полоцких бояр, был подкуплен и выдал Теодориху план Владимира. Аббат нашел в Полоцке бедняка из Гольма и отправил его за плату в половину марки серебром в Ригу с предупреждением к епископу. Узнав о поступке Теодориха, Владимир понял, что эффект внезапности нападения не будет достигнут и отказался от своего первоначального плана. Послы Альберта были отпущены князем домой, но вместе с ним отправили полоцких послов к епископу. Быстро добравшись до Кукенойса, послы Владимира предложили встретиться Альберту с ними 30 мая у р. Воге (ныне р. Огре). Однако часть посольства занялась сбором войска среди ливов и лэтигаллов (лэттов). Узнав об этом, Альберт ответил диакону Стефану (посланцу Владимира), что по обычаю послы обязаны его сами найти, «но никогда государь, как бы скромен или любезен он ни был, не выходил из своих укреплений навстречу послам». Дальнейшая судьба полоцкого посольства Хроникой не освещается, вероятно, встреча с епископом так и не состоялась, послы вернулись в Полоцк.

Однако эти события вызвали большие волнения среди ливов — ими был убит в замке Гольм католический священник Иоанн, сам замок было решено использовать как плацдарм для наступления на Ригу. Однако замыслам ливов не суждено было сбыться: Гольм был вскоре захвачен меченосцами. Все виновные в смуте были жестоко наказаны тевтонами. Сведения о происходящем в Гольме дошли до Владимира: прибывшие от ливов гонцы просили о помощи. Спустившись вниз по Двине на корабле, Владимир начал высадку у Икесколы (Икскюля), но балисты рыцаря Конарда переранили некоторых воинов, после чего высадка была произведена еще ниже по течению у замка Гольм. Так началась осада этого населенного пункта, являвшегося ключом от Риги. Предпринималось множество попыток поджога укреплений. Тевтоны, применив метательные орудия, неизвестные в полоцких землях, нанесли значительный урон войску Владимира. Однако, как отмечает Хроника, «русские, не знавшие применения балисты, но опытные стрелки из лука, бились много дней и ранили многих тевтонов на валах». Дрова для поджога замка собирали жители Торейды, многие из них были убиты тевтонскими лучниками. Попытка создания русскими метательной машины по образцу тевтонских не привела к успеху. Между тем, к Владимиру вернулись посланные к Риге ливы-разведчики и сообщили, что все дороги вокруг Риги полны мелкими железными шипами (трехзубыми гвоздями), они даже показали образцы этих шипов. Испугавшись этих шипов (так это объясняет хронист), король (т. е. князь Владимир) не пошел на Ригу и после одиннадцатидневной осады Гольма ушел на корабле в свою землю. Само по себе упоминание о шипах не является чем-то фантастическим — такой прием обороны против конницы был известен в Риме уже во времена Гая Юлия Цезаря. Суть этого метода состоит в том, что кузнецами изготавливаются железные шипы с зубьями, которые в любом случае при падении занимают такое положение, что один из зубьев всегда направлен вверх. Однако все же это недостаточное объяснение ухода Владимира из Ливонии. Просто разобщенность полоцких земель не давала возможности собрать необходимое количество воинов для захвата тевтонских укреплений, которые строились по самой передовой в то время фортификационной технологии. Затем тевтоны заключили мир с ливами и в следующем году крещение Ливонии было завершено.

В 1207 году Вячко, князь Кукенойса, чувствуя, видимо, угрозу от крестоносцев, сам встретился с епископом после возвращения его из Тевтонии. Сообщая об этой встрече, Хроника чем-то напоминает ТАССовскую сводку старых «доперестроечных» времен: в ней говорится, что Вячко провел

в самой дружеской обстановке много дней в доме епископа. А потом, как бы невзначай, сообщается, что он просил Альберта помочь ему против нападения литовцев, обещая половину своей земли и своего замка. Эти условия были приняты. В этом же году происходит раздел Ливонии по требованию рыцарей ордена Меченосцев. 1/3 часть всех могущих стать завоеванными в будущем земель и уже занятых крестоносцами стала принадлежать рыцарям ордена лично, а остальные 2/3 — архиепископу Ружскому.

В начале 1208 года имя Вячко возникает вновь. Рядом с замком Кукенойсом чуть ниже по течению Двины располагалось селение Леневарден. Живший там рыцарь-тевтон Даниил по какой-то причине не ладил с Вячко, и в одну из ночей Кукенойс был захвачен слугами Даниила, т. к. нападения совсем не ожидали. Был пойман и связан Вячко. Убит, видимо, никто не был — хронист сообщает, что тевтоны не решились убивать русских, так как они были христианами. Мотив этого поступка тевтонов до сих пор непонятен — возможно, это была демонстрация своей силы. Даниил посоветовался с епископом, и тот приказал вернуть все имущество и освободить всех, а на праздник святой Пасхи (8 апреля 1208 г.) угощал Вячко и его людей, желая помирить их. После этого, помня об обещании помочь военной силой в обороне против литовцев, епископ послал к Вячко 20 человек с оружием и лошадьми — среди них были рыцари и балистарии, а также каменщики для укрепления замка. Вместе с ними возвратился в Кукенойс и сам Вячко.

В это время Альберт собирался отплыть из Динамюнде в Тевтонию для сбора новых паломников, но погода задержала его. Между тем Вячко, думая, что епископ отплыл, отлично зная, что в Риге мало защитников, убил всех тевтонов, присланных в Кукенойс Альбертом, а трофеи отправил в дар Владимиру в Полоцк, приглашая идти на Ригу вместе, ссылаясь якобы на то, что самые главные силы он перебил, а прочие ушли с епископом. Судя по данным Хроники, убито было 17 тевтонов, 3 бежало в Ригу. Тела убитых были сброшены в Двину и доплыли до Риги, где их выловили и предали земле. Владимир, получив приглашение, стал собирать войско к походу, а епископ, между тем, не дожидаясь прибытия новой сменной партии пилигримов-рыцарей, которую обычно набирал самостоятельно в Тевтонии, в Динамюнде призвал вторично к кресту возвращавшихся 300 лучших пилигримов. Узнав об этом, Вячко со всем населением покинул Кукенойс и перед уходом сжег его. Рижане предприняли попытку догнать беглецов, но славян было поймано несколько, остальные попавшие в плен были латтами и селами, примыкавшими к группировке Вячко. Все они были преданы смерти.

В 1209 году, т. е. спустя год, Кукенойс был занят, отстроен и укреплен рижанами. Затем тевтоны предприняли поход на Герцике, удел Полоцка, в отместку за вред, причиненный Всеволодом Риге в 1203 году. Герцике был захвачен, добыча была очень богатой, как сообщает хронист. Среди захваченного были даже иконы и колокола. Всеволод во время штурма бежал на лодке из города и видел издалека пожар в городе. Епископ и все войско тевтонов, разделив добычу, со всеми пленными, в т. ч. и захваченной женой Всеволода, ушли в Ригу. Всеволоду было предложено сделать то же самое, и он, прибыв туда, стал просить вернуть ему пленную жену, называя епископа «отцом». Альберт поставил условие о принесении Герцике в дар церкви пресвятой Марии, т. е. католической церкви, епископом которой он был, обещая передать Герцике из своих рук в руки Всеволода. Условия были приняты, и князь Герцике стал вассалом епископа с 1209 года, занявшись восстановлением разрушенного замка.

В 1210 году, из-за многочисленных нападений различных прибалтийских племен рижане решили достичь мира с Полоцком. В Полоцк было отправлено посольство под руководством некоего Родольфа из Иерихо, но оно застряло в Вендене, который штурмовали эсты. В битве при р. Имере Родольф был ранен копьем и, видимо, погиб. Рыцарь Арнольд был послан в Полоцк вместо Родольфа с предложением мира и просьбой разрешить купцам рижским торговать во владениях полоцких. Владимир принял мир и послал с ними в Ригу какого-то Лудольфа, «разумного богатого человека для обсуждения дел». Заключение мира состоялось при условии, что дань Полоцку ливы будут платить, как и раньше, либо за них будет платить Альберт.

В 1212 году псковский князь Владимир бежал с дружиной из Пскова в Полоцк, т. к. его дочь вышла замуж за Теодориха, брата рижского епископа, и горожане выгнали его за это. Однако, не найдя в Полоцке занятия для себя, он ушел к Альберту в Ригу.

Затем состоялась очередная встреча Альберта и Владимира Полоцкого для разговора по поводу ливов, данников Владимира. На переговорах также поднимался вопрос о безопасном плавании по Двине и о возобновлении мира и совместных действиях против литовцев. При встрече Владимир пытался отговорить Альберта отказаться от крещения ливов и утверждал, что в его власти либо крестить рабов своих, либо их оставить некрещенными. Но все же епископ, ссылаясь на Библию, заявил, что дело крещения он будет продолжать. Против уплаты дани Альберт не возражал и сам иногда платил королю эту дань, но явно это делалось не постоянно, что вызвало попытку решить эту проблему силовым методом: Владимир продемонстрировал свои войска Альберту, Альберт проделал то же, да еще так, что смутил князя. Большее по количеству, лучше вооруженное войско крестоносцев произвело достаточное впечатление, и Владимир тут же отказался сам от взимания дани, отдав епископу Ливонию безданно. По договору был также открыт освободный путь рижанам по Двине. Затем Владимир вернулся в Полоцк.

В 1214 году рыцари из уже немецкого Кукенойса (Кокенгаузена) обвинили вассала Альберта Всеволода в Герцике в том, что он уже много лет не является к епископу. Напав на Герцике, они захватили большую добычу и ушли. Спустя некоторое время тевтоны в этом же году организовали очередной поход на Герцике, но Всеволод призвал на помощь литовцев и обратил в бегство, частично разбив, немцев.

В 1216 году эсты просили Владимира осадить Ригу, был подготовлен очередной поход, но смерть Владимира вызвала отмену задуманного. Как сообщает Хроника, Владимир умер как раз тогда, когда собирался взойти на корабль, готовый к отплытию в Ригу.

Затем долгое время Хроника о событиях в Полоцке умалчивает, и только в 1222 г., когда на Руси возникла угроза от татар, хронист бегло замечает, что короли (т. е. князья) смоленский и полоцкий и некоторые другие отправили послов в Ригу просить о мире. Имя полоцкого князя даже не упоминается. Мир был заключен.

В 1223 г. на политической арене вновь появляется князь Вячко (бывший князь полоцкого удела Кукенойса). Он был назначен новгородцами и псковичами в Дорпат (Дерпт, Юрьев, Тарту) для контроля над этими землями, взятыми у крестоносцев силой Новгородом и Псковом.

В 1224 г. крестоносцы осаждают Дорпат и захватывают его. Во время штурма гибнет Вячко.

Последний раз имя бывшего князя удела Герцике, ныне вассала Альберта Всеволода появляется в 1225 году в связи с приездом в Ливонию

и Эстонию папского легата. Посмотреть на него приходили многие, в том числе и Всеволод. На этом заканчиваются сообщения о Полоцке и его уделах Герцике и Кукенойсе в «Хронике Ливонии».

Судя по приведенным выше сведениям, видно, особенно если сравнить с древнерусскими летописями, что «Хроника Ливонии» является единственным дошедшим до нас историческим памятником,содержащим такое количество информации по истории Полоцкой земли. Однако при полном изучении всего материала Хроники и русских летописей «подспудно ощущается невыразительность органической связи (что спровоцировано отчасти отсутствием летописного материала) между... уделами Герцике и Кукенойсом и другими городами Полоцкой земли», как отмечал В. А. Булкин в своей недавней работе, посвященной этим двум городам. Это ощущение разобщенности полоцких земель, отсутствие единства в них прослеживается постоянно. Несомненно это привело к потере идеи государственной самостоятельности этого региона и подчинение его из-за неспособности бороться за свою независимость возникавшему новому государственному образованию — Великому княжеству Литовскому. Это привело в будущем так же и к падению остатков полоцкой княжеской династии Рогволодовичей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Xeinrich von Lettland. Chronicon Livoniae. Darmstadt. 1959.

2. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. Предисловие В. А. Быстрянского. 2-е издание. — М.-Л.: Изд. АН СССР, 1938.

3. Алексеев Л. В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв / АН СССР, Институт археологии. — М.: Наука, 1966.

4. Булкин В. А. Герцике и Кукенойс (к постановке проблемы) // Генезис и развитие феодализма в России (Проблемы истории города). Межвузовский сборник под ред. проф. И. Я. Фроянова. / ЛГУ. Проблемы отечественной и всеобщей истории. Выпуск 11. — Л.: Изд. ЛГУ, 1988. С. 124—139.

5. Ермаловіч М. І. Па слядах аднаго міфа / Навук. рэд. А. П. Грыцкевіч. — Мн.: Навука і тэхніка, 1989.

6. Ермаловіч М. І. Старажытная Беларусь (Полацкі і Новагародскі перыяды). — Мн.: Маст. лит., 1990.

7. Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв (Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения). / АН Латв. ССР. Институт истории. — Рига: Зинатне, 1965.

8. Чаропка Віктар. Непрымірымы (Постаці: Усевалад, князь Герцыке). // Крыніца. № 11 за 1988 год, стар. 13—15.

9. Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.) Научный редактор доктор исторических наук В. П. Даркевич. / АН БССР. Институт истории. — Мн.: Наука и техника, 1978.

ПОЛОЦКИЙ БОРИСОГЛЕБСКИЙ МОНАСТЫРЬ: ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА КУЛЬТУРЫ

К. ГОВОРСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПОЛОЦКАГО БОРИСОГЛЕБСКАГО МОНАСТЫРЯ

Полоцкий Борисоглебский, ныне заштатный, монастырь находится за р. Двиною, в разстоянии около одной версты от нея, а четверть версты от городской черты, задвинской части г. Полоцка. Монастырь сей, с принадлежащими ему церквами, расположен на довольно-возвышенной площади, опускающейся скатом к глубокому оврагу, который между крутыми, поросшими кустарниками, берегами образует живописную лощину, посреди которой змеится впадающая в Двину речка Бельчица, от чего и Борисоглебский монастырь нередко в старину назывался Бельчицким.

Он основан полоцким князем Борисом Генвиловичем, внуком литовско-новогрудскаго князя Мингайлы, завладевшаго Полоцким княжеством, около 1190 г.,[1] вскоре после прекращения в Полоцке династии князей дома Владимира Св.[2]. Время не пощадило первоначальных зданий сего монастыря, посему и не известно, были ли оне каменныя или деревянныя, и долго ли существовали в первобытном своем виде; но каменная монастырская церковь, во имя Бориса и Глеба, впрочем только в стенах своих, осталась по настоящее время. Она заложена в 1217 г. и окончена в 1222, одновременно с полоцким Софийским собором[3]. На построение сих церквей, по словам Стрийковскаго, Борис Генвилович вывозил из Ливонии, по р. Двине, кирпич, известь, алебастр и другие строительные материалы[4]. По свидетельству Стрийковскаго и рукописных документов, Борисоглебский монастырь, в древности, обнесен был каменною стеною, над которою, во многих местах, возвышались башни и бойницы, так что составлял род крепости, внутри которой, еще во времена князей Владимирова дома, находились княжеские терема и, быть может, древнейшая из каменных церквей полоцких, — церковь во имя св. Параскевии, от которой один только фундамент остался и которую, впрочем уже полуразрушенную, видел польский летописец, каноник Стрийковский, живший в половине 16 столетия[5]. В русских и ливонских летописях неоднажды упоминается об осаде сего монастыря ливонцами и упорной защите онаго полочанами, предводительствуемыми их князьями, чем доказывается, что монастырь сей вместе был и крепостью. Каменная стена эта, с бойницами и башнями, существовала еще во времена полоцкаго, униатскаго архиепископа Иосафата Кунцевича, т. е. в начале 17 столетия, который, в качестве архимандрита сего монастыря, по смерти своего предместника, архиепископа Гедеона Брольницкаго, хотел вступить во владение оным, но ктиторы монастыря, Корсаки, Щиты и другие православные бояре б. полоцкаго воеводства, поставив на бойницах пушки, засели в нем, с множеством вооруженнаго народа, чтобы оружием отстоять сей, искони православный монастырь, от посягательства на него уннатскаго архиерея. Со своей стороны Иосафат, после тщетных увещаний передать ему монастырь, как законному настоятелю, утвержденному в сем сане королевскою привилегиею, принужден был, в продолжении одиннадцати дней, осаждать оный королевскими войсками, составлявшими постоянный гарнизон Верхнаго и Нижнаго Замков, и посредством множества вооруженных католиков и униатов: для чего на лодках свезены были по Двине из Верхняго Замка осадныя орудия и поставлены на земляных окопах, нарочно, по сему случаю, устроенных на берегу р. Двины, против монастыря. В конце одиннадцатого дня осады сделана, посредством частых выстрелов из сих орудий, брешь в стене, проложившая дорогу осаждающим к вторжению в монастырь и вытеснению оттуда храбрых защитников. Завладев, таким образом, Борисоглебским монастырем, Иосафат, окружившие оный стены велел разрушить до основания и, с тех пор, Борисоглебский монастырь перестал быть крепостью[6].

Борисоглебский монастырь, еще в начале своего существования, наделен был, тем же князем Борисом Генвиловичем, разными угодьями, землями и населенными имениями. Ревности сего князя, в этом отношении, подражали не только его преемники, князья полоцкие, но многие из знатных бояр и шляхты, сделавшие, в разныя времена, в пользу сего монастыря, вклады деньгами, утварью, угодьями и населенными имениями.

Время истребило документы, откуда можно было-бы заимствовать сведения, как о названии сих вкладчиков, так равно и об их пожертвованиях. Сохранился только один подлинный документ, писанный уставными славянскими буквами, на пергаменте. Это грамота полоцкаго князя Ярослава Изяславовича, данная в 1396 г. индикта 11, Борисоглебскому монастырю, по просьбе его настоятеля, архимандрита Филарета, на право построить мельницу на противоположном берегу речки Бельчицы, и на земли, по обеим сторонам ея лежащия[7]. Впрочем, из документов позднейших времен и монастырских инвентарей, видно, что, до занятия г. Полоцка московским царем Иоанном Грозным, к Борисоглебскому монастырю принадлежали следующия волости: Турец, Суя, Усвятица, Долгое, Санники[8], Пустынки, Бельчица, Кулаково, Шилково, Белое, Межно, Стуганы, Пауленково, Пяски, Корманы, Звоне, Церковно и другия[9]. Все монастырския имения, равно и сам монастырь, с церквами и всем принадлежащим ему имуществом, состояли под покровительством, сперва полоцких князей, а потом, по прекращении сих последних тех из бояр, кои сами, или их предки, были вкладчиками, для чего, они, с согласия архимандрита, избирали из среды себя, на известное число лет, двух монастырских старост, обязанность коих состояла в попечении о благостоянии монастыря и целости принадлежащих ему имений, угодий и имущества. Этот обычай сохранял-

ся ненарушимым до 1558 г.; но, когда, в сем году, король Сигизмунд Август, привилегиею своею, передал оставшуюся вакантною полоцкую архиепископию, вместе с нею и Борисоглебскую архимандрию, во владение каштеляну Глебу Ивановичу Корсаку (впоследствии вступившему в монашество, с именем Герасима, и возведенному в сан полоцкаго архиепископа), то сей последний, некоторыя монастырския имения, самовольно роздал в пожизненное владение своим друзьям и родственникам, именно, своим зятьям: Николаю Немировичу Щиту и князю Борису Лукомскому, и родным своим братьям Корсакам, обязав их только чтобы из доходов от сих имений, содержали в монастыре чернцов (которых, впрочем, тогда не более двух на лицо находилось, ибо прочие, по причине крайне скуднаго содержания, розошлись по другим монастырям)[10].

По завоевании Полоцка, в 1563 году, русским царем Иоанном Грозным, вышесказанные Корсаки, Щиты и сверх того Тышкевичи испросили у царя грамоту, по силе которой сделались полными владельцами, как Борисоглебскаго монастыря, так и всех имений, угодий и имуществ, монастырю сему принадлежавших, за что обязались строить новые, исправлять прежние и содержать на своем иждивении пограничные замки и остроги, за рекою Двиною. Вследствие чего, знаменитая и богатая Борисоглебская архимандрия пришла в упадок, монастырь опустел, стены и принадлежавшия оному церкви, от недосмотра, клонились к разрушению, и в таком плачевном состоянии она находилась не только во все время пребывания Полоцка под владычеством России, но и в эпоху отнятия онаго королем Баторием. В это время, по случаю учреждения в Полоцке иезуитскаго коллегиума, король отдал во владение иезуитам все православные монастыри и церкви со всеми имениями и имуществом к ним принадлежавшими, кроме имений владычных (как сказано, в королевском дипломе на учреждение иезуитскаго коллегиума), т. е. архиерейских, следовательно, кроме Борисоглебскаго монастыря, коего полоцкие архиепископы были настоятелями. Для приведения в известность всех сих имений, король назначил комиссаров, которым, между прочим, вменено было в обязанность произвести следствие и о имениях, принадлежавших прежде полоцким монастырям и церквам, но в разныя времена перешедших во владение светских лиц. Комиссары эти, хотя в отношении Борисоглебскаго монастыря и открыли, что Корсаки, Щиты и другие дворяне полоцкаго воеводства самовольно завладели Борисоглебским монастырем, с принадлежащим ему движимым и недвижимым имуществом, но как они не имели в своих руках никаких письменных на сие имущество документов, которые все пропали во время военных смут то вышесказанные дворяне не отстаивали свои права на монастырское имущество Борисоглебскаго монастыря, преимущественно ссылаясь на то, что хотя и действительно пожертвованы были их предками сему монастырю разныя угодья и населенныя имения, но так как, по нерадению настоятелей, монастырь оскудел от иноков, то они, дворяне, как главные ктиторы, сочли справедливым отобрать оный со всем имуществом в свое ведение. Такое оправдание, по видимому, было уважено королевскими комиссарами, ибо монастырь по прежнему остался в руках Корсаков и Щитов. Однакож, вскоре после сего, назначенный для Полоцка Баторием (в 1580 г.), новый воевода Мондвид Дорогостайский, осведомившись, что большая часть угодий и имений даны были Борисоглебскому монастырю не предками Корсаков и Щитов, а полоцкими князьями и другими лицами, вознамерился было завладеть им в свою пользу и это свое намерение стал уже приводить в исполнение; но полоцкий подкоморий Оникей Корсак, от лица всех Корсаков, успел выпросить у короля грамату, запрещающую воеводе отнимать у Корсаков и других лиц Борисоглебский монастырь и дозволяющую сим последним, по прежнему обычаю, избирать из среды себя, для заведывания оным, двух старост. Впрочем, как в грамате сей не было указано, чтобы населить монастырь монахами и передать его в духовное ведомство, то Корсаки продолжали доходы монастыря обращать в свою пользу, посему и монастырь сей продолжал быть в запустении. Впоследствии, полоцкий архиепископ Феофан Рыпинский, породнившись с Корсаками, чрез бракосочетание сына своего с дочерью одного из них, не только не спрашивал у них права на владение Борисоглебским монастырем, но еще подтвердил оное своею уступочною грамматою.

Преемник Рыпинскаго, Афанасий Терлецкий, управлял полоцкою епископскою кафедрою весьма кратковременно, так, что едва уже наследовавший оную, после сих двух архиепископов, архиепископ Григорий Герман Загорский, позвал в 1597 году в суд Корсаков, Щитов, Соломерецкаго и бывшаго в то время полоцким воеводою князя Друцкаго Соколинскаго, за незаконное завладение Борисоглебским монастырем и принадлежавшим ему движимым и недвижимым имуществом. Вследствие чего, сии последние, разсудив, что жалоба архиепископа справедлива и что они могут проиграть тяжбу, заключили с Загорским мировую, по силе которой обязались ежегодно давать в пользу монастыря по 30 коп грошей, по 20 бочек ржи и по 25 бочек разнаго яроваго хлеба; кроме того, они обязались поправлять монастырския церкви и выстроить новыя келии. Возстановив, таким образом, существование Борисоглебскаго монастыря, архиепископ Загорский населил оный монахами, впрочем только такими, которые согласились принять недавно возникшую унию, которой он сам, на Брестском соборе 1596 г. сделался ревностным последователем. С тех пор древний Борисоглебский монастырь сделался достоянием униатов, и это был первый из белорусских монастырей, обращенный в унию. Между тем, еще в то время, православные Корсаки и проч., данное обратившемуся в унию Загорскому, обязательство, выполняли весьма неаккуратно: церквей не поправляли и, по положению, полнаго количества денег и хлеба — не представляли. По кончине же Загорскаго, под предлогом, что Борисоглебский монастырь учрежден их предками, собственно для православных, т. е. (как выражались в своих исковых бумагах) древней грецкой веры иноков, а не для униатов, они опять совершенно завладели сим монастырем и униатских монахов прогнали. Преемник Загорскаго, тоже униатский архиепископ, слабый и дряхлый, Гедеон Брольницкий, хотя и завел было с ними тяжбу, однакож монастыря отнять не успел. Наконец Иосафат Кунцевич, наследовавший после Брольницкаго, в 1618 г., полоцкую архиепископию, и с тем вместе, получивший от короля Сигизмунда III привилегию на сан архимандрита Борисоглебскаго монастыря, с правом владения всеми принадлежащими ему имениями, потребовал у незаконных владельцев Корсаков и прочих, немедленной передачи ему сего монастыря; но как они решительно отвечали, что монастырь сей передадут только православному, а не другой какой-либо веры, настоятелю: то Иосафат, как сказано уже выше, принужден был отнять у них монастырь приступом. Однакож, вытесненные, таким образом, из монастыря Корсаки, угодий, имущества и принадлежащих ему населенных имений, отдать униатскому архиепископу и не думали. Тогда сей последний позвал их в задворный ассесорский суд, требуя не только возвращения всего движимаго и недвижимаго монастырскаго имущества, но и уплаты доходов, с процентами, за все время незаконнаго владения оным и, по усиленному его ходатайству в польских трибуналах и у короля, последовало решение, присудившее Корсаков и прочих к возвращению по описи всего, принадлежащего Борисоглебскому монастырю, движимаго и недвижимаго имущества и к уплате 30,000 злотых польских. Решение это, относительно возврата монастырскаго имущества, по настоянию Кунцевича, тотчас приведено было в исполнение. Но как Корсаки и другие, подлежащие сему решению, дворяне, столь огромной, по тогдашнему времени, суммы денег выплатить не могли,

то Иосафат согласился с ними на мировую, по которой деньги эти им прощал, с тем непременным условием, чтобы все они, с своими семействами, немедленно перешли в унию; на что они, не желая быть нищими, принуждены были согласиться, выговорив только, в свое утешение, чтобы они имели право всегда считаться ктиторами Борисоглебскаго монастыря и участвовать в избранни настоятелей онаго. И вот таким образом, из коренных белорусских бояр, Корсаки и Щиты, первые изменяют православию[11].

По случаю завоевания Полоцка царем Алексеем Михайловичем, Борисоглебский монастырь, на все время господства здесь русских, т. е. с 1654—1667 год, возвращен был православию, и в 1660 г., полоцкий православный епископ Каллист произвел в архимандриты сего монастыря игумена полоцкаго Богоявленскаго монастыря Игнатия Иовлевича.

С возвращением Полоцка Польше, по мирному трактату, заключенному в 1686 году между ею и Россиею в Москве, Борисоглебский монастырь опять сделался достоянием униатских монахов, базилиянцев, и управляем был архимандритами, возводимыми в этот сан по королевским привиллегиям, по силе которых монастырь сей, со всеми принадлежащими к нему угодьями и имениями, отдаваем был польскими королями архимандритам в пожизненное владение; а так как Борисоглебский монастырь был имениями богаче всех других монастырей полоцкой епархии, то полоцкие архиепископы почти всегда испрашивали для себя у королей привилегию, на звание архимандрита Борисоглебскаго монастыря. Впрочем, по присоединении Белоруссии к Российской Империи, Борисоглебская архимандрия управлялась особыми архимандритами, избираемыми базилианскими конгрегациями[12]. Последним из таковых архимандритов был Исаия Шулякевич, скончавшийся в 1822 году, а после его смерти, монастырем управляли иеромонахи. Но с 1834 г. по имянному указу б. униатской коллегии, поступил он в ведение б. Оршанскаго епископа, ныне полоцкаго и витебскаго архиепископа Василия, и состоял в его распоряжении по 1842 год, до передачи принадлежавших монастырю населенных имений в казну. С того времени Борисоглебский монастырь обращен в заштатный. В замен же имений, отошедших в казну, сначала наделено ему 60 десятин земли, восемь штатных служителей и оставлены за ним: Черствяцкое озеро и мельница на речке Бельчице, а потом (в 1852 г.) добавлено еще 90 десятин земли и предположено отвести до 300 десятин лесу из казенных дач. Кроме того отпускается ежегодно от казны по 290 рублей серебром. Но монашествующих лиц, в продолжении многих последних лет, в нем не имелось, а до 1859 г. управлял оным полоцкий протоиерей и благочинный Андрей Юркевич; доход же от угодий монастыря и денежное пособие от казны в 290 руб., вероятно отсылаемо было в полоцкую духовную консисторию, для приращения капиталов духовнаго ведомства.

О МОНАСТЫРСКИХ ЗДАНИЯХ

Когда разрушились древния монастырския келии, и были ли оне каменныя или деревянныя, не известно; но до 1848 года существовал одноэтажный, деревянный, монастырский корпус, построенный в 1773 году, старанием б. архимандрита сего монастыря Кесария Чудовскаго. В недавнее время корпус этот разобран по ветхости и на его месте построен новый, двух-этажный, также деревянный дом, с которым, посредством коридора, соединена крошечная, теплая, каменная церковь, во имя Св. Параскевии, построенная, тамже архимандритом Чудовским, из кирпича, взятаго из находящихся вблизи развалин древней, тогоже имени, церкви.

Во времена архиепископа Иосафата Кунцевича, кроме главной Борисоглебской церкви и церкви св. Параскевии, существовали в Борисоглебском монастыре еще две церкви: св. Иоанно-Богословская, по всей вероятности, деревянная и, без сомнения, на том же самом месте, где ныне стоит, тогож имени церковь приходская, построенная на счет монастыря, в 1769 г. (впрочем ныне запечатанная, по ветхости) и другая церковь, во имя Успения Пр. Богородицы, тоже деревянная, построенная иждивением кабацких мещан. Но как от сей церкви ни каких следов не осталось и о существовании ея известно только из предания и рукописных документов, то с точностью нельзя определить и место, где она находилась[13].

Главная монастырская церковь во имя Бориса и Глеба, построенная, как сказано выше, в 1222 г. хотя и сохранилась по настоящее время, но только в одних стенах своих, свидетельствующих, что она подвергалась разным переменам судьбы, т. е. испытала и разорение, и пожары, и неоднократныя переделки. Она каменная, одноэтажная, квадратная, в виде правильнаго параллелограмма. К алтарной части, к древней стене пристроена новая каменная ризница, чрез которую сделан побочный вход в церковь. Извне она имеет длины 7 саженей и 8 вершков, ширины 4 сажен. и 10 вершков. Внутри, от западной двери до царских врат, имеет длин. 4 сажени, 2 аршина и 2 вершка. Иконостас каменный, пространством от иконостаса до восточной стены, которою оканчивается алтарь, 1 сажень и 15 вершков, толщина стены иконостаса 6 вершков. Внутренняя ширина церкви 3 сажени.

Церковь эта построена вся из кирпича, сплошною кладкою, цемент наложен слоем вдвое толще кирпича. Кирпич обожженный, тонкий, не толще полвершка, в длину 6 и 3/4 вершка, в ширину $5^1/_4$ вершков. Стены, как извне, так и внутри оштукатурены вновь. Впрочем, внутри, из под нескольких слоев, случайно отвалившейся штукатурки, виднеются ярких цветов древния фрески, которыми, без сомнения, расписана была вся церковь. На наружных стенах выдаются прямыя лопатки, числом, на каждой стене, в длину церкви, по шести, а в ширину, по четыре; каждая из сих лопаток шириною 1 аршин и 8 вершков и все оне опущены к земле — без цоколей, вверху оканчиваются на 3/4 аршина и ничем неукрашены, а только срезаны в виде долота, или клина. Над ними, вокруг всей церкви, узкий поясок с карнизцем. Под самою же кровлею, стены оканчиваются тоже карнизом с поясом. Впрочем карнизы, вероятно, произведения времен новейших.

Какой вид в древности имела кровля, не известно; настоящая же железная опускается прямо на стены, в виде шатра, на три ската, с фронтона же без ската и покрывает трех-угольный тимпан.

Фонарь деревянный глухой устроен под конец кровли, к восточной стене, шея гладкая, осмиугольная, покрытая листовым железом; но в древности, по свидетельству монастырских описей, фонарь был каменный. Глава, опирающаяся на нем, имеет вид луковицы, покрыта железом и оканчивается железным шестиконечным крестом. Она построена вместе с крышею в 1852 году.

Окон в церкви шесть. Два из них большия, помещенныя между средними лопатками у двух противуположных стен, — широкия, продолговатыя, оканчивающиеся мысом, без наличников, с откосами. Таковаго же самаго устройства и размера третье окно, над западною дверью или входом. Остальныя три окна освещают собственно алтарь, они размером меньше уже первых, дугообразныя, с гладкими лепными наличниками, без откосов.

Двери у входа одне, деревянныя, одиночныя, без украшений, вышиною равняющиеся большим окнам, но несколько уже (вышина 1 саж. 1/4 арш., ширина 1 арш. 10 вершков); наличники у двери гладкие, лепные. Вход украшен двумя полу-колонками, с откосом, дугообразный. Паперти или притвора нет.

Внутри церкви алтарь от храма отделяется каменною стеною с тремя пролетами для царских, северных и южных дверей, с четвертым, над царскими вратами, зероятно, для поставления иконы. Хотя это средостение сложено из древняго кирпича, но архитектура и кладка обнаруживают недавнее построение

онаго. Сходство кирпича, в отношении размера и качества, с кирпичем развалин древней церкви св. Параскевии, заставляет предполагать, что на построение сего средостения употреблен кирпич из сих развалин. Что подтверждает и монастырское предание, приписывающее обновление и перестройку Борисоглебской церкви, вышесказанному архимандриту Чудовскому, именно употребившему для сего древний кирпич из развалин церкви Св. Параскевии.

Своды коробовые, полукруглые, древняго устройства. Столбов не имеется никаких. На стенах нет лепных украшений, а только, в соответствие внешним лопаткам, есть тонкие, лепные наличники, проведенные от пола по стенам и сводам. Пол в церкви кирпичный, тоже не древний.

Алтарь возвышается одною ступенью. Св. Престол каменный, четыреугольный. В северной и южной стенах алтаря находятся большия дугообразныя углубления. Вероятно, в них вставлялись шкафы для хранения церковных вещей.

Хоры прямолинейные, простые, деревянные, с плоскими раскрашенными дощатыми балясами устроены во всю ширину церкви, — позднейшей работы. Вход на оные ныне из внутри, но в древности был извне.

Из средины церкви, по ступеням, входят в склеп, подведенный под алтарь. В нем находятся ныне три деревянные гроба, в коих покоятся тела трех униатских архимандритов: Борисоглебскаго Кесарня Чудовскаго, Белоцерковскаго Сулятицкаго и последняго Борисоглебскаго Шулякевича.

Недавно (в 1852 г.) церковь эта возобновлена на сумму 500 р. серебром, пожертвованную с.-петербургским 1 гильдии купцом Павлом Кудряшевым, а вышесказанная теплая церковь св. Параскевии, возобновлена в 1850 г.

На северо-восток от Борисоглебской церкви, в 150 шагах, в древности находилась церковь, по преданию, во имя св. Параскевии. Но она, с незапамятных времен, существует только в развалинах. Стрийковский, известный летописец литовский лично видел ее в таком виде в 16 столетии, и построение оной приписывает, одновременно с Борисоглебскою, князю Борису Гениловичу. Но это не справедливо. Ибо, судя по развалинам, должно думать, что бывшая церковь св. Параскевии, если не древнее Спасской, построенной около 1150 г., то, по крайней мере, ей современна. В это уже время полоцкие князья, уступив Верхний Замок на жительство епископам, имели свои терема на Бельчице, следовательно подле них строили и дворцовыя церкви, к числу которых принадлежала находящаяся ныне в развалинах, и церковь св. Параскевии, во имя которой русские исконн любили строить церкви почти во всех городах. По сему мнение некоторых изследователей полоцкой старины, весьма правдоподобно, что Пр. Ефросиния церковь во имя Св. Спаса на Сельце, построила совершенно по образцу и плану княжеской церкви св. Параскевии. Действительно, план, фундамент развалин ц. св. Параскевии, а равно расположение, размер, кладка стен, качество и объем кирпичей, толщина и состав цемента, совершенно одинаковы со Спасо-Евфросиньевскою церковию.

Когда и каким образом, разрушена церковь Св. Параскевии, не известно: достоверно только, что около 1576 г. она была уже в развалинах[14] и что, наконец, около 1670 г., Борисоглебский архимандрит Чудовский, для построения небольшой церкви, тоже во имя Св. Параскевии, и для возобновления Борисоглебской церкви, употребил из сих развалин кирпич.

По существующему ныне фундаменту сей церкви, можно догадываться, что она была квадратная. Алтарь же оканчивался тремя полукружиями, вмещающими в себе кроме главнаго алтаря и два придела. Внутри храма находились четыре толстые столба или колонны, поддерживающие свод храма, который, вероятно, имел вид арок, подобно как в церкви Спаской. По находящимся впереди сих развалин грудам щебня, покрытаго дерном, можно догадываться о существовании обширнаго притвора и паперти.

Церковь эта внутри имела длины 8 саженей и 1 аршин, в ширину — 6 саженей, 1 аршин и вершков — до стены, отделяющей притвор от храма. Толщина фундамента стен церкви 2 аршина, а толщина фундамента колонн 1 сажень. Кладка стен сплошная, цемент наложен слоем, вдвое толще кирпича, и состоит из смеси извести с осколками камней и кирпича. Кирпич — обожженный, тонкий, только в полвершка толщины, длиной $7^1/_2$ шириною $4^1/_2$ вершка.

По общему, в г. Полоцке, преданию, под северною стеною церкви св. Параскевии находилась дверь, ведущая в подземельный ход (тюннель), проведенный, в древности, под рекою Двиною, до верхняго замка и церкви Св. Спаса, и таким образом соединяющий Бельчицу с ц. Спаса и верхним замком. Следов такой двери, т. е. отверстия, теперь не видно. Быть может, оно засыпалось землею и мусором. Но полоцкие старожилы рассказывают, что, будто бы, вскоре после 1812 года, монахи Борисоглебскаго монастыря велели отыскать это отверстие, которое и удалось им найти под мусором, у северной стены церкви, и, будто бы, посредством длиннаго шеста, удостоверились в существовании подземнаго хода, имеющаго направление к р. Двине, но по причине чрезвычайно дурнаго и вредоснаго, исходящаго из сего хода, воздуха, принуждены были засыпать опять оный землею и мусором.

Народная молва подозревает существование в сем ходе несметных сокровищ, будто бы спрятанных там полоцкими князьями и боярами, по случаю нашествия на Полоцк татар, по другим — литвы, а по иным — ливонских рыцарей.

О НАСТОЯТЕЛЯХ БОРИСОГЛЕБСКАГО МОНАСТЫРЯ

В древния времена, когда еще Полоцк находился под властью русских удельных князей, настоятели Борисоглебскаго монастыря, утверждаемы были в сем сане князьми; в последствии, когда Полоцк потерял независимость и вместе с княжеством Литовским перешел под владычество Польши, настоятелей сих избирали ктиторы монастыря и утверждал их король; а как известно, что Борисоглебскому монастырю принадлежали огромныя имения, то польские короли стали возводить в настоятели онаго полоцких архиепископов, с правом пожизненнаго владения всеми, монастырю сему принадлежащими, угодьями и имениями; поэтому мы видим целый ряд полоцких архиепископов, титуловавшимися Борисоглебскими архимандритами и настоятелями; но под конец существования унии, когда полоцкие архиепископы возводимы были в сан митрополитов, не преставая впрочем управлять полоцкою архиепископиею, то они назначали особых настоятелей для Борисоглебскаго монастыря, к замене же имений сему монастырю принадлежащих, получали во владение огромныя имения митрополичьи.

О древних православных настоятелях Борисоглебскаго монастыря не сохранилось никаких исторических сведений. Впрочем из них известны нам только два, архимандрит Филарет, коего уважал полоцкий князь Ярослав Изяславович, давший в 1396 г. на его имя вышесказанную грамату на мельницу на р. Бельчице, и тоже архимандрит Игнатий Иовлевич, произведенный в этот сан ц. Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном из игуменов полоцкаго Борисоглебскаго монастыря: в 1660 г., во время нахождения Полоцка под властию сего царя. Иовлевич известен ученостию и голосом на московском соборе (1667 г.) в пользу патриарха Никона. Из униатских настоятелей монастыря, тоже известны не многие: Геннадий Хмельницкий, по сану игумен, около 1629 г.; Феофил Ольшаница, произведенный в сан архимандрита в 1640 г., привилегиею короля Владислава IV; Михаил Гротус Тарновский, архимандрит, около 1710 г. Впоследствии он был возведен в сан униатскаго смоленскаго архиепископа; Иосиф Сапарович, около 1718 года, известен ученостию; Кесарий Чудовский,

архимандрит, известный по возобновлению монастырских и церковных зданий в 1790 г.; Исаия Шулякевич, управлял монастырем с 1794 г. по 1822 г.; он, после епископа, первенствовал в духовенстве полоцкой епархии и занимался епархиальным управлением; иеромонах Бонифаций Тараевич, управлял монастырем после его кончины по 1834 год. С этого времени настоятелем Борисоглебскаго монастыря был епископ оршанский и мстиславский, ныне полоцкий архиепископ Василий, но, с поступлением в 1842 году монастырских имений в казну, а монастыря в заштат, управляли монастырем, с 15 Сентября 1842 по 22 Марта 1843 года, иеромонах Иннокентий Блыщинский, а с 1843 г. Игумен Фавст Соболевский, умерший в 1847 году; с тех пор был исправляющим должность настоятеля сего монастыря полоцкаго Софийскаго собора протоиерей Андрей Юркевич.

При Борисоглебском монастыре существовало по 1835 год приходское училище, в коем воспитывались бедные дети духовнаго звания, на монастырском иждивении, и приходящия из города дети мещан, но, по поступлении сего монастыря во владение архиерея, оно было закрыто.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Мингайло, завоевав Полоцк, обложил его данью и посадил на княжеский престол сына свего Генвила, который, вследствие вступления в брачный союз с княжною тверскою Мариею Борисовною, родственною б. князьям полоцким, первый из литовских князей принял христианскую веру и крещен в православии с именем Георгия. Ему также приписывают построение г. Борисова над Березиною и в летописях он известен еще по продолжительной и упорной войне с Псковом и Витебском.

(Stryikowski, stron.241. Смотри — Stebelski — Dwa

[2] swiatla na horyzonsie Polockim... Tom 1. str.147)

Stryikowski. Kronika Litewska, ksiega VI. Rord XXI; XXII, pag.273; Gwagnin, T.1, pag.301; Stebelski, Zywot S. Eufrozynii (Dwa Swiatla) T.1, str.149;150;

Архив Борисоглебскаго монастыря, рукописные документы и инвентари.

[3] Там же. Stryikowski ks.IV Rozd. XII, pag.233.

Архив Борисоглебскаго монастыря. Архив Полоцкаго Соф. собора.

[4] Из сего можно заключить, что, в то время, в Полоцке еще не было своих кирпичных заводов, или, что полочане уступали ливонцам в искустве приготовлять, годный, для прочной каменной постройки, кирпич. Вероятно, этот строительный материал тогда был весьма ценным, когда князь хотел увековечить память благополучной доставки онаго водою, приказав, на одном из находящихся в средине Двины огромных камней, изсечь изображение Св. Креста, с надписью: «Вспоможи Господи раба своего Бориса сына Генвилова». Этот камень, с хорошо сохранившеюся доселе надписью и изображением креста, находится в р. Двине, на седьмой версте за г. Дисною. Впрочем, можно его видеть только в весьма сухое лето, когда Двина делается мелководною. Мнение, что князь Борис Генвилович велел на сем камне изсечь крест в память благополучной доставки из Ливонии материалов, на постройку церквей в Полоцке, остновано на общем местном предании и на свидетельстве Стрийковскаго, читавшаго о сем, как он говорит, в какой-то древней летописи (Stryikowski Ks VI. Rozd. XII, pag. 233). Изображенный на камне крест — четырехконечный, надпись на нем славянскими уставными буквами. По свидетельству многих очевидцев (в том числе известных наших археологов Гг. Тышкевича и Щита), подобных камней, с надписями и с изображением Св. креста, находится в Двине, на пространстве между Полоцком и Дисною, до семи. На некоторых из сих камней кресты шестиконечные.

[5] Там же.

[6] Архив Борисоглеб. мон.; архив полоц. Соф. собора; актовыя книги в архиве полоц. уезд. суда; архив пол. духов. консистории, связка de unione и проч.

[7] Борисоглебский архив. Грамата сия напечатана в 4 № Вит. губ. ведом. за 1858 г. и в Вест. зап. России за 1862/63 г.

[8] Санники достались Борисоглебскому монастырю по духовному завещанию князя Михаила Друцкого-Соколинского в 1621 г. сент. 27. Из этого завещания, копия котораго находится в архиве Борисоглебскаго, а другая Тадулинскаго монастырей, между прочим, видно, что имение Санники куплено было князем Соломерецким у черницы Тышкевичевой, и что дочь его Марина была тоже православною черницею в Киеве. (Сличи актовая книга земская 1622 г. в архиве полоцкаго уезднаго суда).

[9] Борисоглебский архив; Архив пол. Соф. собора; архив пол. дух консистории; актовыя книги полоцк. уездн. суда.

[10] Там же. Stebelski Chronologia T.II.

[11] Архив Борисоглеб. монастыря №№ 2, 3, 4, 5, 6 и 7; актовыя книги полоц. уезднаго суда; архив Тадулинскаго монастыря; архив полоцкой духовн. консистории, связка de unione; фамильный архив помещика Людвика Корсака.

Известно, что до учреждения в г. Полоцке королем Баторием иезуитскаго коллегиума, не только Щиты, Корсаки, Тышкевичи, но и все другие коренные белорусские дворяне, не говоря уже о всей массе народонаселения (за исключением разве польских переселенцев), были последователями древняго, греко-российскаго православия, т. е., как тогда выражались в документах — старожитной релеи (веры) под послушенством патриарха константинопальскаго находящейся. Самый лучший сему свидетель: это король Баторий, который, в дипломе на учреждение вышесказаннаго коллегиума, прямо говорит, — что так как, не только в г. Полоцке, но и во всем полоцком воеводстве, он не нашел ни одного римско-католическаго костела, то для распространения св. веры в сих странах учреждает коллегиум отцов иезуитов (Смотри— Kronika Bielskiego, an 1879 — 82; — Diploma fundationis Poloc. Coll. Soc. Jezu, an 1580, Informacia o dobrach do Coll. Poloc. SS. Jezu nalezacych §5 и друг.

Правда, в первой половине 16 века, гораздо ранее введения католицизма в Белоруссию, проник было в эту страну кальвинизм, и некоторые из высших бояр, воспитанных за границею, пожертвовали древним православием своих предков новому учению Кальвина, Цвинглия и других реформатских сектаторов (Смотри Вит. Губ. Вед. за 1858 г. 95. 14 о введении Кальвинизма в Белоруссии), но число таковых было не велико; прочие же большие и меньшие бояре, т. е. шляхта, и вся масса белорусскаго народа оставались непоколебимо верными православию до бресткаго собора (1596), за исключением разве немногих, тоже преимущественно из высшаго дворянства, настойчивостю иезуитов совратившихся в латинство, не столько впрочем, по убеждению, сколько по честолюбивым видам и личным интересам: одни из них принимали латинство, чтобы добиться кресла в сенате, ибо в начале царствования Сигизмунда III, сеймовою конституциею эта честь предоставлена была только магнатам римской веры; другие, чтоб иметь право получить высшия государственныя должности и чины, которые, во времена тогоже Сигизмунда, раздавались только лицам, исповедующим римскую веру; иные, наконец, переходили в латинство в подражание магнатам, у которых находились в услужении, или были с ними в родственных связях. В начале насильственнаго распространения унии — сей новой секты, возникшей, как известно, по чисто политическим видам, явились сильныя противники ея в лице большей части белорусских дворян. Доказательством сему служит известный протест белорусскаго дворянства, составленный против унии на полоцком сеймике, бывшем в 1599 году, под председательством, еще тогда неизменившаго вере предков, т. е. греко-российско-

му православию, полоцкаго подвоеводии Боркулава Корсака. На протесте сем, кроме Корсаков, собственноручно подписалось и приложило фамильныя печати более 80 лиц православной белорусской шляхты, потомки которых существуют в Белоруссии и по ныне, но уже ополячившиеся и, благодаря латинству, потерявшие, подобно полякам и другим олатинившимся славянам, характер истинной славянской народности.

Читая сей знаменитый протест (протест сей тогда-же отослан был ко внесению в трибунальныя книги б. новогрудскаго головнаго трибунала, королю Сигизмунду III и на генеральный варшавский сейм, подлинник же находится в фамильном архиве помещика лепельскаго уезда Людвика Корсака, в числе множества важных, в историческом отношении, документов. У него находится также и копия вышесказанной мировой Иосафата Кунцевича, по которой Корсаки, впрочем только некоторые, согласились принять унию и латинство), лучший современный памятник твердости в православии предков нынешних белорусских дворян и преисполненный сильных выражений в защиту свободы православной веры, можно ли поверить, чтобы ближайшие потомки подписавшихся на нем, изменили сей вере и забыли свое чисто русское происхождение?

[12] Монастырский архив и инвентарь; архив полоцкой духовн. консистории, архив провинциальный, базилианский, находящийся в полоц. духовн. консистории, связка 3, № I и II, фамильный архив помещика вит. губернии, полоц. уезда, Людвика Корсака; акты ревизии белорусских базилиянских монастырей, хранящиеся в вышесказ. провинциальном архиве; архив полоцкаго уезднаго суда.

[13] Жалоба 1618 г. полоцкаго архиепископа Иосафата Кунцевича на ктиторов Борисоглебскаго монастыря: Корсаков, Щитов и других, что по обязательству своему не поправляют трех монастырских церквей. (Смотри монастырский архив).

[14] Stryikowski, Kronika Litewska ks.IV. Roz.XII.

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ИЗДАНИЮ: Вестник Западной России. Историко-литературный журнал, издаваемый К. Говорским. Ноябрь. Год третий. Том II. — Вильна. В типографии Р. М. Ромма, 1865. Стр. 1—22 (Отдел II).

Александр СЕМЕНТОВСКИЙ

ПОЛОТСКИЙ БОРИСОГЛЕБСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Общий вид монастыря — Время основния его. — Камни, как памятники постройки монастыря. — Наружность монастыря в древности. — Отношения православных по присоединении Борисоглебскаго монастыря к унии. — Состояние монастыря до поступления его в православное ведомство. — Нынешния средства обители. — Борисоглебская церковь; ея древности. — Церковь Св. Параскевии; ея древности. — Развалины древней Параскевиевской церкви. — Монастырский дом. — Заключение.

Вот и еще памятник православия в Витебской губернии, еще обитель, стены которой наполняют и объясняют многия страницы истории местнаго края! Мы указываем вам, читатель, на Полотский, в древности Бельчицкий, Борисоглебский, ныне заштатный, мужской монастырь, скромно возвышающий кресты храмов своих на левом берегу реки Западной Двины, при впадении в нее небольшой речки Бельчицы.

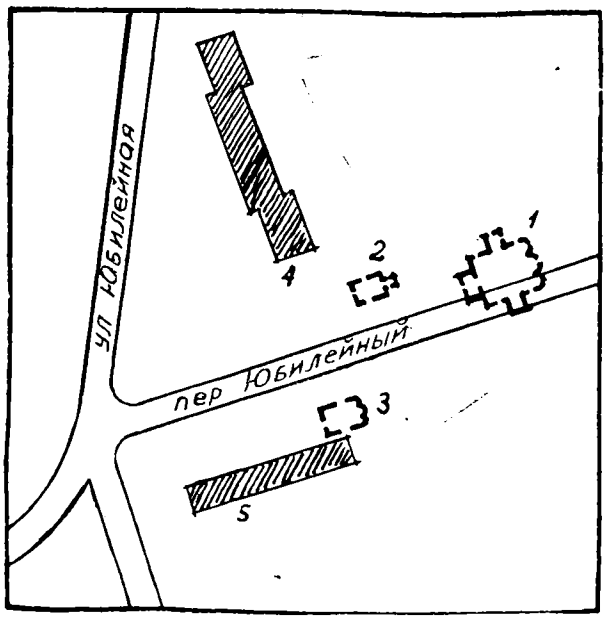
Непривлекательна местность монастыря, не сияют золотом кресты и главы церковныя, не поражает взор ваш ни громадность зданий монастырских, ни величие архитектуры их; вид обители такой скромный, такой печальный, что, кажется, будто бы в нем вовсе нет жизни, будто бы время забыло стереть с лица земли этот, давно совершивший свое назначение, памятник старины.

Но вот до слуха вашего долетает тихий, плачевный звук монастырскаго колокола, сквозь полузакрытую дверь ограды вы видите две-три человеческие фигуры, медленно двигающияся из монастырскаго дома в храм. Воспользуемся же, читатель, этим случаем и проникнем в мирную обитель, чтобы узнать прошедшую и нынешнюю судьбу ея.

Вот мы в монастырской ограде. Почти насупротив ворот стоит небольшое, четырех-угольное, с растрескавшимися и почерневшими стенами, венчанное поверх плоской крыши небольшим куполом здание главной монастырской церкви во имя св. князей Бориса и Глеба.

При первом взгляде на храм, на толщину его стен, форму и способ кладки кирпича, на узенькия приземистыя двери, на заделанные ниши старинных окон и наконец на малый деревянный куполок поверх плоской крыши, — ясно видишь, что он, принадлежа XII или XIII веку, был не раз переделываем, прежде чем получил эту наружность, в какой представляется ныне. В нескольких шагах левее Борисоглебской церкви стоит двух-этажный, деревянный, неоштукатуренный дом, назначенный для жилья игумена и братии; дом этот связан длинным, но узким бревенчатым коридором с другим монастырским храмом, т. е. с теплой церковью имя Св. Параскевии. Прибавить к этим зданиям небольшой деревянный сарайчик, помещенный насупротив входа в Борисоглебскую церковь, вы одним, так сказать взглядом обнимите всю скромную внутреннюю картину некогда славной и богатой Борисоглебной обители. Не лучше рисуется обитель эта и с противуположнаго городскаго берега реки Западной Двины; вся разность в том, что оттуда взор ваш обнимет всю монастырскую усадьбу, опоясанную красной кирпичной стеной, да несколько тенистых лип роскошною зеленью своей листвы смягчает общий грустный колорит картины.

Теперь позвольте, читатель, ввести вас во внутрь



План размещения фундаментов XII в. Бельчицкого Борисоглебского монастыря (Штыхов Г. В. Древний Полоцк. Мн., 1975, стр. 121).
1 — Большой собор, 2 — Пятницкая церковь, 3 — Борисоглебская церковь, 4 — здание 30-х годов XX в., 5 — здание 60-х годов XX в.

монастырских храмов, но прежде заглянем в страницы истории и познакомимся с судьбой их.

Основание Борисоглебскага монастыря приписывают внуку литовскаго князя Мингайлы, полотскому князю Борису Генвиловичу, относя это событие к концу XII века, именно к 1190 году. Какова была первоначальная церковь монастырская, каменная или деревянная, и где именно она находилась, на месте ли настоящей, в большем или меньшем отдалении от нея, — сведений не имеется. Судя по сказанию Стриковскаго[2], следует допустить, что ныне существующая каменная церковь, во им Св. Бориса и Глеба, заложена в 1217, а окончена в 1222 году. Что церковь построена не позже XIII века, это доказывается величиной и формой кирпичей, имеющих, при $1^5/_8$ английских дюймов толщины, 13 дюймов в длину и $8^1/_2$ дюймов в ширину, так равно способом кладки его и составом цемента, толщина слоев котораго простирается от $3^1/_3$ до 5 английский дюймов, а равно самой формой здания и внешним его видом. По словам того же историка видно, что князь Борис на сооружение этого храма привозил строевой материал, т. е. кирпич и известь, из Ливонии, сплавляя таковой по реке Западной Двине. Стриковский, на основании какой-то древней летописи, свидетельствует даже, что в память благополучной доставки к монастырю строевых материалов, князь Борис велел высечь на камне, лежащем в русле реки Двины, верстах в семи за городом Дисной, крест, с надписью: «Вспоможи Господи раба своего Бориса, сына Генвилова». К. А. Говорский упоминая об этом в своем описании Борисоглебскаго монастыря[3], присовокупляет, что по свидетельству многих очевидцев, в том числе известных наших археологов, гг. Тышкевича и Щита, подобных камней, с надписями и изображениями Св. Креста, находятся в Двине, на пространстве между Полотском и Дисною, до семи. Нам известно четыре таких камня, все они носят название «Бориса»; точнее изображение их помещено в Памятной Книжке Витебской губерни за 1864 г.[4]; надписи сих камней не вполне согласны с вышеприведенной, и во всяком случае смысл их скроее тот, что испрашивается помощь на совершаемый еще труд Бориса, чем увековечивается память о совершении его.

Вот что извесно нам об этих камнях; камень, лежащий в пяти верстах от Полотска, близ леваго берега реки Двины, имеет 4 аршина в высоту и 11 в окружности; на нем уцелели только следующия слова надписи славянскими бувами:

«Иисусъ Христосъ Господи рабу помо...»

На гранитном валуне, находящемся у того же берега, в пяти верстах ниже города Дисны, между деревней Наковниками с правой и корчмой Осиновкой с левой стороны, высечено по обеим сторонам креста:

«Господи помози рабу своему Борису».

Валун этот пытались взорвать для очистки русла реки, но как употребленное с этою целию количество пороха оказалось недостаточным, то камень только раскололся, а верхняя часть его отскочила. Величина валуна равнялась 14 аршинам в окружности.

На третьем камне, о котором именно и упоминает Стриковский и который находится в 7 верстах от Дисны, между имениями Болотниками и Повенужкою, высечено:

«Господи помози рабу своему Борису».

Окружность этого камня имеет около 24 аршин крест изображен шестиконечный.

Наконец надпись на последнем из известных нам камней, лежащем близ устья Повенужки, разобрать с точностью невозможно; уцелело только имя Бориса и несколько букв от других слов.

Действительно ли камни эти суть памятники трудов князя Бориса по сооружению Борисоглебскаго храма, — того, конечно, никто с достоверностию сказать не может; самыя надписи на них, как видит читатель, на факт этого не указывают; несомненно одно, что камни эти принадлежат к числу древнейших православных памятников Белоруссии.

Далее, Ксенофонт Антонович, основываясь на свидетельстве Стриковскаго и неизвестных нам актов, говорит, что Борисоглебский монастырь в древности обнесен был каменною стеною, над которою во многих местах возвышались башни и бойницы, так что составлял род крепости, внутри

которой еще во времена князей Владимирова рода находились княжеские терема и, быть может, древнейшая из каменных Полотских церквей, — церковь во имя Св. Параскевии, от которой остался один только фундамент и которую, впрочем уже полуразрушенную, видел польский летописец, каноник Стриковский, живший в половине XVI столетия. В русских и ливонских летописях не однажды упоминается об осаде сего монастыря Ливонцами и упорой защите онаго Полочанами, предводительствуемыми их князьями, чем доказывается, что монастырь сей был вместе и крепостию. Каменная стена эта, с бойницами и башнями, существовала еще во времена полотскаго униатскаго архиепископа Иосафата Кунцевича, т. е. в начале XVII столетия, который, в качестве архимандрита сего монастыря, по смерти своего предместника, архиепископа Гедеона Брольницкаго, хотел вступить во владение оным, но ктиторы монастыря, Корсаки, Щиты и другие православные бояре бывшаго Полотскаго воеводства, поставив на бойницах пушки, засели в нем с множеством вооруженнаго народа, чтобы оружием отстоять сей искони православный монастырь от посягательства на него униатскаго архиерея. С своей стороны Иосафат, после тщетных увещаний передать ему монастырь, как законному настоятелю, утвержденному в сем сане королевскими войсками, составлявшими постоянный гарнизон Верхняго и Нижняго замков, и посредством множества вооруженных католиков и униатов, для чего на лодках свезены были по Двине из Верхняго замка осадныя орудия и поставлены на земляных окопах, нарочно по сему случаю устроенных на берегу Двины, против монастыря. В конце одинадцатаго дня осады сделана, посредством частых выстрелов из сих орудий, брешь в стене, проложившая дорогу осаждающим к вторжению в монастырь и к вытеснению оттуда храбрых защитников. Завладев таким образом Борисоглебским монастырем, Иосафат окружавшия оный стены велел разрушить до основания, и с тех пор Борисоглебский монастырь перестал быть крепостию.

Мы уже заметили выше, что нам неизвестны акты, на основании которых можно бы предполагать, что Борисоглебский монастырь был в то же время и крепостию; это, конечно, не дает нам права сомневаться в верности существования указанных автором источников; но как местность монастыря никак не допускает возможности разгромления его с того же берега Двины, на котором он построен, но очевидной каждому знакомому с этою местностию невозможности устроить здесь, под навесным огнем, крепостныя батареи, и как к тому же решительно нет в окрестности монастыря никаких остатков старинных укреплений, которыя в течении двух-сот с небольшим лет никак не могли бы исчезнуть, а напротив, в руках наших есть несомненные документы, что укреплена была та местность за-Двинской части Полотска, где ныне Иоанно-Богословская церковь, то и должно допустить, что приведенное выше сказание ошибочно. Впрочем, как бы то ни было, но факт насильственнаго захвата монастыря Кунцевичем — не подлежит сомнению. С этой поры начинается длинный ряд споров и даже ссор, продолжавшихся в течении многих лет между униатскими настоятелями и монахами Борисоглебскаго монастыря с одной стороны и несовратившимся еще в унию местным православным населением города — с другой.

Из дошедших до нас актов узнаем, что ненависть православных с униатскими архиепископами доходила до того, что первые не раз покушались на жизнь последних. Так, полотский униатский архиепископ Антоний Селява, в жалобе своей от 12-го октября 1633 года[5], говорит, что того же числа, часу в восьмом утра, при переезде его в лодке через реку Двину, на пути в Борисоглебский монастырь, неизвестно кто из толпы, стоявших у Кравцова посада мещан «з мушкета два раза окрушне по нем выстрелил, в котораго выстрелении кули обе две не далеко се мимо его самого и челядьи его, в том же лодке при нем будучие, летели, которым пострелом мало его самого и челядки не трафило». Когда же он, архиепископ, приехал в монастырь, то вскоре трое из полотских мещан, подойдя к самым воротам цминтаревым, начали стрелять, «учинивши якийсь непотребный крик».

Однажды, это было 15 февраля 1640 года, отцы законники Борисоглебскаго монастыря, взяв с собою «слуг вродовых меских», отправились, по обыкновению, в находившееся близ монастыря местечко Кобак, чтобы» водлуг декрету его Королевской милости, «грабить Кобачан за нехождение до церкви», тогда кобацкие мещане, «учинивши бунт, их отцов законников, безвинне, первей словами брыдкими полаявши, одноведе и похвалку на здоровье их отцов законников учинили и, обецуючы се их бить, забиять и в реку утопить».

В другой раз, когда Теофиль Ольшеница, игумен Борисоглебский, отправил на Кобак, в дом мещанина Афонасия Кондратенка, одного из братии для молитвы, то Кондратенко пришел в такой гнев от насильственно навязываемых ему униатских обрядов, что вырвавши из рук о. законника крест, изломал его, приговаривая: «не ражу тобе попе бывать на Кобаку, нетолько в моем дому, кгдыш есть нас так зеле, которые можем тебе завязать давши самому молитву».

С обращением православных храмов в униатские и с усилением гонений на православных, ненависть послецних к униатскому духовенству дошла до такой степени, что бунт и кощунство над всем церковно-униатским стало делом самым обыкновенным; так, ксендз Иоанн Филиповский, 9 сентября 1643 года, записал в Полотскую градскую книгу протестацию «на всех схизматиков иж они образы Божье светые лжат, деспектуют, дерут, топчут; насмеваючысе оным светым образом, очи, носы вышарпывают и о Паньне насвентшой блузънять...».

После всего этого понятно, что и Борисоглебский монастырь, с обращением братии в унию, потерял в глазах православнаго народа всякое уважение, а это, конечно, не могло не иметь вредных последствий на внешнее благосостояние обители, хотя она и продолжала пользоваться издавна наделенными ей от разных лиц населенными имениями и разными угодиями. Но обратимся несколько назад.

В 1563 году царь Иоанн Васильевич Грозный, завоевав Полотск, отдал Борисоглебский монастырь, со всеми принадлежащми к нему имениями, Корсакам и Щитам, обязавшимся за то строить и содержать в исправности за-двинские пограничные замки; это обстоятельство еще более способствовало к растройству монастырских дел и к обеднению обители. С переходом Полотска, при Стефане Батории к Польше, обстоятельства монастыря не переменились к лучшему: им по прежнему владели Корсаки, а часть имений перешла в руки Щитов, Соломерецкага и князя Друцкаго-Сокольницкаго. Когда же Полотский архиепископ Феофан Рыпинский женил сына своего на дочери одного из Корсаков, то вместо ограждения прав церкви, дал своим родственникам уступочную грамоту на все монастырское имущество. Только в 1597 г. архиепископ Герман Загорский позвал к суду неправильно захвативших в свои руки монастырское имущество: Корсаков, Щитов, Соломерецкаго и князя Друцкаго-Сокольницкаго, которые, боясь последствий суда в их неправном деле, миролюбно обязались ежегодно давать в пользу монастыря по 30 коп. грошей, по 20 бочек ржи и по 25 бочек яроваго хлеба, и кроме того приняли на себя исправление монастырских церквей и пост-

ройку новых келий. Загорский, хотя и улучшил материальные средства монастыря, но будучи ревностным поборником принятой им на Брестском соборе 1596 года унии, обратил в оную и монастырь; однакож, по смерти его, Корсаки, оставшиеся еще в православии, изгнав униатских монахов, снова обратили монастырь в православие; наконец, в 1618 году, архиепископ Иосафат Кунцевич ,как было объяснено выше, силою отнял у православных Борисоглебский монастырь, населив его униатскими монахами.

С 1654 по 1667 год, т. е. во время принадлежности Полотска, по случаю завоевания его царем Алексеем Михайловичем, России, Борисоглебский монастырь снова был возвращен православию; но с переходом этого города, на основании Московскаго договора 1686 года, к Польше, он опять сделался достоянием униатских монахов, во владении коих и состоял по день общаго возсоединения униатов к православию.

В 1842 году населенныя имения Борисоглебскаго монастыря поступили в казну, а сам он причислен в разряд заштатных, с наделом на издержки его 150 десятин пахатной и сенокосной земли, озером, мельницею и с ежегодным отпуском из казны по 290 рублей.

В настоящее время в Борисоглебском монастыре нет ни одного монаха, и в монастырском доме, кроме временно помещающагося там семейства протоиерея Юркевича, живет вдовый священник, в качестве управляющаго монастырскою фермою.

Войдем же теперь во внутренность храмов.

Борисоглебская церковь, наружность которой описана нами выше, имеет в настоящее время такой вид (См. рис. 1).

Снаружи длина ея 9, а ширина 5 сажень[6]. Внутренние размеры храма, как по причине значительной толщины стен, так и потому, что для помещения ризницы отделено довольно большое пространство за олтарней стеной, — гораздо меньше.

Иконостас деревянный[7], двух-ярусный, взятый из Струнской, бывшей архиерейской церкви. Все образа нынешняго иконостаса новые, по крайней мере не древние, и не те, кои были на каменном иконостасе, за исключением двух местных — Спасителя и Богоматери, украшенных серебряными ризами.

Рис. I. Борисоглебская церковь

Своды и стены храма дали сильныя трещины, в особенности правая олтарняя стена и свод под жертвенником; вообще храм видимо приходит в разрушение, и скоро, очень скоро, если не будет принято энергических мер к сохранению этого замечательнаго памятника нашего православия, он разрушится на глазах равнодушных к своему славному прошедшему современников; уже и теперь никто не решается взобраться под плоскую крышу храма, боясь, чтобы не рухнул свод его.

Рис. 2. Теплая церковь во имя Св. Праскевии-Пятницы

Внутри храма, на задней стене, под хорами, с правой стороны, из-за толстаго слоя известковой обмазки виднеются остатки древних фресков. Колорит рисунка и поставка ног фигуры сильно напомнили нам фрески киевскаго Софийскаго собора.

В ризнице Борисоглебскаго храма мы не нашли никаких памятников старины, никаких по чему бы то ни было замечательных сосудов и других священных предметов: нам едва могли указать на одну небольшую серебряную старинную чашу, на которой мы нашли следующую надпись:

R. P. Dionysi Jarnowski Ord. D. B. M. offic alb Russia comparat Ao 1750 constat cum Comitet voarg: cum pat lot 37;

на наружном ободочке: Memoria Pekatoris Dionisii.

Наше внимание обращено было также на черное погребальное сукно, с нашитыми на нем также суконными голубыми крестами и другими эмблематическими изображениями; сукно это существует, как видно из надписи на нем, с 1760 года т. е. сто пять лет, и судя по состоянию его, прослужит еще столько же.

Под олтарем храма устроен глубокий погребальный склеп, в котором покоятся тела бывших настоятелей монастыря, а в том числе и Кесария Чудовскаго; тела эти досель сохранились в целости, хотя гробы и облачения разрушились.

О Чудовском живет в народе предание, что он был человек строгой монашеской жизни, набожный и трудолюбивый. Нам указывали на остатки фундамента от келий этого труженика, находившихся в углу монастырской ограды, в саду; здесь мы нашли даже уцелевшую еще наружную стену келии, на которой сохранились украшавшие ее арабески.

Теплая церковь, во имя Св. Параскевии-Пятницы, как мы уже заметили выше, находится с левой стороны от входа в монастырские ворота, за монастырским домом, с коим она связана длинным, узким бревенчатым коридором.

Прилагаемый рисунок, снятый с фотографии 1865 года, лучше всякаго описания познакомит читателя с наружностию этого храма. (См. рис. 2).

Этот храм построен около 1670 года заботливостию бывшаго настоятеля Борисоглебскаго монастыря, архимандрита Чудовскаго.

К. А. Говорский пишет, что на сооружение его Чудовский употреблял кирпич из развалин древней церкви того же имени. Это не вполне справедливо. Быть может, Чудовский и употреблял некоторое количество кирпича, взятаго из неподалеку находящихся развалин древней Параскевиевской церкви, но главнейшим материалом для сей постройки служил новый кирпич, в чем мы имели случай убедиться при тщательном осмотре этого храма; мнение наше разделял и член Императарскаго Археологическаго Общества, Струков, осматривавший эту церковь годом раньше нас.

Церковь Св. Параскевии, при внутренней ширине в две сажени, имеет в длину, от входа до олтаря, 7 сажень. Иконостас ея каменный, с такими узкими пристенками, что местныя иконы помещаются на откосах царских врат. Храм этот возобновлен в 1850 году иждивением купца I гильдии Павла Кудряшева, но при всем том, он иконами, церковными сосудами и вообще утварью еще беднее Борисоглебскаго. Из старинных образов замечательны по живописи: Иоанна Златоустаго и Амвросия Медиоламскаго, первый с греческой, а последний с римской митрами; оба они больших размеров, обделаны в прочныя деревянныя рамы и повешены один напротив другаго.

Местые образа Божией Матери и Спасителя остались от стараго иконостаса прежде бывшей здесь церкви; оба они покрыты серебряными, сделанными из металла низкой пробы, ризами. Матерь Божия изображена держащею на левой руке Младенца Иисуса, а в правой ветку с тремя цветочками. Правая рука Младенца представлена двуперстно благословляющею, а в левой находится шар, с изображением на нем солнца и луны; у ног Богоматери стоит коленопреклоненная св. мученица Васса, с восьмиконечным крестом в правой руке.

Рис. 3.

На образе Спасителя, у ног Его, изображены: с правой стороны св. Михаил, епископ Синатский, а с левой — св. мученик Феодор Стратилат.

Оба образа писаны на липовых досках, по полименту, и еще весьма хорошо сохранились; надписи на них сделаны вязью.

За престолом, на стене, на простой деревянной доске, изображена Богоматерь; на левой руке ея Младенец Иисус, держащий в левой руке красную ложку.

Вот все, что показалось нам почему либо заслуживающим внимания из находящагося в храме св. Параскевии; к этому можно прибавить разве только то, что здесь же найдён нами весьма древний каменный образок, вложенный в серебряную коробочку, на которой вырезана следующая польская надпись:

Ten obrazek z nalezioni u Witebsku w zieini roku 1737 przi Kosciele farskim za imei Xiendza Kazimerza Lukaszewicza Komendarza1, dziekana Witebskego

На боковых сторонах написано: **Matko Boza przicziśie za nami. S. S.**

Образок этот представляет барельефно лик Богородицы. Пресвятая Дева изображена как бы скорбящей; левая рука ея поддерживает несколько наклоненную голову, а правая покоится на груди. Резьба изображения глубокая, но весьма грубая; употребленный для образка камень — порфирь чернаго цвета, с желтыми пятнами.

Вот точный рисунок этого образка в натуральную его величину. (См. рис. 3).

Какому веку принадлежит этот образок, определенно сказать невозможно, хотя, судя по надписи, должно уже отнести его по крайней мере к концу XVII столетия.

На восточной стороне двора монастырскаго, в 30 саженях от Борисоглебской и в 10 саженях от Параскевиевской церкви, среди покрывающаго двор зеленого дерна, виднеются остатки фундамента от древней, быть может, первой в Полотске, Пятницкой или св. Параскевиевской церкви. Развалины эти существовали уже во времена Стриковскаго, т. е. в XVI веке, и тогда уже почиталась древностью; поэтому предание народа о постройке храма этого раньше, чем сооружена Спасская церковь нынешняго Спасо-Евфросиниевскаго девичьяго монастыря, весьма правдоподобно; впрочем, судя по размерам кирпича, способу кладки и наконец по размерам и фигуре фундамента, очевидно, что церковь эта не могла быть сооружена позже XIII века.

Судя по фундамету, древняя церковь св. Параскевии должна была иметь в длину, вместе с средним выступом олтарней стены, около 75 футов, в ширину 49 футов. Фигура ея представляет четырех-угольник, с тремя полукруглыми выступами олтарней стены, из коих средний выступ был вдвое шире крайних. Внутри храма находились четыре круглых, имеющих по 7 футов в диаметре столба, которые вероятно поддерживали арки или своды, подобно тому, как это сделано в Спасо-Евфросиниевском монастыре. Пред главным фасадом церкви лежит большая куча щебня, оставшагося, вероятно, от бывшаго притвора. Есть предание, не выдерживающее впрочем критики, о том, что древняя церковь св. Параскевии соединена подземным ходом со Спасо-Евфросиниевским монастырем и церковию св. Софии, бывшей в Верхнем замке: нам рассказывали также о находке, лет тридцать тому назад, близь фундамента олтарней стены развалин, значительнаго числа больших оловянных сосудов. Все это дает право предполагать, что тщательныя археологические разведки на месте бывшей древней Параскевиевской церкви могли бы иметь, если не богатыя, то во всяком случае, интересныя для истории последствия.

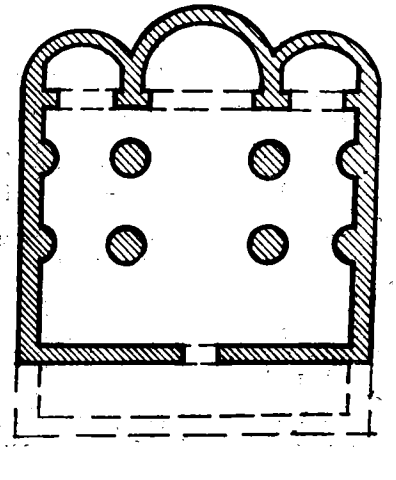


Рис. 4.

Для памяти потомству предлагаем при этом снятый в августе прошлаго 1865 года план развалин Параскевиевской церкви. (См. рис. 4).

Двух-этажный монастырский дом довольно обширен и хорошо расположен, с достаточным числом келий; в нем с удобством могло бы жить несколько человек братии и настоятель; но, за неимением ни первых, ни последняго, он оставлен на жертву времени, так же точно, как и древняя Борисоглебская церковь.

Мы думаем, что если уже потеряли для нас цену древние памятники нашего святаго православия и народности, если мы не хотим сберегать то, что было так дорого сердцу наших предков, то зачем же ежегодно бросать деньги на содержание несуществующаго монастыря, зачем наделять немыя стены обители разными угодьями? Не лучше ли всему этому дать другое, более полезное назначение? Так, например, не полезнее ли будет существующий только на бумаге заштатный Борисоглебский монастырь обратить в богоугодное заведение, с больничным отделением для бедных. Местность и местонахождение монастыря представляют столько удобств для употребления его, согласно нашему указанию, что на обстоятельство это следовало бы обратить внимание . Да не будут же слова наши голосом вопиющаго в пустыне!

Осмотрев монастырь, мы вошли в настоятельскую приемную, где, вместо православнаго монаха, встретили на стене папу Венедикта XIV. Тут же нашли мы портрет основателя Полотскаго бернардинскаго монастыря, что ныне Иоанно-Богословская церковь, Шишки, гравированный в 1825 году, портрет патриарха Никона и замечательные по кисти образа: Григория Нисскаго, Григория Богослова, Василия Великаго, сестры его Макрины и Иоанна Дамаскина. Все это составляет скромные остатки богатой картинной галереи, принадлежавшей монастырю во времена унии.

Утешим же себя, читатель, мыслию, что святое место не может всегда оставаться в запустении, и что, следовательно, настанет час возрождения и для Полотскаго Борисоглебскаго монастыря!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Название Бельчицкаго усвоено монастырю от имени небольшой речки Бельчицы, при впадении которой в реку Западную Двину он построен. В старые годы та часть Полотска, которая лежала близ монастыря, называлась слободой Бельчицкой, и на основании тарифа Гиберны, великаго князя Литовскаго, со слободки этой взыскивалось: с двух застроенных мест 52 злотых, с двух незастроенных — 21 злот 26 грошей. См «Сведения о Белоруссии», Без-Корниловича. 1855 года. С.-Петербург. — (Здесь и далее — прим. автора).

[2] Кгопіка Litewska.

[3] Вестник Западной России, ноябрь, 1864 г.

[4] См. Историко-статистическия сведения об уездных городах Витебской губернии, стр. 125, 135, 139 и 176.

[5] См. Полотскую градскую книгу 1633 года.

[6] В описании этого монастыря, составленном К. А. Говорским, ошибочно сказано, что будто бы церковь эта извне имеет длины 7 сажень, а ширины 4 саж. 10 вершков.

[7] Ксенофонт Антонович также ошибочно сказал, что иконостас этой церкви каменный. Он действительно был таким прежде, но уже более 20 лет как заменен деревянным, о чем, поистине, должно пожалеть, ибо выломка каменной стенки иконостаса имела вредное влияние на прочность храма.

Печатается по изданию: Памятная книжка Витебской губернии на 1866 год. Издана Витебским губернским статистическим комитетом, под редакциею А. М. Сементовского. Год третий. — Санктпетербург. В типографии К. Вульфа, 1866.—VII, 218, 144 с. Стр. 38—51 (по пагинации части 1-ой). Стиль оригинала полностью сохранен.

Уладзімір АРЛОЎ

ХТО ВЫКРАЎ КРЫЖ ЕЎФРАСІННІ?

У лета 6669 ад стварэння свету, а ад нараджэння Хрыстовага — 1161 полацкі майстар Лазар Богша стварыў па заказу асветніцы Еўфрасінні Полацкай свой славуты крыж — шэдэўр старажытнабеларускага ювелірнага мастацтва. Змешчаны на крыжы заклён абяцаў страшную кару таму, хто ўкрадзе, аддасць або прадасць святыню. Але страх перад божым пакараннем не быў усемагутным. Крыж Лазара Богшы чакала сапраўдная адысея, поўная таямніц і прыгодаў.

Неўзабаве пасля смерці падзвіжніцы рэліквію вывезлі з полацкага храма Спаса ў Смаленск, адкуль яна ў 1514 годзе, пасля захопу гэтага старажытнага беларускага горада Васілём III, трапіла ў Маскву. У часе Лівонскае вайны Іван Грозны загадаў вярнуць крыж на ранейшае месца — напэўна, хацеў замаліць учыненыя па ягоным загадзе ў Полацку крывавыя злачынствы. Пасля вызвалення горада войскамі Стэфана Баторыя царква, дзе знаходзіўся крыж, перайшла паводле каралеўскага загаду да ордэна езуітаў. З таго часу палачане захоўвалі рэліквію ў Сафійскім саборы, які в канца XVI стагоддзя да 1839 года быў уніяцкім храмам. Разумеючы ўплыў нацыянальнае святыні на вернікаў-беларусаў, езуіты вялі судовы працэс, каб вярнуць крыж у Спаскую царкву. Прайграўшы суд, яны зрабілі няўдалую спробу выкрасці рэліквію, падмяніўшы яе падробкаю.

Калі ў 1812 годзе Полацк на колькі месяцаў трапіў у рукі французаў, крыж перахоўвалі ў сцяне Сафійскага сабора ў замураванай нішы.

Пасля скасавання царскімі ўладамі Уніі полацкі архіепіскап Васіль Лужынскі, які перайшоў у праваслаўе, зрабіў з крыжам святой Еўфрасінні падарожжа ў Маскву і ў Пецярбург. У паўночнай сталіцы рэліквію ў саборнай царкве Зімовага палаца агледзеў імператар Мікалай I. Існавала небяспека, што святыня можа назаўсёды застацца ў Пецярбургу, але на цара і прыдворных, відаць, паўплываў старажытны надпіс з заклёнам.

23 траўня (ст. стылю) 1841 года, у дзень памяці святой Еўфрасінні Полацкай, хросны ход урачыста перанёс рэліквію з Сафійскага сабора ў храм Спаса. Крыж паклалі ў келлі, дзе асветніца пражыла свае апошнія гады.

Лёс крыжа Еўфрасінні Полацкай у савецкі час варты асобнага нарыса, які будзе моцна нагадваць дэтэктыў.

У 1921 годзе крыж рэквізавалі бальшавікі. Так з-пад апекі духавенства ён сярод іншых царкоўных каштоўнасцей трапіў пад чорнае крыло ОГПУ, установы, што займалася ў краіне ўсім, у тым ліку і нацыянальнымі святынямі.

З канца дваццатых гадоў не забяспечаная дэмакратызацыяй грамадства палітыка адраджэння нацыянальнае культуры, вядомая пад назваю «беларусізацыя», пачала па камандзе з Масквы хутка згортвацца. Пасля публікацыі ў 1928 годзе пагромнага артыкула сакратара ЦК КП(б) Беларусі Вільгельма Кнорына «Аб рашаючых «дробязях» у вялікім пытанні» распачынаецца падрыхтоўка да расправы з нацыянальнай інтэлігенцыяй. Наперадзе незлічоныя арышты, этапы, лагеры і расстрэлы...

У той трывожны час былы прэм'ер Беларускай Народнай Рэспублікі дырэктар Беларускага дзяржаўнага музея Вацлаў Ластоўскі выязджае з адмысловаю экспедыцыяй у Полацк. Мэта — пошукі неацэннага твора Лазара Богшы.

Крыж Еўфрасінні «знайшоўся» ў мясцовым фінаддзеле і быў перавезены ў Менск. Але над рэліквіяй ужо навісла пагроза. Наступ на беларускую культуру працягваўся. «Чыстка» ішла не толькі сярод людзей, але і паміж музейных экспанатаў. Грунтоўна ператрасалі фонды і найперш, вядома, у музеі, на чале якога стаяў такі недабранадзейны чалавек, як Ластоўскі. Частку экспанатаў па загаду пільных апекуноў нацыянальнае культуры вывозілі за межы Беларусі або проста знішчалі. Найбольш дарагія рэчы

забіралі ў сталіцу сталінскае імперыі. Паводле звестак беларускага даследчыка з ЗША Вітаўта Тумаша, зроблены ў часе другой сусветнай вайны перагляд інвентарных кніг паказаў, што ў 20—30-х гадах з Беларускага дзяржаўнага музея ў Маскву вывезлі ўсе самыя каштоўныя абразы, увесь залаты і срэбны посуд, збор слуцкіх паясоў і народных строяў, калекцыю старажытных манет з беларускіх скарбаў, унікальныя архіўныя матэрыялы. Пад кіраўніцтвам ОГПУ адбываўся рабунак культурнае спадчыны народа з мэтаю разбурэння яго нацыянальнай свядомасці.

Гэтае злачынства напачатку праходзіла пад выглядам эвакуацыі каштоўнасцей далей ад дзяржаўнае мяжы. Страх перад «інтэрвенцыяй міжнароднай буржуазіі» разам з іншымі, унутранымі прычынамі, нарадзіў ідэю перанесці сталіцу БССР у Магілёў. Горад рыхтаваўся да новай ролі. Ішло метадычнае знішчэнне храмаў, уадначас у Магілёў пераводзіліся рэспубліканскія ўстановы, будаваўся Дом урада. У 1929 годзе ў Магілёў трапіў і крыж Еўфрасінні Полацкай.

Апублікаваныя доктарам Тумашам у «Запісах Беларускага інстытута навукі і мастацтва» у Нью-Йорку дакументы дазваляюць прасачыць ходу гэтых падзей. (Памянёная публікацыя перадрукоўваецца пасля дадзенай работы Ул. Арлова ў нашым выданні. — Рэд.).

21 лістапада супрацоўнік аддзела фельд'егерскай сувязі Паўнамоцнага прадстаўніцтва ОГПУ па Беларускай вайсковай акрузе тав. Лугаўцоў атрымаў ад начальства даверанасць «на право получения ценностей из Государственого Музея, для отправки таковых в гор. Могилев». Даверанасць падпісалі начальнік фельдаддзела А. Іваноў і інструктар А. Пішчык.

Тым самым днём датаваны і акт аб перадачы крыжа Еўфрасініі ў рукі Лугаўцова. З акта вынікае, што ў гэты час В. Ластоўскага ўжо знялі з дырэктарства, аднак нацыянальную рэліквію ён перадаваў «чэкісту» яшчэ за сваім подпісам, бо, відаць, быў за яе асабіста адказны.

Дакументы сведчаць, што ў той самы дзень В. Ластоўскі здаў Лугаўцову за сваім подпісам і перапісанае ў 1582 годзе слуцкім князем Юрыем Алельковічам Евангелле, якое паходзіла з бібліятэкі Свята-Траецкага манастыра ў Слуцку. Дзе гэтая ўнікальная кніга сёння — таксама загадка.

Але наша гаворка — пра адысею крыжа Еўфрасінні.

Напрыканцы XIX стагоддзя сябра рады Полацкага царкоўнага брацтва святар М. Дуброўскі зрабіў вопіс рэліквій, які цікава параўнаць са звесткамі прыкладзенага раней акта. Паводле першга вопіса, з 20 эмалевых абразкоў на крыжы няма аднаго, а пяць іншых — пашкоджаныя. У 1929 годзе тры выявы святых ужо выламаныя, а 13 — папсаваныя. З усіх каштоўных камянёў ацалелі два — аметыст і гранат. На месцы астатніх засталіся пустыя гнёзды або з'явіліся кавалачкі рознакаляровага шкла. На верхняй папярэчыне не хапала двух кавалкаў золата і дрэва. Як бачым, «ваяўнічыя атэісты», а дакладней — варвары-бязбожнікі, за лічаныя гады ўчынілі святыні шкоду шматкроць большую за ўсе страты папярэдніх сямі з паловаю стагоддзяў.

Па ўспамінах магілёўскага краязнаўцы і былога працаўніка музея Ераніма Філіповіча, на новым месцы крыж Еўфрасінні змясцілі ў музейную экспазіцыю, але шмат хто з наведнікаў, асабліва жанчыны, пачалі перад святыняю маліцца і адбіваць ёй паклоны. Напэўна, гэта таксама адыграла ролю ў перавозе крыжа з музея ў будынак былога зямельнага банка, дзе ў 30-я гады мясціліся абком і гарком партыі. Будынак меў адмысловы пакой з масіўнымі кратамі на вокнах і браніраванымі дзвярыма таўшчынёю 15 сантыметраў, за якімі былі яшчэ адны — кратаваныя. Менавіта ў гэтым пакоі-сейфе колішняга банка на пачатку вайны разам з іншымі найкаштоўнейшымі музейнымі экспанатамі ляжаў крыж Еўфрасінні Полацкай. Згодна афіцыйнай версіі, адтуль у 1941 годзе яго выкралі фашыстоўскія захопнікі.

Але ці так было ў сапраўднасці? Магілёў жа знаходзіўся за паўтысячы кіламетраў ад дзяржаўнае мяжы, і час дазваляў правесці эвакуацыю скарбаў. Гэта і нарадзіла чуткі, то рэліквія паехала ў гады ваеннага ліхалецця на ўсход. Такім размовам спрыяла і тое, што і афіцыйныя ўлады і гэтак званыя кампетэнтныя органы чамусьці пазбягалі расследавання або праводзілі яго таемна не паведамляючы вынікаў.

У 60-я гады Магілёўскі абласны музей звярнуўся з запытам наконт лёсу крыжа ў Эрмітаж. Адтуль прыйшоў не падмацаваны ніякімі дакументамі адказ, што крыж Еўфрасінні Полацкай трапіў у зборы мільянераў Морганаў і знаходзіцца ў Нью-Йорку.

Праз нейкі час гэтая заблытаная гісторыя прыцягнула ўвагу вядомых вучоных супрацоўнікаў Акадэміі навук БССР літаратуразнаўца Адама Мальдзіса і археолага Георгія Штыхава. Вынікам іхняе паездкі ў Магілёў стаўся зварот да вышэйшых рэспубліканскіх інстанцый, пасля чаго названых вучоных, а таксама дырэктара абласнога музея І. Скварцова і былога дырэктара І. Мігуліна выклікаў да сябе тагачасны намеснік Старшыні Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларусі І. Клімаў, які ўзначальваў Рэспубліканскае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры. Як прыгадвае Скварцоў, размова адбывалася прыкладна ў такім тоне:

«Клімаў: Что вам нужно?

Скварцоў: Мне лично ничего не нужно. Пропали ценнейшие белорусские реликвии, но ими никто не интересуется.

Клімаў: Какие у вас есть документы?».

Дырэктар музея падаў чыноўніку адказ з Эрмітажа пра знаходжанне крыжа ў калекцыі Морганаў. Прачытаўшы паперыну, Клімаў павярнуўся да Мігуліна, які ўзначальваў Магілёўскі музей напярэдадні вайны: «Ну, расскажи, старик».

І той падзяліўся, што ў першыя дні вайны яго ўзялі ў апалчэнне, а 29 чэрвеня 1941 года ён з двума такімі самымі апалчэнцамі апыніўся каля горада Бялынічы, дзе яны рэквізавалі коней і вярнуліся ў Магілёў. Там ён прыйшоў у абласны ваенкамат і запатрабаваў транспарт для эвакуацыі свайго музея, але нічога не дасягнуў і заняўся эвакуацыяй жонкі і двух малых дзяцей. На станцыях з вагонаў нікога не выпускалі, і пра ўзяцце Магілёва немцамі Мігулін даведаўся толькі на пятнаццатыя суткі.

Клімаў паспачуваў, зазначыўшы, што і сам ведае, як цяжка было праводзіць эвкуацыю. Гутарка скончылася перадачаю яму копіі акта аб стратах абласнога музея ў выніку нямецкае акупацыі.

У гэтым дакуменце, у прыватнасці, фігуруюць калекцыі старажытна-беларускае зброі, абразоў адзення, узораў мастацкай разьбы па дрэве, а таксама збор беларускіх грамат і старадрукаў ды нумізматычная калекцыя з 18 тысяч манет. Пад нумарам 10 у спісе страчаных каштоўнасцей — крыж Еўфрасінні Полацкай, які ацэньваецца ў 6 мільёнаў тагачасных рублёў.

Паколькі спіс 1944 года быў няпоўны, разам з копіяй акта І. Клімаву ўручылі таксама запіску з пералікам іншых украдзеных з музея рэчаў, сярод якіх былі: срэбная булава караля Польшчы і вялікага князя Літоўскага Жыгімонта Вазы; дзве срэбныя пячаткі, атрыманыя Магілёвам разам з магдэбургскім правам; срэбная мітра магілёўскага праваслаўнага архіепіскапа Георгія Каніскага; вялікі кантовы срэбны спод з ціснёнымі выявамі сімвалічных сцэн, прысвечаных расейскаму цару Аляксею Міхайлавічу; вялікі срэбны кубак з партрэтам Пятра І; ужо згаданае раней слуцкае Евангелле 1582 года; колькі антычных залатых рэчаў (каралі, пярсцёнкі з каштоўнымі камянямі) з раскопаў Пампеі ды іншыя ўнікальныя каштоўнасці. У гады вайны з музея зніклі таксама славутыя магілёўскі брацкі абраз

з надзвычай багатым акладам і бялыніцкі абраз Божай Маці. Пра гэтыя святыні ўжо не адно дзесяцігоддзе ходзяць упартыя чуткі, што яны закапаныя дзесьці ў Магілёве.

Пасля сустрэчы з І. Клімавым рэспубліканскія ўлады на ўсе запыты вучоных адказвалі маўчаннем. Лёс нацыянальных скарбаў іх не цікавіў. Тады дырэктар музея І. Скварцоў запісаўся на прыём да начальніка абласнога ўпрулення КДБ тав. Дзямідава. Той выявіў зацікаўленасць і паабяцаў заняцца справаю пры ўмове, што атрымае каманду з абкома. Але хто і якую каманду даў Дзямідаву, засталося загадкаю, бо яго ў хуткім часе перавялі ў іншае месца.

Цяпер вернемся да падзей пачатку вайны. Усе, хто гаварыў з былым дырэктарам І. Мігуліным, звяртаюць увагу на блытаніну ў ягоных словах. Часам ён сцвярджае наогул, далікатна кажучы, малаверагодныя рэчы. Як мы ўжо ведаем, у першыя дні вайны Мігуліна ўзялі ў апалчэнне. Але ж ён быў інвалід — меў толькі адну руку, прычым левую.

Калі верыць аднарукаму апалчэнцу, у будынку абкома ў гады акупацыі стаяла вайсковая часць. Доўгі час на пакой-сейф за браніраванымі дзвярыма ніхто не звяртаў увагі, але аднаго разу цікаўны жаўнер знадворку дабраўся па драбінах да закратаванага акна і ўбачыў, што за ім нешта блішчыць. Пасля гэтага немцы нібыта зрэзалі цяжкія дзверы аўтагенам, ашалелі ад ззяння золата, срэбра і каштоўных камянёў і вывезлі ўсё немаведама куды. Такую гісторыю малюе Мігулін са словаў нейкіх магілёўцаў, што перажылі акупацыю.

Але ж сотні людзей могуць засведчыць, што старыя браніраваныя дзверы (да таго ж абсалютна цэлыя) у былым будынку зямельнага банка па вуліцы Міронава, 33 знялі толькі гадоў пяць-шэсць таму, а другія, кратаваныя, па-ранейшму на месцы. Значыцца, версія з акупантамі, узброенымі аўтагенам, здымаецца.

На нашую думку, бліжэйшымі да праўды выглядаюць паведамленні старых магілёўскіх месцічаў, што ў чэрвені 1941 года ў будынак банка зайшла група людзей у форме НКВД, якія адчынілі пакой-сейф ключом, склалі каштоўнасці ў падрыхтаваныя загадзя мяхі і ад'ехалі ў невядомым кірунку.

Калі ўсё здарылася менавіта так, тыя НКВДэшнікі былі б яўна задаволеныя, прачытаўшы ў 1981 годзе ў газеце «Голас Радзімы» (якая, заўважым, выдаецца для замежных беларусаў) навелу Г. Ланеўскага «Украдзены крыж». Дзеянне ў гэтым творы, вытрыманым не ў лепшых традыцыях нашай ваеннай літаратуры, адбываецца ў чэрвені 41-га. Крыж, вядома, крадуць акупанты, прычым не з асабняка, у якім некалі мясціўся зямельны банк, а з музея, дзе рэліквіі, як даказваюць факты, ужо даўно не было.

Дваццаць гадоў таму Адам Мальдзіс надрукаваў у штотыднёвіку «Літаратура і мастацтва» артыкул «Сляды продкаў», выклаўшы там некаторыя з пададзеных раней звестак. Ішла гаворка і пра тое, што след рэліквіі можа знайсціся за акіянам. Пасля гэтага двое вядомых беларусаў-эмігрантаў Вітаўт Тумаш і Вітаўт Кіпель ад імя Беларускага інстытута навукі і мастацтва ў ЗША звярнуліся да супрацоўнікаў размешчаных у Нью-Йорку Морганаўскіх бібліятэкі і калекцыі твораў мастацтва.

Спроба даведацца пра лёс крыжа нешта новае не дала ніякіх вынікаў. Паведамляючы пра гэта ў друку, доктар Тумаш вельмі слушна зазначыў: дапамагчы ў пошуку магло б абнародаванне назваў савецкіх устаноў і асоб, на адказнасці якіх крыж быў напярэдадні вайны. Канчаткова не абвяргаючы і версію захопу рэліквіі немцамі, замежны навуковец лічыць, што ў тых умовах крыж маглі лёгка прыбраць да рук «даверaныя» асобы партыі і НКВД. У такім разе ён сапраўды паехаў з Магілёва не на захад, а на ўсход. Аднак жа і такі шлях не выключае магчымасці продажу нашай святыні на аўкцыёне (або таемна) за мяжу. Пагатоў, аўтар выдадзенай у 1949 годзе ў Парыжы кнігі «Св. Еўфрасіня-Прадслава» Леў Гарошка пісаў: «Каля 1930 г. былі паявіліся весткі ў газэтах, што бальшавікі мелі яго (крыж — У. А.) прадаць у Швэцыю».

Магілёвец Е. Філіповіч прапанаваў А. Мальдзісу яшчэ адну нітачку пошукаў, пра якую вучоны расказаў у свёй кнізе «Таямніцы старажытных сховішчаў»: «Настаяцель царквы ў імя Еўфрасінні ў Полацку Міхал Кузьменка называў прозвішча другога мільянера — Ракфелера. Нібыта ў архіве Ракфелера працаваў у 1962 годзе прафесар гісторык з эмігрантаў Уладзімір Скаралеці, які і бачыў там крыж». Яшчэ больш заблытвае справу існаванне копій полацкай рэліквіі. Месца знаходжання адной з іх, так званага крыжа Параскевы Полацкай, мы ведаем — Яраслаўска-Растоўскі музей-запаведнік. Але ж быў і дублікат, зроблены ў свой час езуітамі з мэтаю выкрадання арыгінала з уніяцкага Сафійскага сабора.

Амаль на два дзесяцігоддзі росшукі прыпыніліся. Іх прадоўжыў у 1990 годзе, апынуўшыся ў ЗША, вядомы беларускі журналіст Алесь Лукашук.

Варта зазначыць, што перад ад'ездам за акіян адзін дасведчаны ў такіх праблемах чалавек параіў яму ніякімі росшукамі не займацца, бо гэта можа кепска скончыцца. Тым не менш Алесь выявіў зайздросную энергію.

Яму ўдалося пагутарыць з мастацкім экспертам Ракфелераўскага цэнтра ў Нью-Йорку Оліў Брагозі. Выслухаўшы апісанне нашай нацыянальнай рэліквіі, пані Брагозі запэўніла, што падобнага крыжа ў мастацкай калекцыі Ракфелераў няма і ніколі не было.

З яе рэкамендацыі А. Лукашук звярнуўся ў прыватнае нью-йоркскае агенцтва, якое выдае сусветны каталог украдзеных твораў мастацтва. Аднак, як высветлілася, гэты каталог фіксуе толькі рэчы, што знаходзяцца ў вышуку пасля 1945 года, і не ўлічвае твораў, якія зніклі ў гады другой сусветнай вайны. Не абнадзеіла і тэлефонная размова з начальнікам агенцтва. Той лічыць, што калі крыж у Злучаных Штатах у прыватным зборы, знайсці яго практычна немагчыма. Такая інфармацыя можа выплысці на свет толькі выпадкова (напрыклад, калі пасля смерці калекцыянера будуць шукаць спадкаемцаў), дый гэта мала верагодна. Тое ж самае меркаванне выказаў А. Лукашуку і адзін з нашых суайчыннікаў-эмігрантаў, які шмат гадоў сочыць за каталогамі найбуйнейшых у свеце аўкцыёнаў па продажу мастацкіх твораў — «Сотбі» і «Крысці».

Наведаў беларускі журналіст і фундацыю Моргана. (Так называецца калекцыя, збіраць якую пачаў у другой палове XIX стагоддзя Перпонт Морган і якая цяпер з прычыны вялікае культурнае значнасці набыла грамадскі статус). Супрацоўнікі фундацыі бібліятэкі Перпонта Моргана на ўсе роспыты ветліва адказвалі, што нічога не ведаюць і не могуць даць ніякай інфармацыі. Вядома, наіўна было б адразу бачыць у гэтым нейкую змову. Прыкладна такія адказы, пэўна ж, чуе большасць наведнікаў, што можна растлумачыць прафесійнай асцярожнасцю. Узгадайма, колькі сусветна вядомых твораў мастацтва было ўкрадзена за апошнія гады ў розных краінах.

Трапіўшы на экскурсію ў ФБР, Алесь Лукашук выкарыстаў і гэтую магчымасць. Супрацоўніца аддзела экспертыз ласкава згадзілася пашукаць якія-небудзь звесткі пра рэліквіі ў электроннай памяці сваіх камп'ютэраў. Адказ зноў быў несуцяшальны: камп'ютэры пра крыж Еўфрасінні нічога не ведалі.

Загадка крыжа не давала спакою і Адаму Мальдзісу. У часе ўрачыстасцей, прысвечаных 500-годдзю ўсходнеславянскага першадрукара Францішка Скарыны, выпадак звёў беларускага вучонага з доктарам гістарычных навук супрацоўнікам Эрмітажа Барысам Сапуновым. Пасля літургіі ў Спаса-Еўфрасіннеўскім манастыры з размовы нечакана высветлілася, што ленінградскі госць якраз і пісаў адказ у краязнаўчы музей Магілёва. Ен пацвердзіў: крыж Еўфрасінні закуплены ў калекцыю Морганаў на аўкцыёне ў Заходняй Еўропе адразу па вайне, з чаго вынікае, што юрыдычных правоў на рэліквію ў нас, беларусаў, нібыта і няма, адно маральна-этычныя.

Апрача таго, А. Мальдзісу ўдалося даведацца, што пошукамі крыжа ў 60-я гады займаўся супрацоўнік Эрмітажа Бебут Шаўкоўнікаў. Гэты, відаць, прадпрымальны чалавек прыватна ездзіў у ЗША, імкнуўся пранікнуць у зборы Морганаў, але выявіў празмерны імпэт і атрымаў ад нейкіх маладзёнаў атлетычнага выгляду ветлівую прапанову ўгамавацца. У адваротным выпадку яны не гарантавалі Шаўкоўнікаву вяртання дадому. Тады ў 1966 годзе ён апублікаваў артыкул пра крыж Еўфрасінні ў амерыканскім мастацкім часопісе „Jornal of glass studies" аднак абзацца згадкаю пра тое, дзе знаходзіцца рэліквія цяпер, у рэдакцыі выкрэслілі без згоды аўтара. На жаль, новая нітачка расследавання нічога не дасць, таму што Б. Шаўкоўнікаў ужо пакінуў гэты свет.

Праз колькі тыдняў пасля размовы ў Полацку А. Мальдзіс у складзе афіцыйнай беларускае дэлегацыі прыехаў у Нью-Йорк на чарговую сесію ААН. Абавязак вучонага і грамадзяніна Беларусі, натуральна, прывёў яго ў фундацыю Моргана, дзе адбылася сустрэча з пані Яўгеніяй Зазоўскай, рускай з паходжання, якая займаецца ў бібліятэцы Перпонта Моргана славянскімі рукапісамі і рэдкімі выданнямі.

«На маё пытанне, ці можна набыць або паглядзець каталог музейных фондаў, доктар Зазоўская адказала, што пра яго існаванне ёй невядома. Што знаходзіцца ў сутарэннях будынка — а там асноўнае багацце — цалкам, бадай, невядома нікому», — піша А. Мальдзіс у сваім «Нью-Йорскім дзённіку» ў 1990 годзе.

Зазначым адну дзіўную супярэчнасць. У 1974 годзе доктар В. Тумаш паведамляў у «Запісах Беларускага інстытута навукі і мастацтва» аб сваёй спробе высветліць месца знаходжання крыжа «і па каталогу калекцыі і беспасярэднімі роспытамі». Атрымліваецца, што гэты каталог быў, як кажуць, у наяўнасці. Доктару Зазоўскай пра ягонае існаванне ўжо невядома. Яшчэ адна таямніца?

Таксама ў Нью-Йорку А. Мальдзіс сустрэўся са спадаром Антонам Шукялайцем, які ў гады нямецкае акупацыі ўзначальваў Менскі гістарычна-мастацкі музей, што ў 1941-м не паспелі эвакуіраваць. Ці не апынуўся крыж, як ходзяць чуткі, у Аўстраліі? Ці не разабралі яго, каб паасобку прадаць золата, срэбра і каштоўныя камяні з эмалямі? Спадар Шукялайць мяркуе, што шэдэўр полацкага ювеліра Лазара Богшы, найверагодней, вывезлі ўсё ж на ўсход. Ён абвяргае і версію пра разбор рэліквіі на часткі, і з ім цяжка не пагадзіцца, бо кошт золата і камянёў на крыжы параўнаўча невялікі; галоўная яго вартасць у тым, што гэта — высокамастацкі твор.

Нью-Йорскія пошукі завяршыліся ў кастрычніку 1990 года візітам у Морганаўскую фундацыю міністра замежных спраў БССР П. Краўчанкі, якога суправаджалі А. Мальдзіс і супрацоўнік беларускага прадстаўніцтва пры ААН У. Шчасны. Дырэктару фундацыі быў перададзены афіцыйны зварот наконт крыжа Еўфрасінні Полацкай. Міністр растлумачыў, што гаворка ідзе пра нацыянальную святыню. «Калі б яе ўдалося вярнуць на Радзіму, — сказаў пры гэтым П. Краўчанка, — няхай за выкуп, у аэрапорце рэліквію сустракалі б дзесяткі тысяч людзей».

Калі прыйдзе дзень такой сустрэчы і ці прыйдзе ён наогул? Міністэрства замежных спраў Беларусі атрымала афіцыйны адказ, што ў самой фундацыі Моргана крыжа няма. Але ж у радзіны Морганаў ёсць і прыватныя зборы, а за іх, як вынікае з прысланага дакумента, адміністрацыя фундацыі не адказвае...

Аўтар спадзяецца, што чытачы дапамогуць у далейных пошуках. Вядомыя вам факты просьба паведаміць у камісію па вяртанні нацыянальных каштоўнасцей, што створана пры Беларускім фондзе культуры. Можна звярнуцца і непасрэдна ў Інтэрпол, які нядаўна таксама заняўся пошукам нашае святыні, зарэгістраваўшы яе пад нумарам 34-1130.

Як дадатак да артыкула Ул. Арлова мы друкуем дакументы, памянёныя ў рабоце. Публікацыя зроблена па выданню: Вашук Тодар. Крыж сьвятое Афрасіні (Дакумэнты й факты) // Запісы Беларускага інстытута навукі й мастацтва. Кніга 12. — Нью Ёрк, 1974. — Старонкі 82-102.

Рэдакцыя ўдзячная Уладзіміру Аляксеевічу за прадстаўленыя матэрыялы.

ДАКУМЭНТЫ

1

С.С.С.Р.
Об'единенное Государственное
Политическое Управление
при С.Н.К.
Полномочное Представительство
О.Г.П.У. по
Белорусскому Военному Округу
Ноября 21 дня 1929 г.
№ 68813. гор. Минск.
Да Ів. № 135—136.

ДОВЕРЕННОСТЬ

Настоящая дана сотруднику Фельдотдела ПП ОГПУ по БВО т. ЛУГОВЦЕВУ на право получения ценностей из Государственного Музея, для отправки таковых в гор. Могилев. —
Нач. Фельдотдела ПП. А. Иванов (подпіс)
Инструктор А. Пищик (подпіс).
Трыкутная пячатка з напісам па берагох:
Отдел — Фельдегер Связи
Напіс у сярэдзіне пячаткі: П. П-во ОГПУ Зап.

2

1929 г. 21-га лістапада складзены гэты акт аб перадачы Беларускім Дзяржаўным Музэям у Менску Беларускаму Музэю ў Магілёве крыжа Эфросініі Полацкай.

1) Футляр медны пасярэбраны, пазалочаны з пабітым шклом, у сярэдзіне крыжу, футляр падобны.

б) на футляры ёсць славянскія надпісы.

2) Крыж зроблены з дубовага дрэва і абложаны золатам і славянскімі буквамі.

3) Пад верхняй папярэчкай крыжа не дастае 2-х кавалкаў золата і дрэва.

4) На верхняй папярэчцы крыж, які быў выложаны каменьнямі, каменьняў няма.

5) Унізе крыжа зроблена надстаўка.

6) На верхнім канцы крыжа ёсьць уноў-дароблена выабражэньне багародзицы (жоўтага мэталю).

7) Правае крыло верхняга боку крыжа заложана такой самай устаўкай новага мэталю.

8) З ліцавога боку крыж кругом абведзены шнурком на нітцы жэмчуга.

9) З ліцавога боку выламаны тры эмалі прэабражэньня сьвятых.

10. 10-ць выабражэньняў сьвятых папсаваны.

11) У верхняй папярэчцы ў пазах 4-х кантовага крыжу 4 гнязды, у якіх няма каменьняў.

12) У ніжняй папярэчцы ў пазах 4-х кантовага крыжу 4 гнязды, у якіх няма каменьняў.

13) З ліцевога боку 8 гнёзд запоўненых каменямі, з якіх 3 на дзержаньні авальнай формы, 2 сініх і 1 цёмна-чырвон.

14) На правым баку ніжняй папярэчцы круглы амэціст прыбіты 3-мя цьвікамі і на левым баку ніжняй папярэчцы белы камень.

15) Паміж верхняй і ніжняй папярэчкай белы камень авальнай формы.

16) На верхній папярэчцы 2 камені белага шкла.

17) Наадвароце крыж гладкі пакрыты эмалью з выбражэньнем 3-х сьвятых папсаван. З трох гнёзд рэлікві адно пустое.

18) З верхняга боку крыжа паложана рубчатая акоўка, у якой трымаецца жамчуг, часьці яе з правага боку пад палукруглым пазухам абломана, (Апісаньне зроблена паводле акту, складзенаму ў Полацку пры перадачы крыжа Ластоўскаму і акту прыёмачнаму складзенаму ў Менску).

Далей падаецца апісаньне паводле акту камісіі з удзелам ювэліра-экспэрта:

1. На рукаятцы 1 ніжні блакітны авальны камень — ёсьць афарбаванае шкло.

2. Другі знізу на рукаятцы цёмна-чырвонага колеру, авальны камень — ёсьць гранат, каштоўнасьць якога прыблізна 3-5 рублёў.

3. Трэйці на рукаятцы авальны блакітны камень — ёсьць афарбаванае шкло.

II. На ніжняй папярэчцы злева авальны белы камень сэрдалікавага пераліву — ёсьць афарбаванае шкло; з правага боку гэтай папярэчцы гранёвы круглы камень — ёсьць амэтыст пастаўлены значна пазьней, каштоўнасьць яго каля 1-го рубля.

III. Паміж ніжняй і верхняй папярэчкай авальна-гладкі камень сэрдалікавага пераліву — ёсьць афарбаванае шкло.

IV. На верхняй папярэчцы 2 круглыя, плоскія, гладкія камяні луннага колёру — шкло.

Усяго на крыжу 8 каменьняў, з якіх 6 — шкло, 1 амэтыст і 1 гранат.

V. Шнурок жэмчугу, якім абведзены весь крыж важыць 32 і 5 грама разам з ніткай. Жэмчуг увесь праўдзівы, родадзкі перамяшаны з так званым яўрэйскім, прыблізная каштоўнасьць іх усіх = каля 200 рубл.

(Далейшы тэкст акту дапісаны чарніламі, рукою Вацлава Ластоўскага):

Крыж гэты запісаны ў кнігу экспанатаў Беларускага Дзяржаўнага Музэю ў Менску пад № 7591.

Крыж здадзены, згодна распараджэньню Наркомасьветы, былым дырэктарам БДМ тав. Ластоўскім В. Ю. прадстаўніку Фельдадзела ІІІП ОГПУ по БВО тав. Лугаўцову, згодна даверанасьці Фэльдадзела ПП ад 21/XI.29 г. за № 68813 для дастаўкі ў Магілёўскі Дзяржаўны Музэй і перадачы яго асабіста дырэктару Музэю тав. Вінікаву У. Л.

Перадача адбылася ў прысутнасці: дырэктара БДМ у Менску тав. М. І. Шапавалава, дырэктара БДМ у Магілеве тав. У. Л. Вінікава, нам. дыр. БДМ у Менску тав. А. В. Бурдзейкі.

Здаў В. Ластоўскі (подпіс).

Для перадачы дырэктару Магілеўскага Музэю т. Вінікаву прыняў Лугаўцоў (подпіс).

Прысутнічалі: М. Шапавалаў (подпіс).
В. Виников (подпіс).
А. Бурдзейка (подпіс).

У кнізе інвент. адна (тавана). А. Б(урдзейка).

(Далейшая дапіска, зробленая 22 лістапада 1929 г. у Магілеве, рукою ужо не В. Ластоўскага):

Вызначаны ў гэтым акце крыж у стане згодна акту 1929 году, лістапада 22 дня а дзевятай гадзіне ў вечары на месцы атрымаў ад т. Лугаўцова, прыставіўшага гэты крыж па даручэньню БДМ у Магілёўскі Дзярж. Музэй.

Дырэктар Магілеўскага Дзяржаўн. Музэю — В. Виников (подпіс).

Крыж здаў Лугаўцоў (подпіс).

Прысутнічалі: Навуковы супрац. Магілеўскага Дзярж. Музэю
(подпіс нячытэльны)
(другі підпіс нячытэльны)

Круглая пячатка з напісам у сярэдзіне: Археографический Научный Музэй.

Напіс навокала: Пролетарии всех стран соединяйтесь!

3

АКТ

1929 г. 21 лістапада. Аб здачы Бел. Дз. Музэем у Менску — Бел. Нар. Музэю ў Магілеве Слуцкага евангельля.

1. Рукапіс — евангельле, тэтр. на лашчонай паперы, у два сталбцы па 20 строк тэксту і мясцамі на 1-2-м радкам кінаварью. Пісана славянскаю моваю чарніламі, загалоўныя літары кінаварью і мясцамі золатам. Застаўкі размаляваны золатам. Кожныя 8 аркушоў маюць сваю нумэрацыю А—В — Г і г. д., апошняя лічба ЛВ — 32+3 аркушы — усяго 259 аркушаў. На бумазе вадзяныя знакі ў пачатку М (з крыжыкам над ім — Рэд.), у канцы — (кветка — Рэд.), — першы аркуш чысты, а таксама ўсярэдзіне паміж евангельлем адным і другім пападаюцца чыстыя аркушы, а ў канцы 2 чыстыя аркушы. На 3-й і 4-й старонках надпіс па славянскі почэркам XVI — XVII стагодзьдзя. З гэтага надпісу відна, што эвангельле гэта перапісана Юрьем Юрьевічам Олелько, князям слуцкім у 1582 годзе. Сьведчанне гэта падпісана «Сведчим многогрешный поп Малахвей святое Варвары Слуцку княжыци св. и духовный отец». Евангельле ў картоннай вокладцы, абцягнутай малінавым аксамітам. На пераплеце надпіс «Свято-Троицкого Слуцкого монастыря к. в. № 42». На наступнай старонцы: «№ 2 по главописи евангелие, писанное князем Юрьем Олелько». На наступным аркушу кінаварнага колеру вадзяныя знакі.

(Дапісана рукою В. Ластоўскага):

Евангеліе запісана ў кнігу экспанатаў БДМ, пад № 6295.

Здаў В. Ластоўскі (подпіс).

Прыняў для перадачы Дырэктару БДМ у Магілеве т. Вінікову Лугаўцоў (подпіс).

Былі пры гэтым: М. Шапавалаў (подпіс).
В. Виников (подпіс).
А. Бурдзейка (подпіс).

УСТАВНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЛИТОВСКОГО АЛЕКСАНДРА («ПРИВИЛЕЙ») г. ПОЛОЦКУ НА МАГДЕБУРГСКОЕ ПРАВО — 1498 г. ОКТЯБРЯ 7

Привилеи месту Полоцкому на право маидеборское и иншие вол(ь)ности.

Во имя бож(ь)е амин(ь).

Сказила бы всякие речы с часом старость, коли бы учинки людские, которые ж с прироженья своего конец мають, через листы не были увечнены и годным сведецством ку пришлой ведомости не были приведены.

Про то ж ку векуистои тое то речи памети мы, Александр, бож(ь)ю м(и)л(о)стью великии кн(я)зь литовский, руский, жомоитский и иных, пан и дедич, чиним знаменито тым нашым листом каждому, кому, будет(ь) потреба его ведати, нинешним и напотом будучым, //иже, маючы узгляд ку посполитого доброго размножен(ь)я и хотячы положенья места нашого Полоцкого в мере лепшои поставити, штобы люди нашы, там живучыи, через ряд добрый а справедливыи были размножоны, тое место нашо с права литовского и руского и, которое коли будет(ь) там держано, в право немецкое маидеборское переменяем на вечные часы, подлуг того то права маидеборского з уполного обычаю и всее уставы отдаляючи там же вси права, уставы и обычаи, перво держаные, которые ж тое право майдеборское нагабают(ь) або перекажают(ь).

Ино, подлуг того ж права майдеборского, в месте вышереченом воитовство знову уставляем и через тот лист тое войстовство полоцкое надаваем, записуючи войтови нинешнему и всим, потом на его местцу будучим, третии пеняз(ь) ото всих судов и поплатков и вин суловых и иных речеи, которые ж коль (ь) век буд(ь), как же у Вил(ь)ни, теж через предки наши есть уставлено и в ыных местех, которые ж тое ж право ховают(ь).

Теж придаем к тому воитовству половицу клеток мясных и платы их, а другую половицу на ратушу и заказуем, абы от тых часов нихто в Полоцку, так боярин, как мещанин, клеток мясных не мел ку своему пожытку. Теж придаем в моц воитовскую вси горелого вина делатели, теж продавцы.

Хотим такеж, жебы вси, в месте первореченном мешкаючы, на котором кол(ь)ве местцу, права того маидеборского пожывали и ему во всих речах ку послушенству винных, так люди тые, которые живут(ь) за Двиною, так и тые, которые з другое стороны реки Двины и на острове мешкают(ь), теж вси люди вл(а)д(ы)чни и игумен(ь)ины и теж чернецкии и поповские, и боярские, и мещанские, и всих иных, которые там же живут(ь) и около места в селах мещанских, и теж поселскии и слуги путныи, которые ж завсегды з мещаны на выправу военную звыкли ходити и вси поплатки нашы посполу с ними нам давати, тые вси люди верхуписаныи мают(ь) того права маидеборского во всих речах быти послушни и тые вси люди выимуем от права городского и боярского, перед которыми ж на праве не будут(ь) повинни стоят(ь). А ест ли кому в чом будуть виновати, тогды маеть им справедливость статися перед воитом их и бурмистры.

Нижли часу непокоя, або которое иншое земское потребы, а наболеи с полецанья н(а)ш(о)го, повинни мают(ь) быти на приказан(ь)я намесника, на тот //час будучого на замку нашом, быти послушни ку обороне, так долго, поки будеть потреба.

Теж вызволяем их от подвод, которые ж переж посполито даивали; ино вжо напотом на потребу нашу земскую подводы мают(ь) давати, коли увидят(ь) подводныи лист, сыкгнетом нашым запечатованыи.

Теж вызволяем их от сторожы, которую ж к нашои потребе тол(ь) мают(ь) давати.

Дозволяем теж тому месту первореченному трожды до году ярмарок держати ку пожитку их, подлуг иншых мест обычая: первыи ярмарок на Светого Якуба ден(ь), а другии — на Крещен(ь)е, а третии по Велице Дни у тыи ден(ь); а каждый ярмарок маеть стояти две недели.

Опроч которых ярмарков ни один купец рызскии, або которыи иншыи чужый, не будет (ь) моцы мати инако продавати и куповати, тол (ь) ко под тую меру, на доле выписаную. Про тож тыи купцы чужым априч ярмарку под тую меру будуть куповати воски в одной штуце по полуберковеску, соболи, куницы и тхори по сороку, белку, горностая, ласицу, и норицу по полтретяста, попел а смолу лаштом; а того не мають куповати ни в лесе, а ни в борах, а ни в селех, тол(ь)ко на месте. Теж тые купцы чужыи оприч ярмарку под тую меру продавати мают(ь) сукно поставом, соль лаштом, перец, имбер(ь), микгдалы и иншые зел(ь)я простые — каменем, шафран, мушкаты, гвоздики, квет мушкатовый, кгалкган, цытвар и иншие[1] зел(ь)я дорожшие — фунтом, секиры, ножи и иншие речы таковские — тахром, або в тузину, железо, олово, мед(ь), цыну, мосяж и иншые речы таковские — цеитнаром, фикги, розинки — кошем,

вино какое кол(ь)ве и пиво немецкое и иншое питье чужое — бочкою целою; ино тыи купцы чужий не будут (ь) смети под меру меншую а ни продавати, а ни куповати, тол(ь)ко, как наверху написано. А естли бы которыи своею смелост(ь) ю иначеи чинил, тогды тую куплю до коморы нашое воит на нас возмет(ь).

Таке ж тые купцы ризские до Витебска и до Смоленска ездити не мають под страчен(ь)ем всего; а естли бы тые купцы чужии мели которого должника у Витебску або в Смоленску, тогды могуть[2] там ехати и долги свои справити оприч купли.

Допущаем теж мети в том месте нашом важницу, которая ж будеть ко вжитку нашого скарбу привернена; а там же теж будуть мети капницу, и весь воск, там же стопленыи, печат(ь)ю их маюць назнаменовати и с того вжитки ку посполитому доброму ховати.

Полецаем такеж воиту и бурмистром, на тот час будучым, вси местца пустыи в месте и вкруг места ку осаженью и разможенью людей. Мают(ь) теж бояре домы, которые ж от мещан по тые часы кгвалтовне покупили, ино тыи ж домы мают(ь) мещаном вернути, взявшы свои п(е)н(е)зи.

Будут(ь) теж вси мещане волни ку их будованью и на кухню везде дрова, так великие, как малые, в лесах и в борех брати за три мили круг места, а того им нихто боронити не маеть, окром борти, которых не мают(ь).

Теж, где переж добытки свои пасывали, ино и н(ы)не добровол(ь)ни, без всякого нагабан(ь)я, там же паствити будуть. И теж в реки Ушачы тое ж доброволенство даем им добыток свои паствити, как и перед тым мевали.

Ни один теж боярин своего ч(о)л(о)в(е)ка в месте, собе подданого, держати не мает(ь), але вси нашы мают(ь) быти и тому праву верхуписаному послушни; тое ж розумеемы о наместнику и о вл(а)д(ы)це, и о всих попех руских, и о чернцох.

Будуть теж вол(ь)ни вси полоцкие мещане от мыта через все великое кн(я)ж(е)ство Литовское, как вил(ь)невцы и трочане от предков нашых мают(ь) з особливого дозволенья.

Теж мають убудувати ку вжытку местскому лазню посполитую, где местце оберуть подобное, поставити теж ратушу на местцы годном, под которым будуть мети крамницу и ятки, то ест(ь) клетки хлебовые, и комору пострыгал(ь)ную и там же на ратушу мают(ь) мети бочку мерную и медницу и з знаменем местским, с которых речеи вси вжитки воит з бурмистры ку месткои оправе ховати будуть.

Мают(ь) теж быти в месте первореченном завсегды двадцат(ь) рядских, которых будеть обирати воит — половину закону римского, а половину другую с грецкого; которые ж радцы з воитом посполито мают(ь) обрати промежку себе на кождыи год два бурмистры — одного закону римского, а другого грецкого; которых же руками з воитом обапол(ь)но .поспольство маеть быти ряжоно. Каждое теж отозван(ь)е бурмистры и рядцы до воита мают(ь) допустити, а от воита ни одное отослан(ь)е мает(ь) быти, тол(ь)ко к нам. Теж воит справедливости сказан(ь)я, оприч бурмистров и рядцких, моцне вчинити может(ь); але бурмистры и радцы без воита, або без лентвоита, ни одного сказан(ь)я вделати не мают(ь).

Уставляем також на вечные часы, штобы место первореченное каждым годом чотыриста коп грошеи до скарбу нашого на ден(ь) Светлого Михаила давало без всякое вымовы.

Отдаляем також и вечне вызволяем тым //нашым листом вси того места люди от судов и моцеи всих воевод и панов, и старост, судей и подсудков, и иных наместников, и иншых заказников княжества нашого так, иж перед ними (в) которых кол(ь)век речах будут(ь) позвани, не будути повинни отповедати.

А естли воит, ал(ь)бо бурмистры, будуть видетися несправедливы, тогды, перед нас позвани, мают(ь) в том отповедати; которых тым же правом судити маем. А над то все бол(ь)шее право собе зоставляем.

И на тых всих речах сведецства и лепшую моцност(ь) печать наша тому то листу есть завешона.

Деялося и дано у Троцех в четвер(тый) ден(ь) Светого Франтишка, в лето вчеловечение Исус(а) Хрыстова тысяча чотыриста девет(ь) десят осмого.

И были при том велебныи, вел(ь)можныи, вроженыи и шлахетные: княз(ь) Войтех, бискуп виленский; Ян Забереза, воевода и пан троцкий и Великого княжества маршалок навышшый; Григорей Остикович, маршалок наш дворный и наместник мерецкии; Ян Петрович, маршалок наш.

Хранится: Центральный государственный архив древних актов, г. Москва, Б. Пироговская, 17.

Ф. 389. Литовская метрика, единица хранения (книга записей) 5., листы 89 лиц. — — 91 лиц. (по старой пагинации 74—76).

Копия конца XVI века.

---

[1] Вставлено в строку.

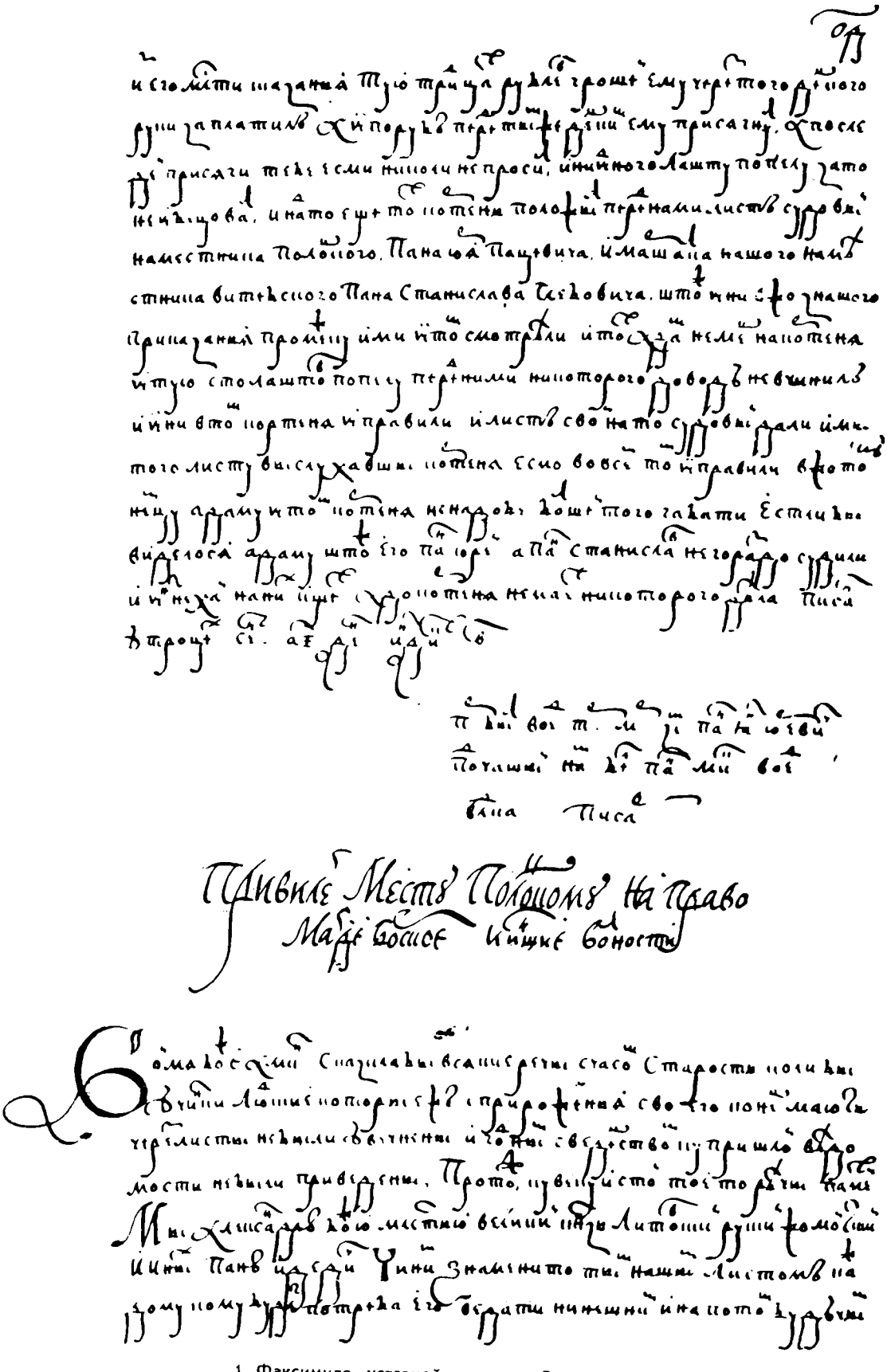
[2] «Могуть» исправлено из «мають».

Публикации:

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. I, СПб., 1846, № 159, стр. 179—182.

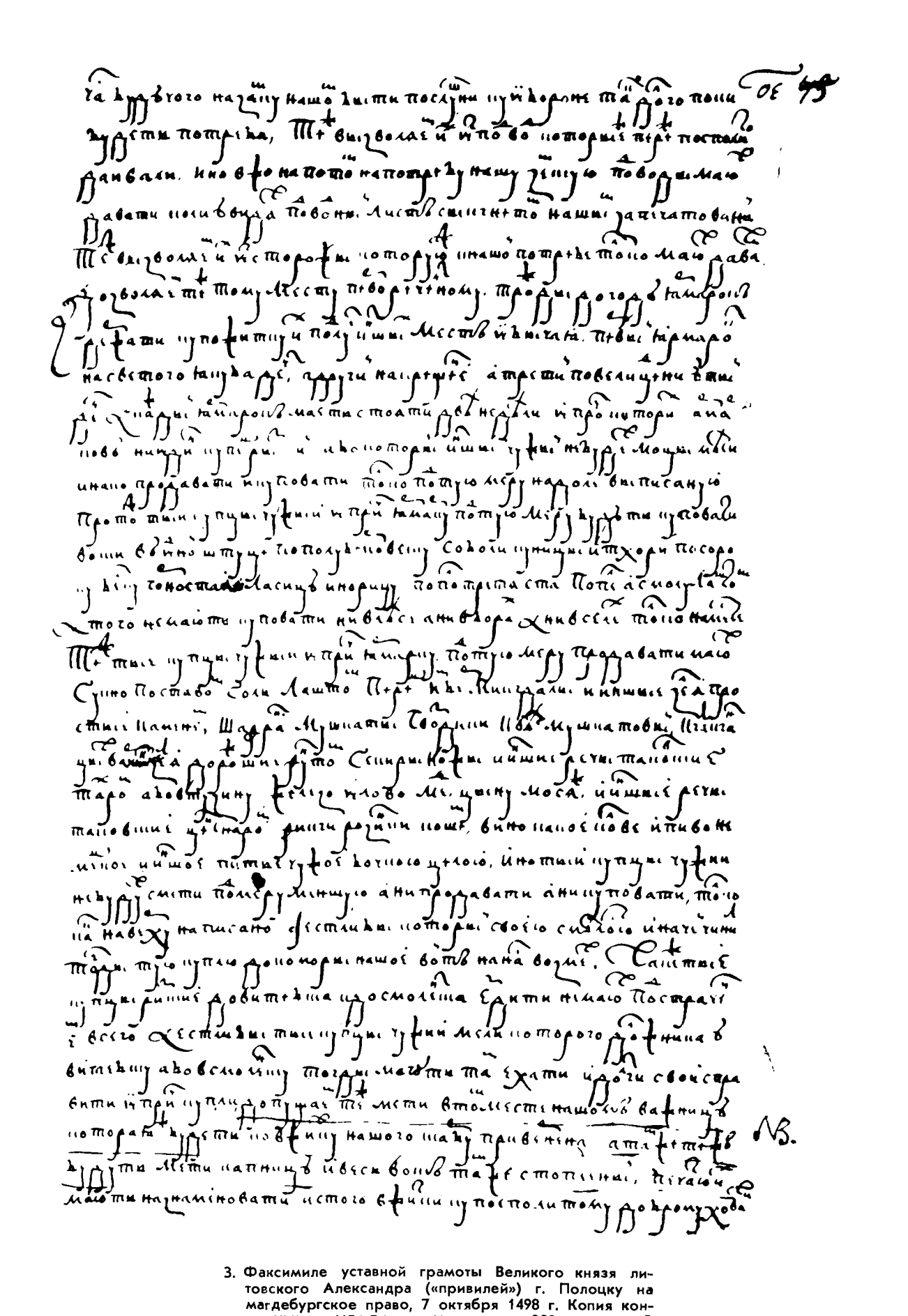
2. Русская историческая библиотека. Т. 27, СПб., 701—706.

3. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. (Вып.) II. Сост. А. Л. Хорошкевич. /АН СССР, Ин-т истории СССР. — М., 1978 — № 226, стр. 153—157.



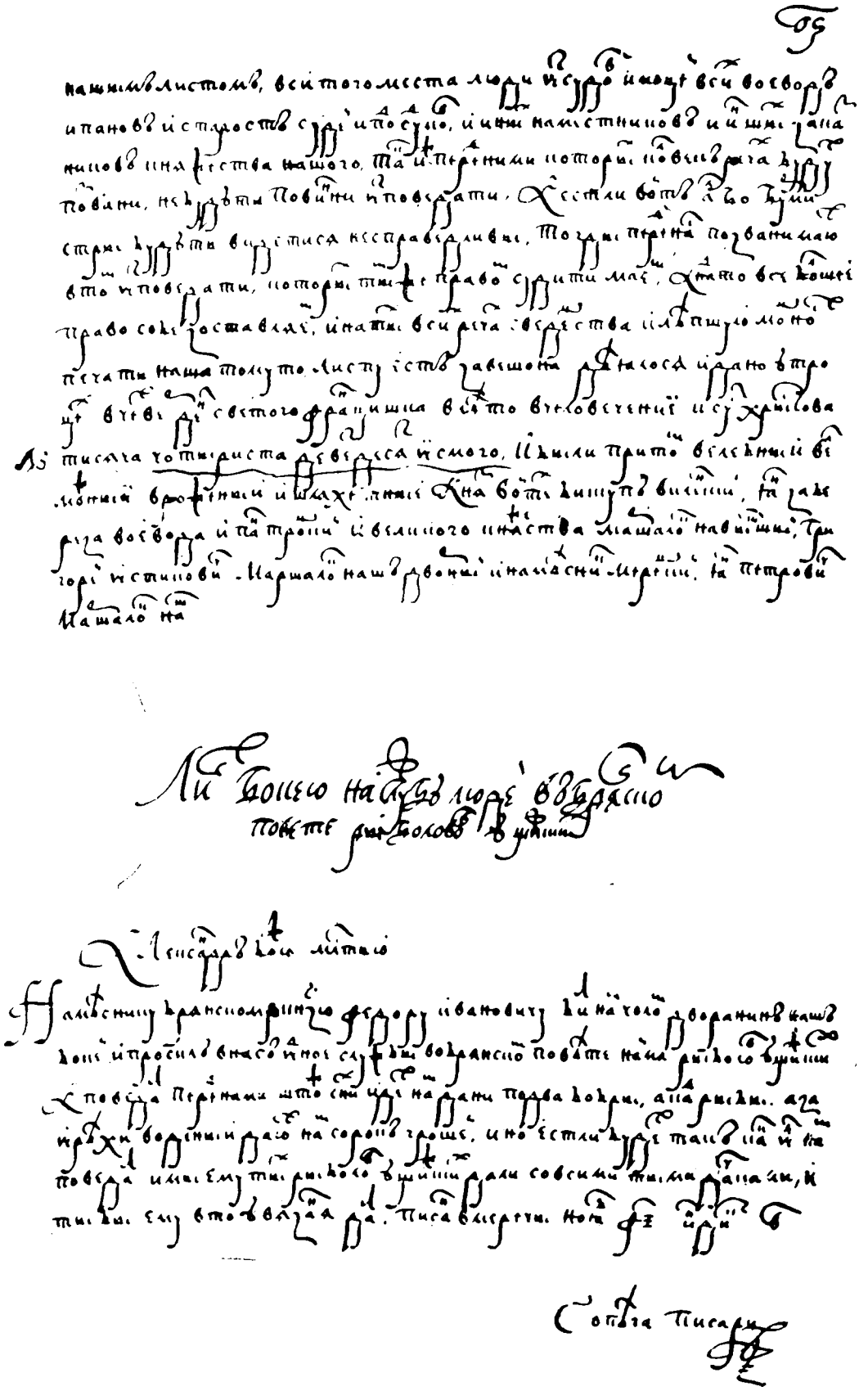
1. Факсимиле уставной грамоты Великого князя литовского Александра («привилей») г. Полоцку на магдебургское право, 7 октября 1498 г. Копия конца XVI в. ЦГАДА, г. Москва, ф. 389, ед. хр. 5, лист 89 лиц.

2. Факсимиле уставной грамоты Великого князя литовского Александра («привелей») г. Полоцку на магдебургское право, 7 октября 1498 г. Копия конца XVI в. ЦГАДА, г. Москва, ф. 389, ед. хр. 5, лист 89 об.



3. Факсимиле уставной грамоты Великого князя литовского Александра («привилей») г. Полоцку на магдебургское право, 7 октября 1498 г. Копия конца XVI в. ЦГАДА, г. Москва, ф. 389, ед. хр. 5, лист. 90 лиц.

4. Факсимиле уставной грамоты Великого князя литовского Александра («привилей») г. Полоцку на магдебургское право, 7 октября 1498 г. Копия конца XVI в. ЦГАДА, г. Москва, ф. 389, ед. хр. 5, лист. 90 об.



5. Факсимиле уставной грамоты Великого князя литовского Александра («привилей») г. Полоцку на магдебургское право, 7 октября 1498 г. Копия конца XVI в. ЦГАДА, г. Москва, ф. 389, ед. хр. 5, лист. 91 лиц.

ВЗЯТИЕ ПОЛОЦКА ИВАНОМ ГРОЗНЫМ 15 ФЕВРАЛЯ 1563 года

(по Продолжению Летописца начала царства)

«Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии» охватывает события, происходившие с 1533 по 1552 гг. Затем он был отредактирован в 1566 году и включен в состав Никоновской летописи, которая потом дополнялась статьями в 1566—1588гг. Как продолжение к «Летописцу...» были добавлены черновые «тетрати», хранившиеся в Александровской слободе, в резиденции Ивана IV, содержащие сведения 1560—1568 гг. Материалы «Летописца начала царства...» были использованы при составлении Лицевого летописного свода — официального источника по истории России, созданного по указу Ивана Грозного. «Летописец...» публиковался полностью дважды:

1. Полное собрание русских летописей. т. XIII, вторая половина тома. — СПб, 1903.
2. Полное собрание русских летописей. т. 29. М., 1965

При подготовке настоящей публикации использовано издание: Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв. Под ред. А. А. Зимина. Составители В. А. Александров и В. И. Корецкий. — М.: Изд. соц.-экономич. лит-ры, 1962— стр. 176—182.

...А в понеделник, февраля в 8 день, царь и великий князь послал под город Михайла Безинина, а веле из города покликати, есть ли их челобитье ко государю. И из города выехал Василей Грибун, а сказал, что де люди многие, а мысльми своими шатаются, иные люди бити челом хотят, а иные не хотят, и просил сроку на неделю. И учали з города из наряду[1] по Михайле стреляти, и Михайло, приехав, то сказал государю. И царь и великий князь велел по острогу и по городу из болшово наряду стреляти и учал советовати, как бы над острогом промыслити, что острог крепок: а рублен острог и всякими крепостьми делан по тому же, как и городная стена рублена, да и ров вкруз острога от Полоты и до Двины-реки делан крепок и глубок. И из-за Двины-реки повеле стреляти в острог и по Острожным воротам, понеже бо от Двины-реки острожные стены не было. А в которую пору полочане с лестными словесы из города говорити и высылали, а в то время по государскому приказу воеводы туры[2] блиско Острожных ворот и острожные стены и наряд за турами поставили, и пушкари и стрелцы под турами стали, февраля в 9 день воевода полотцской Довойна и ляхи[3] болшой острог и ворота Острожные и в остроге церкви и гостины дворы и лавки в торгех и все острожные дворы зажгли во многих местех, а посадских людей из острогу учали забивали в город. А стрелцы царевы и великаго князя и боярские люди и казаки в острог вошли и палися на полотцских животех и с ляхи учали битися. И царь и великий князь для того дела послал из своего полку голов, а велел тех людей и поберечи и людей из острогу выслати. И государева царева и великого князя полку головы князь Дмитрий Федорович Овчинин да князь Дмитрий Иванович Хворостинин и иные головы[4] ляхов в остроге потоптали и в город вбили, а государьских людей отвели здорово. А которые люди Полотцского повета селские сидели в остроге, и те в город не пошли, а вышли в государской полк и воеводские полки; а вышло их в один государский стан мужска полу 3907 человек, а жонок и девок 7253 человеки, и обоего 11160 человек; а по воеводском полком и в татарские станы вышли из острогу, и тем же не бе числа. И животов[5] бесчисленное множество поимали, а острог болшой весь згорел, а дворов в остроге згорело 3000. Царь же и великий князь, видя полочан лестьное их челобитие к себе, уповая на милость божию и пречистые богородици, повеле над городом делом своим промышляти болшим и приказал боярину князю Михаилу Петровичу Репнину против Великих ворот в остроге на пожженом месте пушки болшие, Кашпирову да Степанову да Павлик да Орел да Медведь[6] и весь наряд стенной и верхней поставити блиско городских ворот; а вкруз города и городные стены за Двиною и за Полотою по тому же велел болшой наряд изставити и со все стороны бити без опочивания день в нощь. И из наряду во многих местех вкруз города стены пробили, и ворота выбили, и обламки з города позбили, и людей из наряду побили, яко е ото многаго пушечнего и пищалнаго стреляния земле дрогати и в царевых великаго князя в полкех; бе бо ядра у болших пушек по дватцети пуд, а у иных пушек не многим того полегче. Городная же стена удръжашесся, но и в другую стену ядра прохожаще; полочане же со града никоторым пушечным и пищалным боем не промышляти и из города ни на какову стравку не выежживали, но токмо крыяшеся в домох своих, в погребех и в ямах от пушечново и пищалново стреляния; воевода же полотцский и со всеми своими ближними и с семьями живяще во церкви святыя Софии; нападе бо на них страх и ужас и ничем же противитися могуще. Но единою выедоша из города конные люди и пешие на туры в ночи февраля в 10 день, как по государеву приказу ставили туры боярин Иван Васильевич Шереметев Болшой с товарыщи; и они литовских людей потоптали и в город вбили, и языка[7] у них конного ляха Станислава Лентеева взяли и иные языки поимали у них; а Ивана Шереметева в ту пору стрелили ис пушки, и погладило гем ядром Ивана по уху. Полочане же от тех мест никакоже из города не выходиша; и царь и великий князь на Иваново место Шереметева велел быти боярину князю Юрию Ивановичю Кашину. А февраля в 11 день, с четверга против пятницы, велел царь и великий князь итти к городу от Двины из завалу боярину князю Василию Семеновичю да околничему Михаилу Петровичю Головнну, а велел им туры поставити против города от завала, а с ними велел итти стрелецким головам Федору Булгакову, Григорию Кафтыреву, Будаю Болтину, Темкиным сотцским Игнатьеву с их прибором[8] с стрелцы и многим головам з боярскими людми, а от Поло-

ты по завалом велел царь и великий князь под турами быти боярину князю Ондрею Михайловичю Курбьскому да Петру Зайцову; а на Иванском острову у боярина у Ивана у Шереметева у Меншово велел поставити две пушки ушатые, болшую да Степанову; а за полотою у боярина у князя Юрия Ивановича Кашина велел государь быти Борису Сукину, а пушку у них велел поставити ушатую старую. И тое ночи, дал бог, наряд вкруз города по всем местом изставили стенной и верхней. А февраля в 13 день, в суботу, и в 14 день по государскому наказу изо всего наряду били без опочивания день и ночь. И того же дни о вечерне приказал царь и великий князь воеводам, которые за турами, велел под город в ночи послати стрелцов, и городную стену зажечи повеле не в одном месте. Тоя же ночи стрельцы городовую стену зажгли во многих местех и городовая стена учала горети. Царь же и великий князь повеле владыке Коломенскому со всем собором во церкви мелебная совершити и просити милости у спаса и у пречистые богородици и у великих чюдотворцов; а сам государь учал наряжатися и полку своему повеле к стану збиратися; а ко князю Володимеру Андреевичю и ко царю Семиону Касаевичю и ко всем своим бояром и воеводам послал и велел им стояти полки и быти готовым и дожидатися от государя вести. И тоя же нощи часа за два до света прислали ко царю и великому князю бояре и воеводы князь Василей Серебреной да князь Михайло Репнин Оболенские Шарапа Федцова с тем, что з города кличют и владыка и воевода полотцской Довойна город государю здают, да и знамя городцкое з города здали; а то знамя прислали воеводы ко государю с Иваном с Кобылиным. И февраля в 15 день за час до света ко царю государю и великому князю приехал Иван Черемисинов и сказал, что полотцской владыка Арсеней из города вышел к воеводам со кресты и с собором, а просят у государя милости. И царь и великий князь послал Ивана Черемисинова, а велел говорити под городом с полочаны: толко не выйдет из города воевода Довойно, и стрельба в город не перестанет. И как часы отдают нощные, и ко царю государю от воевод приехал Васка Измайлов с тем, что полотцской воевода Довойно и Станислав Станиславович и дворяне королевские и шляхта вышли к бояром и к воеводам, ко князю Василию Семеновичю Серебреновому да ко князю Михаилу Петровичю Репнину, из города вышли и со владыкою же вместе просят у государя милости. Царь же и великий князь велел с ними ехати и в свой шатер в болшой Ивану Черемисинову, а в шатре болшом у ворот велел государь быти дворовым воеводам боярину Ивану Петровичю Яковля да князю Петру Ивановичю Горенскому да дьяку Ондрею Васильеву. И Иван Черемисинов со владыкою и з Довойном и с королевскими дворяны к государю приехали в час и били челом дворовым воеводам, чтобы воеводы челобитье их до государя донесли, чтобы государь милость над ними показал, розводу бы не учинил, а вотчина государева город Полотеск его государева. И били челом, чтобы государь им дал очи свои видети, а людем бы пожаловал, милость показал: которые похотят ему, государю, служити, те бы ему, государю, служили; а которые люди похотят ехати х королю или в юные земли, и государь бы пожаловал, тем волю дал. И царь и великий князь послал к ним дворовых воевод, а велел их выпросити: которые люди хотят царю государю служити и которые люди хотят ехати х королю? И они били челом, а просилися в город и хотели про то выпросити людей; и воеводы дворовые те речи их царю государю сказали. И царь и великий князь к ним приказал, что так будет мешкотливо,[9] а день уже идет мало не к вечеру, и Довойно бы послал в город от себя Луку Халабурду и государевское бы жалование всем людем сказал, которые в городе, чтобы они из города вышли, а государевы бы воеводы в город ехали. И владыка и Довойно на том на государском жалование били челом и просилися государьских очей видети; и царь и великий князь пожаловал их, очи им свои велел видети в своем шатре. Сидел же государь на своем месте вооружен, в полном доспесе, а князю Володимеру Ондреевичю и царю Семиону повеле сидети в доспесех же, такоже и бояром и велможам и всему воиньству. И как владыка и Довойно и королевские дворяне вошли ко государю, и царь и великий князь у владыки благословился, а Довойну и королевских дворян к руце пожаловал, звал. А говорил им государь, что он пришел к прародителей своих и к своей отчине к Полотцку за брата его за королеву неправду, что он вступился в его в ысковечную вотчину в Вифлянскую землю и послов своих и посланников посылает к нему, а в грамотах своих пишет не по-пригожу: «и ныне нам бог милосердие свое свыше даровал, прародителей наших отчину нашу город Полотеск нам в руки дал, и которые есмя вам свое жалованное слово с своими бояры и с воеводами приказывали, и то наше слово инако не будет: милость вам покажем, казни вам учинити не велим, а посылаем в город ближнего своего воеводу князя Петра Ивановича Горенского, а вы от себя пошлите в город Луку Халабурду, чтобы шляхты и ляхи город нашему воеводе очистили». И велел царь и великий князь нареченному владыке Арсению и воеводе Довойну место на стан очистити и устроити, а велел им быти по станом за сторожи: у владыки велел быти князю Юрию Мещерскому, а у Довойна велел быти Ивану Олексееву сыну Ершову, и с ними в стан велел им ехати. А в город послал воеводу своего дворового князя Петра Ивановича Горенского, а с ним послал своего полку дворян и детей боярских многих; да с ним же послал Луку Халабурду, а велел свое жалованное слово всем людем сказывати, чтобы из города все вон вышли, а государь им милость показал, побити их не велел и дал им волю, кто куды похочет. И велел царь и великий князь в город ехати воеводам боярину князю Василию Семеновичю Серебреново, а с ним дворяном и детем боярским многим да головам стрелецким всем со всеми стрелцы, з двунатцатию тысячами[10]. И после того ко царю и великому князю прислали из города воеводы князь Василей же Серебреной да князь Михайло Репнин пана Яна Юриевича Глебова воеводича Виленского; и царь и великий князь пожаловал его, очи ему свои велел видети и велел ему быти в стану з Довойном вместе. А которые ротмистры сидели в городе с полотцским воеводою с Станиславом с Довойном, Мархел Хелмъской, Албрех Верхлинской, Ян Варшевской, с своими товарыщи с ляхи, и тех ротмистров царь государь пожаловал, очи свои дал видети. И повеле царь и великий князь полочан переписати, дворян королевских и шляхт и всяких служилых людей; а бурмистров и гостей и лавников и земских людей торговых велел переписати по тому же опроче; а лядских людей конных и дрябей[11] велел переписати по тому же и держати их опроче: а которые люди государю служили и государь тех по разсмотрению жаловал. Божиим же неизреченным великим милосердием и государьскою теплою верою к богу и его государьским умыслом в Полотцску в городе и в остроге розмистров и королевских дворян и всяких воинских людей и черных из наряду много бесчислено побили; государьских же людей от городские стрельбы бог сохранил, токмо, что ставили туры, убили пеших четырех детей боярских молодых да голову казатскую, а стрелцов 66 человек да боярских людей 15 человек. И февраля в 15 день, в понедельник, за два часа до вечера, божиим милосердием и пречистые богородицы молитвою и великих чюдотворец молитвами, государевы воеводы боярин князь Василий Семенович Серебреной

да князь Петр Ивановичь Горе/н/ской в город въехали и на королевском дворе стали и город устроили по государеву царя и великого князя наказу. А февраля в 18 день, в четверг, на память святаго Леонтия папы Римского, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси со князем Володимером Андреевичем и с новопросвещенными цари Казанскими и с своими боляры и со всеми воеводами и со многим воиньством поиде от своего стану чинно и урядно в свою отчину в Полотеск, доиде же до острожново рва и сеседе с аргамака. Повеле же от острожного рва по погорелому посаду Коломенскому владыке Варламу и Чюдовскому архимандриту Левкию, Иосифовскому игумену Левониду и всему освященному собору[12] итти во град Полотеск с пречюдным образом пречистые богородицы Донским и с ыными образы чюдотворными и честными кресты. Сам же царь и великий князь идяще за чюдотворными образы и за честными кресты, а с ним князь Володимер Ондреевичь и царь Александр Казанской и боляре и воеводы и все воиньство. Встрете же царя и великого князя в градных в болших в воротех Полотцских со кресты Софейской протопоп Феофан с Софейским собором и с полотцскими священники.

---

[1] Из наряду — из пушек и пищалей.

[2] Туры — большие плетеные корзины, наполняемые землей для защиты от ядер и пуль.

[3] Ляхи — поляки и литовцы.

[4] Головы — командиры военных отрядов.

[5] Животов — имущества.

[6] Пушки большие, Кашпирову да Степанову да Паблик да Орел да Медведь — пушки назывались либо по имени отлившего их мастера, либо изображениям на них зверей и птиц.

[7] Языка — пленного.

[8] С их прибором — с их оружием, с пищалями.

[9] Мешкотливо — медленно.

[10] З двунатцатию тысячами — с двенадцатью тысячами.

[11] Дряби — телеги.

[12] Освященный собор — собрание высшего духовенства.

ОПИСАНИЕ ПОЛОЦКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА 1780 года

Данная публикация представляет собой перепечатку «Приложения» к работе А. П. Сапунова «Пребывание императрицы Екатерины II в Полоцке». «Описание», если быть более точным, является частью опубликованных «Топографических примечаний на знатнейшие места путешествия Ее Императорского Величества в Белорусские наместничества. С.-Пб. 1780». Печатается по изданию: Полоцко-Витебская старина. Вып. III. Издание Витебской Ученой Архивной Комиссии. — Витебск, Типо-Лит. Насл. М. Б. Неймана, 1916. Стр. 69—83. Примечания (комментарии) А. П. Сапунова.

«Топографическия примечания на знатнейшия места путешествия Ея Императорского Величества в Белорусския наместничества. 1780 г. СПБ. Импер. Акад. Наук»[1].

БЕЛОРУССИЯ.

Сия новая страна, коей краткое описание здесь следует, присоединена паки к России под благополучным и славным царствованием Екатерины II.

Название Белоруссии, или Белой России разные писатели различно производят: иные думают, что сие название произошло от снегов; другие — от обыкновения восточных народов называть Российских государей белым Царем; иные же — от освобождения податей (ибо все неплатежные земли изстари в России назывались белыми землями), когда сия страна подпала литовскому владению. Но все сии догадки неосновательны: снегами не одна Белоруссия покрывается; в нашествие Татар на Россию прочия ея области не были сим именем названы; от белой или безоброчной земли тем менее производить можно, что Литва не могла попустить покоренной оружием земле быть от всех податей свободною; в свойстве же или цвете земли нет никакого различия от окольных стран. Итак, вероятно, что сие название дано произвольно сей завоеванной части от Литвян в 14-м столетии для различия от прочих стран России, как-то: Великой, Малой и Червонной России.

Пределами Белой России в разныя времена различныя были области. В несчастныя времена для России, когда от запада Гедимин и сын его Ольгерд, а от востока и юга — Татары разделенных тогда князей Российских и землями и согласием в такое привели состояние, что один другого от неприятельскаго нападения защищать не мог, — то отрезанная часть от России от верховья Днепра и по западной части Двины лежащия области названы были Белой Русью. К ней принадлежали тогда княжества: Смоленское, Мстиславское, Витебское и Полотское с их поветами

Расхищенную на части Россию, лишившуюся в те времена многих своих наследственных земель (ибо Великий Владимир обладал большею частию Литвы, Подляхиею[2], Червонною Россиею, ближнею Подолиею, княжествами Смоленским, Полотским, Витебским, Новгородским, Тверским, Северским, Черниговским и стороною, лежащею между реками Вильною и Припетью)[3] — великий князь Иоанн Васильевич, преславный под единовластие собиратель разделенныя на многия и разныя княжества России, низложитель татарския гордыни и власти, и сын его Василий Иванович присоединять начали паки оторванныя части. Тогда поддалися Черниговское и Северское княжения, от Белой России отрезан был Смоленск; но сей город в смутныя времена, до избрания на царство государя царя Михаила Федоровича, пришел во власть польскую и остался за нею до государя царя Алексея Михайловича. Государь царь Иоанн Васильевич взял многия области в Литве; но сии паки отняты были польским королем Стефаном Баторием. Премудрый и храбрый государь царь Алексей Михайлович, присоединив навсегда к России Смоленск, покорил оружием многия белороссийские и литовские города даже до столичнаго литовскаго города Вильны. Но учиненный сему великому государю препятствия со стороны шведской все завоевания, кроме Смоленска, оставить принудили. Итак, часть сия древняго наследия России предоставлена была благополучным для России нынешним временам, в кои пределы ея расширены и обезопасены, и все обстоятельствами времен потерянное приобщено и утверждено под державу Екатерины II. Белорусския области присоединены к России в 1772 году, как-то: повет Дюнабургской, воеводства Мстиславское, Витебское; части поветов Оршанскаго и Резицкаго; воеводство Мстиславское и округ Могилевской — под единым названием Белоруссии. В начале вся Белоруссия разделена была на две губернии, на Псковскую и Могилевскую. К Псковской губернии отделены были от обширнейшей Новгородской губернии провинция Псковская, город Опочка, коему и назначено быть губернским городом, Островок, Заволочье, Торопец с их уездами, провинция Великолуцкая, новоприсоединенныя провинции Полотская, Витебская и Двинская, то есть: Польская Лифляндия. Могилевскую губернию составляли провинции Могилевская, Мстиславская, Оршанская и Рогачевская.

Премудрыя узаконения, утвердившия в России правосудие, облегчившия затруднения, происходившия от стечения различных дел в одном правительстве, и доставившия чрез то скорое оным течение, не волокитное удовольствие обиженному; обществу дворян существенныя их преимущества, оградившия отличностию среднее состояние; защитившия и наставившия класс земледелателей, словом, показавшия всякому состоянию прямой свой долг, прямыя свои выгоды и прямыя свои упражнения, — озарили и новоприобретенныя области.

Сии более своевольством, нежели вольностию, правимыя разными законами судимы были. Тут господствовало право Магдебургское, инде Польское, а инде смешанное, и по тому оставались жители в неизвестности прямаго своего права и закона. Шляхтичи и дворяне не редко употребляли право сильнейшаго, да и самые их сеймики часто стоили многим не только увечья, но и жизни; богатый всегда господствовал, малосильный везде притеснен был, словом, никто не имел прямой своей безопасности. Государственное и частное домостроительство оставалось в сущем небрежении; зажиточные люди погружены были в праздности; малолетство свое провождали в иезуитских школах, в коих главное их упражнение было, чтобы

научиться первым основаниям латинскаго языка, да и самые ревностнейшие далее риторики не доходили; взрозши, записывались в службу Речи Посполитой, да и тут не делом, но единым именем отправляли свою службу. Земледелец, пользуясь своевольством, никогда не рачил о прямом удобрении земли своей, но обедняв на одной, искал разжиться на другой и, перебегая из места в место, твердаго и постояннаго часто не основывал себе жилища.

Итак, каждой исторгал из земли, что мог, не удовлетворяя ничем оной и изнуряя ея силы до истощения; оттого приметно, земля сия прежде была менее плодородна, нежели становится ныне, когда благоустройство страну сию оживило. Усилившиеся в сих местах жиды немало способствовали общей бедности. В деревнях и местечках они главные были винокуры и винопродавцы; за малую плату помещику лишали они крестьян хлеба; в их руках были все крестьянския надобности, все их должно было купить хлебом; и так в нарочито плодородной земле не редко поместный случался голод, а жиды труды селян поглощали в свои шабасы. Самыя их жилища, хотя окруженныя лесом, не только вида, но и нужной уютности не имели; скот их оставался без призрения, и потому нередко они его лишались; торги их приносили пользу, да и то не надлежащую, владельцам и жидам; бедные люди во всем претерпевали недостаток, так что пуд соли в отдаленных от рек областях, продавался по рублю и более. Не было нигде между городов и местечек удобнаго сообщения, и жители то зацеплялись в лесах, то утопали в болотах, или испровергались в рытвинах.

Неустройству последовали теперь устроение и порядок, всякий обнадежен безопасностию, всякий просвещен о выгодах, состоянию его совместных: селянин рачит о своей земле, как ему на всегдашнее жилище определенной; купец — о промысле под ненарушимым покровительством прав его.

Наконец, в исполнение плана распределения уделов империи, 24 августа 1776 г., составлено Полотское наместничество, которое сим отделилось от Псковского и состоит из одиннадцати уездов, кои суть: Полотский, Дриссенский, Себежский, Невельский, Дюнабургский, Режицкий, Люцинский, Витебский, Велижский, Городецкий и Суражский.

Равным образом учреждено и Могилевское наместничество.

ПОЛОТСКОЕ НАМЕСТНИЧЕСТВО.

В нем Полотск, наместнический город, разстоянием от Санктпетербурга, чрез Нарву и Псков, — во 678, от Могилева — в 217, от Лифляндской границы — 261, от Смоленской — во 149, от Псковской границы — в 248 верстах.

Название свое имеет от реки Полоты, выходящей из озера и впадающей с правой стороны в Двину под самым городом. Сей есть древнейший город во всей Белоруссии и с самых старинных времен был известен под именем Пелтискум. Великий Владимир наследовал Полотским княжением по супруге своей Рогнеде, дочери варяжскаго князя Рогволда, который умер бездетен. При разделе государства детям своим, дал сие княжество сыну своему Изяславу, рожденному от Рогнеды; от сего произошли полотские князья, владевшие через 200 лет всею Литвою, Лифляндиею, Курляндиею до реки Мемеля. Но и после того город сей пребыл литовскою столицею до построения Гедимином города Вильны, и Российские государи титло Полотскаго княжества употребляли до времен императора Петра Великаго. Но как в 1383 году, при великом князе литовском Ягелле Ольгердовиче, Литва соединена стала с Польшею, то и Полоцк сделан воеводством, с исключительным однакож шляхетству правом избирать себе воеводу, котораго король только подтверждал. В сем городе свет христианский веры первые возсиял, как повествует летописец Стрыйковский, во времена Радзивилла, во святом крещении Юрием нареченнаго, появшаго в супружество княжну Марию, дщерь великаго князя Тверского[4]. Сын его Борис сооружать начал некоторые храмы: в городе церковь святыя Софии; в четверти мили от Полоцка, в Бельчицах, основал мужеский монастырь, да в полумили, вверх по реке Полоте, — женский, и благочестие пребыло в нем непоколебимо до короля Стефана, при коем началось притеснение греческой церкви, и совершилось при короле Сигизмунде, который позволил иезуитам в Полотске укорениться. От сих гонений произошли так-называемые униаты. Однако, несмотря на все сие, еще и до наших времен многие пребывали в православии. В 1239 году святый благоверный великий князь Александр Невский взял в супружество полотскую княгиню; обручение было в Торопце.

Великий князь Иоанн Васильевич (III) неоднократно покушался отнятое у предков его Полотское княжество возвратить, что и сын его великий князь Василий Иоаннович всячески исполнить тщился, потому страна сия в 1514 году российскими войсками была опустошаема, город же Полотск взят не был. Но государь царь Иоанн Васильевич, расположася станом при помянутом девичьем монастыре, и собственным своим присутствием осаждающих ободряя, взял сей город 15 февраля 1563 г. Был он в его власти до 30 го августа 1579 года, в которое время польский король Стефан Баторий паки возвратил его Польше. При государе царе Алексее Михайловиче, в 1655 г., взят был Полотск вторично, в коем и сам государь находился 9 июля 1656 года.

Герб княжества сего: в черном поле белый всадник, носящий обнаженный меч и щит голубой, на котором подобный тому же всадник изваян[5].

Сие древнее Российских государей наследие, претерпевшее толикия перемены, многия силы и славы своей лишилось. Укрепления полотския ничего почти не значат: с приезда в оный от С.-Петербурга находится земляной замок, который, вследствие крутого берега реки Полоты, с северной стороны под ним текущей, и двинскаго берега, крепкое имеет положение; но он оставлен был без надлежащаго призрения. Сие укрепление сделано было Стефаном Баторием. Вал, окружающий весь город, также весьма унизился. Итак, знаменитейшее здание в сем городе составляет иезуитский монастырь, основанный часто упоминаемым королем Стефаном; он как наружною огромностию, так и внутренним украшением все иезуитския коллегии в Белоруссии превосходит; к нему принадлежит пространное каменное строение, где иезуитское заведено училище. Кроме сего, есть в нем монастырь, доминиканский деревянный, франтисканский каменный и базилианский каменный же, построенный в кремле, коего основатель был полотский князь Борис, как выше сказано. В том же замке деревянный монастырь униатских монахинь да греческий деревянный монастырь в Нижнем городе и три униатския церкви. Прочее строение в городе простое, деревянное, состоящее из 250 домов мещанских и 100 жидовских. Ныне же казенным иждивением город сей украшается и каменные, порядочно расположенные, застраиваются дома. Главу униатскаго духовенства составляет тут епископ, пребывание свое верстах в 5-ти от города, вверх по реке Двине, имеющий[6]; купечества в городе 42 человека, мещан 395 и 478 жидов. Купцы незажиточны, которые, как и весь уезд Полоцкий, имеют, хотя небольшие, торги с Ригою, состоящие во льне, пеньке, лесах, хлебе, меде, воске, поташе и скоте. Город, по древнему обыкновению, построен частию на покатом берегу реки Двины и называется Нижним городом, а большая часть онаго — на равнине, от поката идущей, и сия часть называется Вышним городом.

Уезд Полотский составляют 1247 деревень. Жителей во всем уезде 25649 душ и 841 жид.

УЕЗД ДРЫЗИНСКИЙ.

В нем город Дрызин, вниз по реке Великой[7], от Полотска в 70-ти верстах. Сей город был прежде местечком с одною деревянною католицкою церковию. Жители его составляли 60 мещан и 13 жидов. К уезду его ныне причисляются: местечко Освии[8], 1101 деревня, 27312 душ всех жителей да 839 жидов.

УЕЗД СЕБЕЖСКИЙ.

В нем город Себеж, в 104 верстах от Полотска, названный по озеру того же имени, на котором он стоит. Сей город построен в 1535 году, по указу государя царя Иоанна Васильевича, Иваном Бутурлиным и снабжен всем нужным[9]. В следующий год тщетно делали к нему приступ литовския войска, и по сему построена в нем была первая трехпрестольная церковь. В нем есть также базилианский девичий монастырь. Жителей его ныне составляют: мещан и купцов 361 да 52 жида. К уезду его причислено 1421 деревня, а во всем уезде 27768 душ да 297 жидов.

УЕЗД НЕВЕЛЬСКИЙ.

В нем город Невель, названный по обширному озеру, при котором он стоит, в 99 верстах от Полотска. В сем находится и монастырь греческаго исповедания, также униатская и католицкая церкви; жителей его составляют: 835 купцов и мещан и 123 жида. К уезду сего города причислены 2113 деревень и 28425 душ крестьян да 454 жида.

УЕЗД ДЮНАБУРГСКИЙ.

В нем город Дюнабург, в 173-х верстах от Полотска, вниз по реке Двине, на правом берегу которой он стоит. Построен он в 1275[10] году лифляндскими рыцярями. В 1576 году взят был и разорен государем царем Иоанном Васильевичем. Потом возвращен паки королем Стефаном Баторием, который его вновь укрепил, но в двух милях ниже прежняго места, (на прежнем стоит деревня, под именем деревни Замок) и учредил тут иезуитскую коллегию. Государь царь Алексей Михайлович овладел им вторично в 1656 году, 30 июля, и назвал его Борисоглебск; но и тогда вскоре оторван он был от России и остался при Польше до присоединения Белой России.

В нем есть необходимое земляное укрепление, вышесказанная иезуитская коллегия и деревянная католицкая церковь. Жителей его составляют: 157 душ мещан и 67 жидов. В уезде же его 2 местечка: Крейцбург[11] и Креславль; 945 деревень; всех жителей 28191 да 1248 жидов.

Креславль от Полоцка во 140 верстах, на самой Двине, выстроен весьма порядочно; в нем все строе каменное, и на горе великолепный дом графа Плятера, с регулярным садом и с прудами. В сем местечке много всякаго рода искусных художников.

УЕЗД РЕЗИЦКИЙ.

В нем город Резица, во 190 верстах от Полотска. У лифлянских землеописателей называется он Розиттен; лежит при речке Розитте,[12] впадающей с восточной стороны в озеро Лубань. Первый в нем замок построен был в 1285[13] году, но едва его малые видны остатки. В 1577 и 1578 годах упоминается о нем между завоеванными лифляндскими замками царем Иоанном Васильевичем, в коем и воеводою был князь Петр Семенович Лобанов Ростовский. В нем ныне жителей 42 купцов и мещан, а во всем уезде 1014 деревень и 28014 душ христиан да 581 жид.

УЕЗД ЛУЦИНСКИЙ.

В нем город Луцин, во 164 верстах от Полотска, название свое имеющий от речки Луц, впадающей в реку Розиттен[14]. Он построен был в 1399 году под именем Лудзена и при польском владении составлял староство. В числе завоеваний государя царя Иоанна Васильевича упоминается о нем под именем Лужи. В нем мещан 195 да 32 жида. К уезду его причисляется 1145 деревень, а во всем уезде 28080 христиан да 661 жид.

УЕЗД ВИТЕБСКИЙ.

В нем город Витебск, названный по реке Витьбе, через город протекающей и впадающей в Двину, от Полотска в 109, от Могилева в 217 верстах.

Витебск по Полотске древностию прочие города в сем наместничестве превосходит; о нем упоминается в X столетии по Р. Х. у греческих писателей по тому, что северные народы ходили по Днепру почти мимо сего города в Грецию.[15] При государе царе Алексее Михайловиче взят он был российскими войсками в 1654 г., и государь сам изволил в нем быть 1656 года 20 июня, а от него продолжал путь ко взятию Динабурга и к осаде города Риги. Герб города: в голубом поле всадник белый с саблею в руках[16].

Лучший сей в Белоруссии город разделен Двиною на две части, из коих по левую сторону реки лежащая есть большая. Сия также разделяется на другия три части речкою Витьбою и буераком таким образом, что Витьба, впадая в Двину, отсекает большую часть жительства, вверх по Двине, на покате угорка лежащего. За Витьбою, против онаго жительства, на возвышенном месте находится замок, обнесенный от Витьбы высоким земляным валом. За замком в превеликом буераке бежит в Двину небольшой ручеек, за которым на угорке находящаяся часть города называется Заручевье; к сему буераку от Витьбы, позадь замка, подходит также буерак, чрез который к жительству, вверх по горе лежащему, сделан мост, называемый Кривой; чрез Витьбу к замку другой находится мост, который Красным называется; третий мост от замка к Заручевью никакого наименования не имеет.

На Заручевье лучшее строение: одна приходская каменная церковь и девичий базилианский монастырь, который вверх по буераку, позади всего жила, поставлен.

В замке отменитость составляют монастыри: незуитский, плебанский[17]; тринитарский и доминиканский; в нем же находится и девичий монастырь марцианнов[18]. За красным мостом, кроме двух монастырей — бернардинскаго и великолепнаго базилианскаго, из коих первый возле самаго моста, а другой — на высоком холме двинскаго берега, Лысою горою называемом, стоит, — находится несколько и каменных домов обывательских.

Правый берег реки Двины, на котором другая часть стоит города, ниже леваго и ровнее, жительство на нем порядочнее и строение лучше, между коим есть не мало и каменнаго; также монастырь пиарский (Piarum scholarum) и каменная приходская церковь.

Домов обывательских 1674 да жидовских 269; купцов 215, мещан 1942 и 573 жида.

В прочем город сей, хотя теми же произведениями отправляет торг с Ригою, Мемелем и Гданском, как и Полотск, однако в нем более зажиточных людей, и торг их знаменитее; немало в городе сем есть кожевенных заводов и других нужных ремесленных людей. В уезде его деревень 907, а всех жителей 22582 да 977 жидов.

УЕЗД ВЕЛИЖСКИЙ.

В нем город Велиж, при реке Двине, вверх по оной, от Полотска в 189-ти верстах. Город сей построен указом государя царя Иоанна Васильевича в 1536 году. В оном одна католицкая и три униатских церкви; купцов 11, мещан 1301 и 11 жидов. Уезд его составляют 932 деревни, а во всем уезде жителей 21796 да 349 жидов.

ГОРОДЕЦКИЙ УЕЗД.

В оном город Городец, в 144 верстах от Полотска. Жителей в нем купцов и мещан 125 да 194 жида. К уезду его причисляются: местечко Езерище[19] и 712 деревень. Во всем уезде мужескаго полу 23435 душ и 590 жидов.

СУРАЖСКИЙ УЕЗД.

В нем город Сураж, в 149 верстах от Полотска, за Двиною; через него течет река Касиля, впадающая в Двину с левой стороны. Тут одна только униатская церковь, 100 мещанских и 10 жидовских дворов. Число жителей составляет 328 мещан и 6 жидов; уезд его состоит из 2 местечек: Колышки[20] и Глазомичи[21], также из 638 деревень; 20707 всех жителей да 786 жидов.

Итак, по сему разделению, Полотское наместничество окружено пределами: Рижской губернии, при Крейцбурге, неподалеку от онаго текущею рекою Викутою[22], уездами Псковским, Островским, Великолуцким, Торопецким, частию наместничеств Смоленскаго и Могилевскаго; прочее же отделяет река Двина.

Река сия есть знатнейшая во всем Полотском наместничестве. Вершины ея выходят близ Волжских вершин, из болот, где сначала течет она весьма малым протоком до озера Охват, которое истинным Двинским началом почитать должно, ибо хотя и впадает в него вышесказанный приток Двинский, но он весьма мало значит. Озеро Охват продолговатое, весьма глубоко и верст около 20-ти вокруг имеет. Из сего озера вышед Двина, при самом своем начале, нарочито глубока и пространна, так что по ней всякое плоскодонное судно удобно бы ходить могло, еслибы не препятствовали плитные пороги, верстах в 7 от ея исхода находящиеся, которые, однакож, не велики, и их удобно прочистить можно, да и вешняя вода нарочито глубоко их покрывает. От сего озера только верст на 13 простирается волок местами болотистый, местами же небольшие земляные холмы имеющий; на сем волоку есть озеро Собла, окружностию версты на две; за волоком лежит озеро Пень[23], чрез которое течет река Волга; и сие то есть ближайшее соседство Волги с Двиною. Впадающия в Двину реки Межа и Торопа облегчают торг; из сих по первой идут товары из Смоленскаго наместничества, а по Торопе из Великолуцкаго и Торопецкаго уездов. Двина, вышед из Торопецкаго уезду, протекает чрез все Полотское наместничество, отделяет оное от Литвы и полагает предел между Рижскою губерниею и Семигаллиею, наконец, в двух милях ниже города Риги, впадает в Балтийское море. Она имеет в разных местах небольшие пороги, которые маловажны, но находящиеся в Риге много в провоз делают затруднения и остановки. Они хотя и пологи, однако в межень так бывают мелки, что и самое малое судно пройти не может; плитный или песчаный слоистый камень и в сем месте пороги составляет. Они начинаются от Якобштата и продолжаются до Леневардскаго форпоста. Некоторые считают их до 13. Наизнатнейшие суть при Зельбурге[25], Ленневардском форпосте и не подалеку от Риги. Первый из них опаснее прочих и имеет скрытый гребень, угрожающий опасностию едущим вниз по реке; стремящаяся в нем вода производит великий шум, так что на несомых по оному судах и плотах одними знаками всяк исправлять свое дело должен, голос же недостаточен. Сие опасное для плавающих место оставлено было в суровом его состоянии до наших времен; ныне и сие торгующим препятствие искоренеют, и в последующих годах во всякое время свободное и безбедственное от верховья реки до ея устья возставится сообщение. Впрочем, река сия обильна и рыбою; в ней ловятся: лососи, щуки, судаки, язи, окуни, корюха, ряпуха, сиги, ерши, налимы, угри, вымба, камбала и многи; но не все сии рыбы всходят вверх; вода же в Двине чиста. Сколь знаменита она, составляя сообщение многих российских мест с Рижским портом, столь же и бедственна во время разлития воды, от коей иногда целыя селения сорваны бывают.

Остается теперь кратко упомянуть о качествах земли полотскаго наместничества. Говоря вообще, имеет оно нарочито плодородную землю, выключая места, прилегающия к Торопецкому и Великолуцкому уезду. Однако, земля повсюду в нем требует рачительнаго обработывания и удобрения.

Витебская провинция имеет низкия места, неспещренныя озерами и болотами, около коих много находится торфу; однако, сии последния удобно можно осушить и превратить в хлебородную пашню; уезды же Суражский и Велижский холмисты и усыпаны по местам валуном или диким полевым камнем. В лесах она еще недостатка не имеет; но лучший, красный лес большею частию выведен, по причине удобнаго по Двине сообщения с Ригою.

Земли Полотской провинции, прилегающия к Двине, возвышены, иловато-песчаны, глинисты, а местами песчаны; задняя же часть оной понижена; в ней много также озер, обширностию знаменитых. О лесах то же сказать должно, выключая, что около Полотска, даже до Опочецкаго[26] уезда, один только дровяной лес находится, а боры гораздо редки.

Двинская провинция более песчана и камениста, так что обыкновенный валун по местам и в строение употребляют, что особливо в Креславле видеть можно. Песчаные слои, перемешанные с глинистою землею, по местам затвердели в камень, который местами то мягче, то тверже бывает. В сей же провинции сходятся и плитные слои, так что слои свои простирают и в самыя земли возвышения, находящиеся к рижским пределам, в коих и то отменное, что чем они выше, тем песчанее их верх. Лучшия в ней к плодородию места находятся в Луцинском уезде. Лесами сия провинция беднее прочих. Но хлебопашество, по соседству с Лифляндиею, в лучшем состоянии. О главных избытках, составляющих торг сего наместничества, сказано при знатнейших онаго городах, о прочих же произведениях, а особливо о стекляных и железных заводах, обстоятельно упомянем при Могилевском наместничестве[27].

---

1 Было сделано зараз два издания: одно, снабженное гравюрными орнаментами — 147 стр., другое, лишь с немногими украшениями — 133 стр., но оба печатаны одним набором. Описание Белоруссии — стр. 42—121, по первому из этих изданий. Мал. 8⁰. Сл. «История Русской Этнографии, Т. IV. Белоруссия и Сибирь». А. Н. Пыпина. СПБ. 1892.

Так как книга «Топографическия примечания» составляет в настоящее время библиографическую редкость, то та часть этой книги, где описывается Полоцкое наместничество, перепечатана в настоящем Приложении.

2 Подляшье (Люблин. и Седл. губ.); в подлиннике «Подлассиею».

3 В подлиннике: «Припечью».

4 Тут путаница. Христианство, без сомнения, утвердилась в Полоцке уже при Владимире Святом и его сыне Изяславе.

Под Радзивиллом здесь, очевидно надо разуметь Гиивила, котораго Стрыйковский считает полоцким князем, но котораго, в действительности, не было. Кн. полоцкий Борис, которому приписывается построение некоторых храмов в Полоцке, был сын Всеслава Брячиславича.

Иезуитов пригласил в Полоцк и отдал им почти все православные монастыри и храмы король Отефан Баторий.

Женский монастырь основан преп. Евфросинией кн. полоцкою, ею же сооружен и храм Всемилостиваго Спаса в этом монастыре.

5 Не точно:

"Woiewodztwo Pol. w herbie swoim nosi pogonia Litewska, w bialem polu, albo, jako inni chca, na czerwonej choragwi" (Hebrarz Pol. K. Niesieckiego, wyd. pr. Bobrowicza, I, 188).

6 Струнь.

7 Дрисса при р. Западной Двине, а не при р. Великой.

8 Мест. Освей.

9 В 1535 г. построены укрепления Себежа, а город существовал раньше.

10 В подлиннике: «в 1271 г.».

11 В подлиннике: «Жборг»; в русских летописях Крейцбург известен под именем Крыжбор.

12 Р. Режица.

13 В подлиннике: «1289 г.».

14 Люцин находится между двумя озерами: Большая и Малая Лужа.

15 Очевидно, имеется в виду известие Константина Багрянороднаго о «Bitizeĥe»; но это — Витичев, а не Витебск.

16 Не точно.

"Woeiewodztwo Witebskie nosi za herb meza na koniu bialym, rzad zloty, w polu czerwonem" (Herbarz Pol. K. Niesieckiego, wyd. pr. Bobrowich, I, 198).

17 В подлиннике: «Клибанской».

18 Мариавиток.

19 В подлиннике: «Ерзернц».

20 В подлиннике: «Колыши».

21 В подлиннике: «Глазомиги».

22 Эвикшта (Эвст)?

23 Оз. Пёно.

24 В подлиннике: «Якуб-штата».

25 В подлиннике: «Селебург».

26 В подлиннике: «Опочнискаго».

27 При описании Могилевскаго наместничества ничего не говорится о стекляных и железных заводах.

ВЗРЫВ 1964 года в ПОЛОЦКЕ ЯЗЫКОМ ДОКУМЕНТОВ:

Как и кем был уничтожен Николаевский кафедральный собор

Предлагаемые Вашему вниманию, уважаемый читатель, материалы рассказывают об уничтожении в Полоцке части комплекса бывшего иезуитского коллегиума (академии), более известного полочанам по своему предпоследнему функциональному назначению как кадетский корпус с кафедральным Николаевским собором (бывшим костелом св. Стефана).

Иезуитский коллегиум был основан в 1581 году по указанию Стефана Батория, короля Речи Посполитой, после захвата Полоцка (1579 г.) польскими войсками в Ливонскую войну. Мы не будем в данной публикации касаться истории этого учебного заведения, а ограничимся лишь краткими сведениями о постройке и назначении тех зданий, которые были уничтожены в 1964 году.

Костел св. Стефана был построен в 1733—1745 гг., каменные здания коллегиума начали возводить после 1750 года. В 1820 году коллегиум был закрыт, монахи ордена иезуитов были выгнаны. Постройки коллегиума были переданы ордену пиаров в 1822 и принадлежали ему до 1830 года.

5 февраля (ст. стиля) 1833 г. костел св. Стефана был переосвящен во имя св. Николая Мирликийского и стал православным собором, в зданиях бывшей иезуитской академии был открыт с 1835 года Полоцкий кадетский корпус. Из приписной церкви кадетского корпуса несколько позднее храм св. Николая стал кафедральным собором Полоцко-Витебской епархии.

После установления власти Советов собор был вскоре закрыт. Именно в это время началось систематическое его разрушение. В 1936 году были разобраны два верхних яруса обеих колоколен храма, при этом были уничтожены уникальные часы с боем работы виленского мастера Густава Мудни. Колокола были сброшены и того раньше — в начале 30-х годов. Но ничего не поделаешь — шла ведь культурная революция, и выполнялась антирелигиозная пятилетка, четко спланированная ЦК ВКП (б) и лично ее членом Емельяном Ярославским (Минеем Губельманом), председателем Союза воинствующих безбожников (СВБ), филиал которого не преминули открыть и в Полоцке. На оставшихся нижних ярусах колоколен позднее закрепили гигантский портрет «отца всех народов» Иосифа Джугашвили (Сталина).

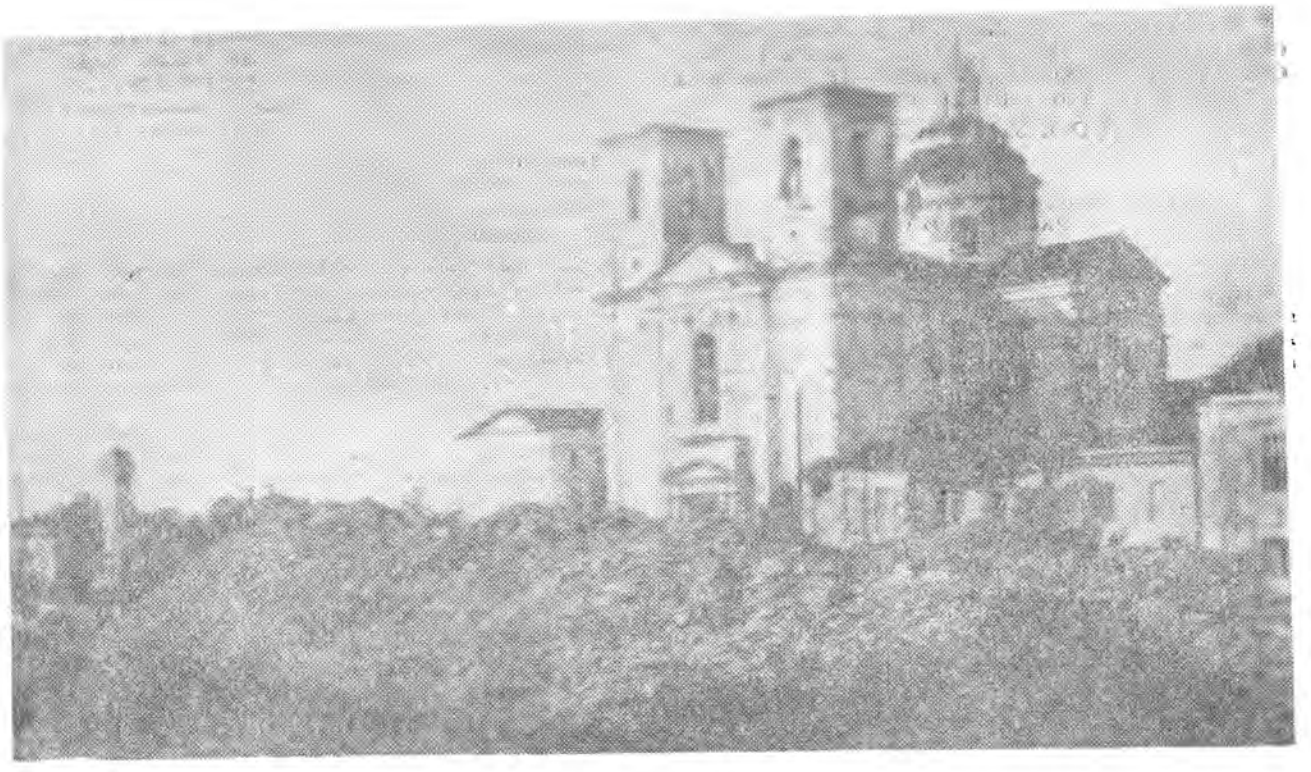
Войну, бомбардировки города авиацией обеих воюющих сторон и немецкую оккупацию 1941—1944 годов храм выстоял, но, видимо, по-прежнему мозолил глаза не только местным «интернационалистам-атеистам», но и даже председателю Совмина БССР Т. Киселеву и его заместителю В. Каменскому, как это видно из документов.

В 60-е годы нашего века страну захлестнула последняя, наиболее жестокая за послевоенные годы волна «борьбы с религией», опять-таки спланированная из ЦК «руководящей и направляющей силы нашего общества» верными идейными наследниками Маркса, Ленина-Бланка и Губельмана. Несомненно, именно ее жертвой и пал Николаевский собор, став одним из многих храмов-мучеников, испытавших на себе политику большевистской культурной революции.

Уничтожение храма произошло 9 или 11 января (дата требует уточнения) 1964 года.

Представленные здесь материалы найдены в Полоцком архиве в ноябре 1989 года только лишь при настоятельной просьбе предоставить в распоряжение документы исполкома г. Полоцка за 1963—1964 гг. — ведь сотрудники архива отрицали даже наличие каких-либо сведений об уничтожении части кадетского корпуса и собора св. Николая.

Итак, дадим теперь возможность ознакомиться с ними полочанам и всем желающим. Для начала предоставим слово Н. А. Клепацкой — председателю исполкома Полоцка, которая, как нам известно, делала попытки спасти памятник культуры, но они не дали результатов, т. к. ее действия не вписывались в рамки существовавшей тогда системы. В конечном итоге ей самой же пришлось подписать окончательный приговор храму.



Вид Николаевского собора до разрушения. Снимок 50-х годов XX в.

Публикацию документов и комментарии подготовил Л. Данько.

Ліст у рэдакцыю газеты „Сцяг камунізму"

Рэдактару газеты «Сцяг камунізму» Кавалеўскаму П. В.

У сувязі з тым, што многія палачане старэйшага пакалення маглі забыцца, а моладзь — не ведаць пра тое, як рашалася пытанне пра знос часткі былога Кадэцкага корпуса з саборам, прашу Вас надрукаваць гэты мой артыкул.

Размова пойдзе пра частку былога Кадэцкага корпуса з Мікалаеўскім саборам. Да і пасля Вялікай Айчыннай вайны ўвесь будынак знаходзіўся ў веданні вайсковых устаноў.

У 1944 годзе, пасля вызвалення Полацка ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў і ўтварэння ў верасні Полацкай вобласці, у гэтым будынку быў размешчаны шэраг абласных арганізацый і пражывала больш ста сямей палачан. У найбольш уцалелай частцы корпуса быў размешчаны шпіталь.

Пасля ліквідацыі Полацкай вобласці ў студзені 1954 года памяшканні, якія займалі абласныя арганізацыі, былі вызвалены, а сем'і працягвалі пражываць у вельмі цяжкіх умовах.

У гэты час гарвыканкому і гаркому партыі давялося вырашаць многа, часам зусім непасільных для таго часу праблем. Гэта — працаўладкаванне вызваленых пасля ліквідацыі вобласці работнікаў абласных арганізацый, якія не жадалі выязджаць з Полацка, і высяленне людзей з аварыйных памяшканняў Кадэцкага корпуса.

Прыкладна ў другой палове 50-х гадоў вайсковае ведамства вырашыла заняцца аднаўленнем Кадэцкага корпуса нібыта пад Суворaўскае вучылішча. Работы вяліся павольна, затым былі спынены.

У пачатку 60-х гадоў уся гэтая частка Кадэцкага корпуса была перададзена гораду. І паўстала праблема: што будзе далей — будынак разбураецца, па яму стала небяспечна хадзіць, але моладзь і дзяцей утрымаць было немагчыма, яны туды пранікалі ў любы час сутак, сталі частымі няшчасныя выпадкі ў сувязі з абвалами скляпенняў і сцен. Трэба было неадкладна прымаць пэўнае рашэнне: аднаўляць ці зносіць.

Гарком партыі і гарвыканком гэтае пытанне паставілі перад вышэйстаячымі арганізацыямі, таму што будынак стаяў на ўліку як гістарычны помнік і на аднаўленне патрабаваліся вялікія, мільённыя сродкі. Для рашэння гэтага пытання па нашай просьбе ў Полацку сталі з'яўляцца аўтарытэтныя камісіі з работнікаў рэспубліканскіх і абласных арганізацый. Усе гэтыя камісіі, а іх было многа, заўсёды суправаджалі я і архітэктар горада разам з адным з сакратароў гаркома партыі і, насуперак, часам даволі важкім довадам камісій, мы адстайвалі неабходнасць выдзялення сродкаў для неадкладнага аднаўлення і захавання гэтага будынка.

Апошнюю камісію ўзначальваў намеснік старшыні Савета Міністраў БССР В. Г. Каменскі, у яе складзе быў старшыня Дзяржбуда БССР В. А. Кароль і іншыя адказныя работнікі рэспубліканскіх і абласных арганізацый. Былі яшчэ і яшчэ раз дэталёва агледжаны ўсе памяшканні і ў катэгарычнай форме прынята рашэнне аб немэтазгоднасці і немагчымасці аднаўлення. На мае спробы запярэчыць і яшчэ адстайваць ранейшы пункт погляду В. Г. Каменскі ў рэзкай форме сказаў, каб я перастала выступаць у такім плане.

Так быў вырашаны лёс гэтых будынкаў.

Праз некаторы час мы атрымалі пастанову Савета Міністраў БССР аб выключэнні гэтых будынкаў з ліку гістарычных помнікаў. Пасля ўзрыву гэтых будынкаў утварылася каля 50 тысяч кубічных метраў «дабраякаснай цэглы і шчэбня, якія прадпрыемствамі і насельніцтвам на працягу года былі выкарыстаны на добраўпарадкаванне горада».

Н. Кляпацкая.

Друкуецца па выданню: «Сцяг камунізму» — орган Полацкага РК і ГК КПБ, раённага і гарадскога Савета народных дэпутатаў; 22 кастрычніка 1988 года: № 166 (10767), стар. 3.

ДОКУМЕНТЫ

1

(Герб БССР)

Совет Министров Белорусской ССР

РАСПОРЯЖЕНИЕ

от 1 марта 1963 года № 162-р

гор. Минск

Увеличить в 1963 году Витебскому промышленному облисполкому предельный объем строительно-монтажных работ, осуществляемых по централизованным источникам финансирования (без выделения материальных ресурсов) на 30 тыс. рублей целевым назначением на разборку развалин части бывшего кадетского корпуса в г. Полоцке за счет соответствующего уменьшения предельного объема строительно-монтажных работ по прочим организациям.

Председатель Совета Министров Белорусской ССР (без подписи) **Т. Кисилёв.**

Печается по экземпляру, хранящемуся в Полоцком архиве-филиале Витебского областного государственного архива. Фонд 658, опись 1, единица хранения 298, лист 99. Машинопись.

Заверено печатью Протокольной части Управления делами Совета Министров Белорусской ССР. В верхнем левом углу резолюция предисполкома г. Полоцка: «Тов. Колужонок И. В. Для исполнения. 6.III-63 т. Клепацкая».

Колужонок И. В. — зав. отделом городского коммунального хозяйства.

2

т. т. Клепацкая Н. А.
Детков Ф. С.
Жижель И. М.

Прошу это сделать.

26.VIII.1963

(В. Каменский — печать-факсимиле подписи).

Главное управление шоссейных дорог «ГУШОСДОР» при Совете Министров БССР

28 августа 1963 г.

Заместителю Председателя
Совета Министров
Белорусской ССР
тов. Каменскому В. Г.

Согласно Вашему распоряжению Гушосдором подготовлен технический проект на обрушение церкви бывшего Кадетского корпуса в гор. Полоцке.

Для этого необходимо обязать строительную организацию провести ограждение деревянными щитами церковь и 5-жилых здания в целях техники безопасности.

Обязать горсовет гор. Полоцка обеспечить эвакуацию людей на безопасное расстояние, а также обеспечить охрану производства взрывных работ и оцепление при взрывании силами милиции.

Обязать Гостехнадзор выдать разрешение на производство взрывных работ.

Начальник Гушосдора
при Совете Министров БССР (без подписи)
И. Григорович.

Верно: (подпись, вероятно, секретаря зам. пред. Совмина БССР).

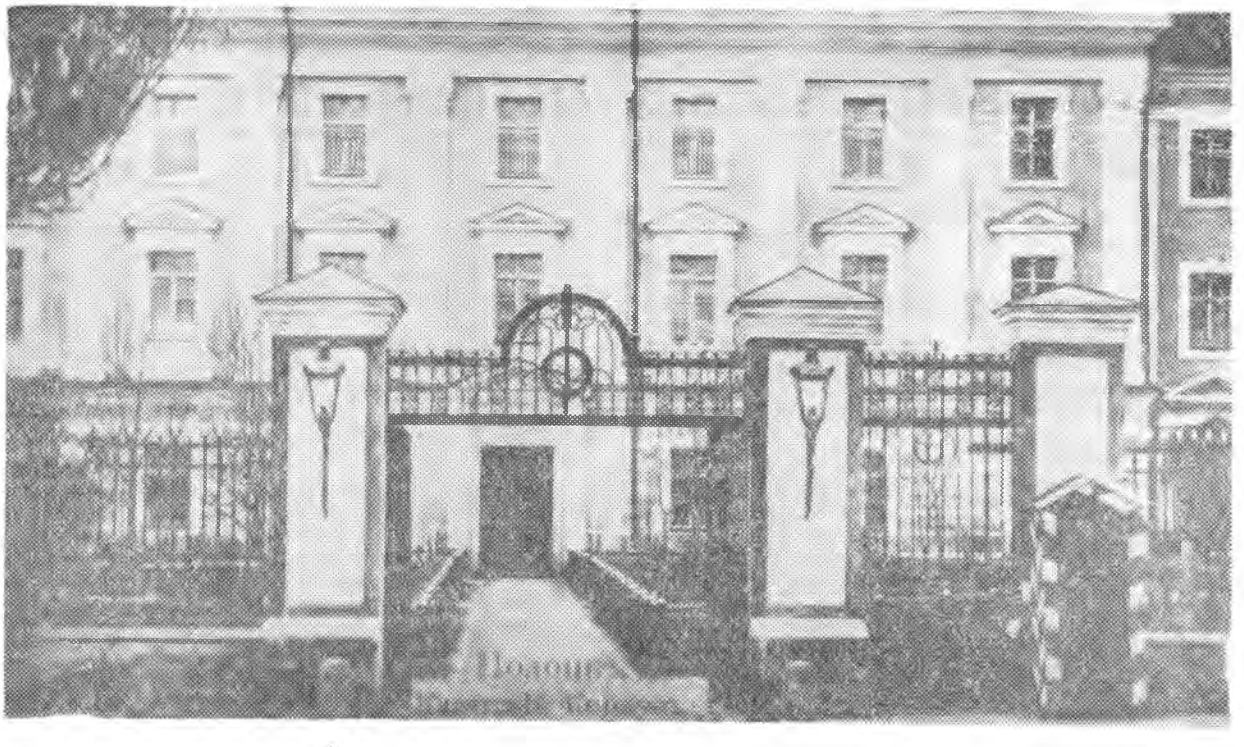
Печается по экземпляру, хранящемуся в Полоцком архиве-филиале Витебского областного государственного архива. Фонд 658, опись 1, единица хранения 298, лист 100. Машинопись.

В верхнем левом углу резолюция предисполкома г. Полоцка: «тов. Зинченко М. И., тов. Колужонок. Для исполнения. 31.VIII.63. Клепацкая».

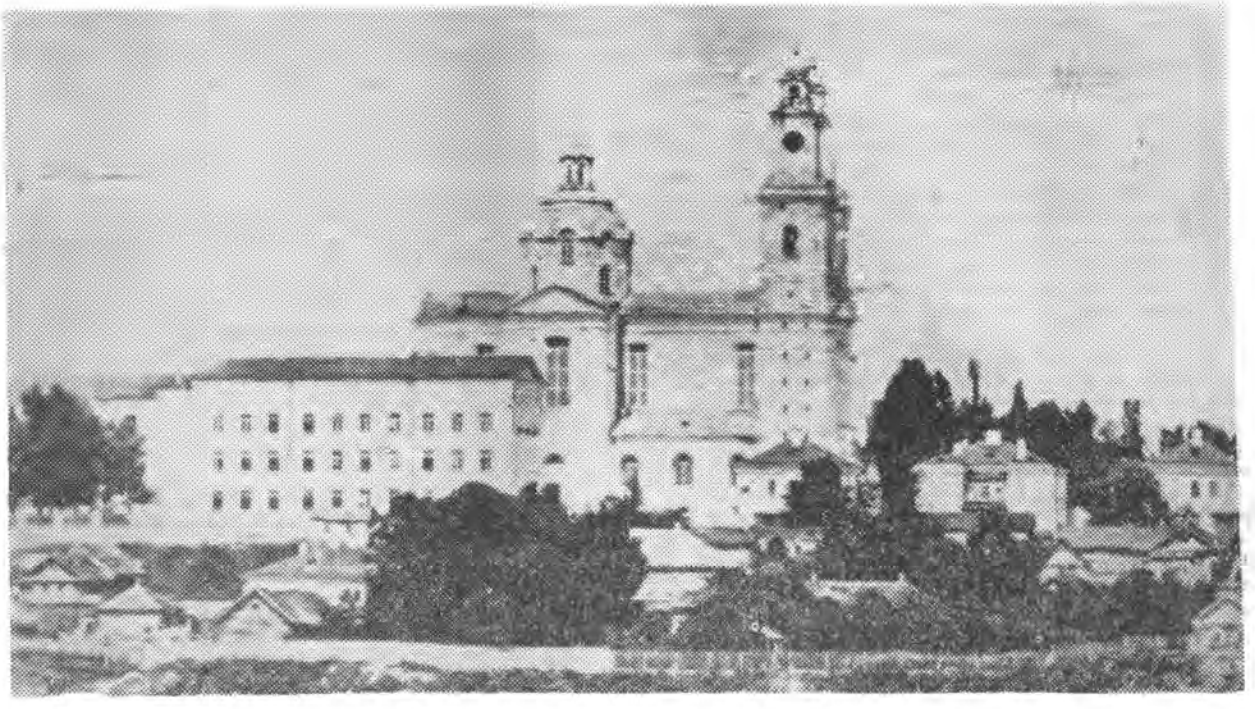
Зинченко М. И. — заместитель председателя исполкома Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся.

Колужонок И. В. — заведующий городского отдела коммунального хозяйства.

Детков Ф. С. и Жижель И. М. —?



Уничтоженное в 1964 году крыло здания Полоцкого кадетского корпуса с главным центральным входом. Снимок начала XX века (с почтовой карточки).



Вид Полоцкого Николаевского кафедрального собора из Задвинья. Фрагмент фотографии конца XIX — начала XX вв. (Увеличено).

Эта записка Каменского В. Г., заместителя председателя Совета Министров БССР, адресованная предисполкома Клепацкой Н. А., в которой он «просит это сделать», т. е. взорвать Николаевский кафедральный собор, является типичным документом периода коммунистической командно-административной системы. Вторая часть записки — машинописная копия письма начальника Гушосдора (Главного управления шоссейных дорог) при Совмине БССР И. Григоровича, руководившего подготовкой технического проекта взрыва по требованию властей.

Несоответствие дат можно принять за опечатку, и, вероятно, ее (т. е. записку) можно датировать не 26-м, а 29-м августа 1963 года.

3

Протокол № 20

Заседания исполкома Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся от 3-го октября 1963 г.

члены исполкома: т. т.: Клепацкая Н. А.
Петров П. П.
Абраменко И. С.
Лебедева А. М.
Артемьев А. Д.
Зязюля Е. В.

заведующие отделами т. т.: Колуженок И. В.
Федотенко П. И.
Лузгина А. И.
Кузьменко В. А.
Бохан В. Я.

Заседание состоялось под председательством т. Клепацкой Н. А.

Секретарь горисполкома т. Петров П. П.

Слушали: 10. О мероприятиях по сносу церкви и правого крыла бывшего кадетского корпуса.

Доклад заведующий городского отдела коммунального хозяйства т. Колуженок И. В.

Решили: Проект решения принять (решение № 328 прилагается).

(Герб БССР)

Исполком Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся

РЕШЕНИЕ № 328

3 октября 1963 г. Полоцк

О мероприятиях по сносу церкви и правого крыла бывшего кадетского корпуса.

Рассмотрев представленную техническую документацию на производство работ по сносу церкви и правого крыла бывшего кадетского корпуса на площади Свободы, — исполком городского Совета депутатов трудящихся

Р Е Ш А Е Т:

1. Утвердить снос зданий и церкви бывшего кадетского корпуса путем проведения взрывных работ.

2. Выполнение всех подготовительных работ по обрушению зданий и церкви возложить на комиссию в составе:

т. ЗИНЧЕНКО М. Н. — председатель комиссии, заместитель председателя горисполкома.

т. КОЛУЖОНОК И. В. — заместитель председателя комиссии, заведующий городского отдела коммунального хозяйства.

Члены:

т. ЛЮДЧИК С. И. — начальник городского отдела милиции.

т. ГЛАЗУНОВ Н. П. — главный архитектор города.

т. ВАСИЛЬКОВ П. Е. — главный инженер ремонтно-строительного управления № 4.

3. Обязать городской отдел коммунального хозяйства (зведующий т. КОЛУЖЕНОК И. В.) заключить договор на производство взрывных работ с ГУШОСДОРОМ при Совете Министров Белорусской ССР.

4. Обязать ремонтно-строительное управление № 4 (гл. инженер т. ВАСИЛЬКОВ П. Е.) подготовить запас оконного стекла 100 кв. метров и содержать на складе в резерве.

5. Обязать начальника городского отдела милиции т. ЛЮДЧИКА С. И. обеспечить оцепление опасной зоны и вывод людей на время взрыва из опасной зоны по согласованному списку с производителем

работ — представителем ГУШОСДОРА т. КАРАГОДИНЫМ А. И.

6. Обязать трест № 22 (начальник т. МИХАЛЁВ С. Е.) с началом буровых работ произвести ограждение объекта по указанию производителя работ т. КАРАГОДИНА А. И.

7. Обязать начальника ДЭУ-21 т. Яскевича Д. С. по согласованию с руководителем взрывных работ получить и сосредоточить на складе ВВ (взрывчатые вещества. — Ред.) и СВ.

8. Обязать начальника электросети т. КРАСИКОВА по указанию комиссии произвести отключение электросети, установку прожекторов и выделения аварийной команды на время производства взрывных работ.

9. Обязать управляющего водоканалтрестом т. САМУСЕНКА Т. Е. по указанию комиссии произвести отключение водопровода и выделения аварийной команды на время производства взрывных работ.

10. Обязать директора городского дома культуры предоставить помещение для размещения людей во время взрыва.

11. Назначить комендантом взрыва заместителя начальника городского отдела милиции т. ЯКУШЕНКО.

12. Утвердить план мероприятий по подготовке к производству взрыва.

Председатель исполкома Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся (подпись) (Н. Клепацкая).
Секретарь исполкома Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся (подпись) (П. Петров).

Печается по экземпляру, хранящемуся в Полоцком архиве-филиале Витебского областного государственного архива. Фонд 658, опись 1, дело 330, листы 2, 4, 25—27. Машинопись. Оригинал заверен печатью горисполкома.

4

[Герб БССР]

Исполком городского Совета депутатов трудящихся
Р Е Ш Е Н И Е № 344

18 октября 1963 г. г. Полоцк

О выделении средств горкомхозу на разработку развалин бывшего кадетского корпуса и об увеличении ассигнووаний горисполкому на хозяйственные расходы.

Исполком городского Совета депутатов трудящихся

Р Е Ш А Е Т:

1. Выделить горкомхозу на разборку развалин бывшего кадетского корпуса 30,0 тыс. руб. за счет перевыполнения доходной части бюджета города.

. . . . . .

Председатель исполкома Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся (подпись) (Н. Клепацкая).
Секретарь исполкома Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся (подпись) (П. Петров).

Печается по экземпляру, хранящемуся в Полоцком архиве-филиале Витебского областного государственного архива. Фонд 658, опись 1, дело 1, лист. 26. Машинопись. Оригинал заверен печатью горисполкома.

5

[Герб БССР]

Исполком городского Совета депутатов трудящихся
Р Е Ш Е Н И Е № 6

15 января 1964 г. г. Полоцк

О поощрении работников, участвовавших в выполнении спец. задания в городе Полоцке.

За хорошо выполненные работы по обрушению здания кадетского корпуса в городе Полоцке, — исполком городского Совета депутатов трудящихся

РЕШАЕТ:

1. Наградить ПОЧЕТНОЙ ГРАМОТОЙ исполкома городского Совета депутатов трудящихся

а) т. КАРАГОДИНА Алексея Ивановича — мастера ДСР-18 Гушосдора при Совете Министров БССР, руководителя спец. работ;

б) т. ДОЛГОШЕЯ Алексея Николаевича — рабочего мехкарьера № 6 Гушосдора при Совете Министров БССРР.

2. Объявить благодарность

а) капитану ШУЛЬЖЕНКО Григорию Яковлевичу — военнослужащему в/части № 14278;

б) т. ХОДАСЕВИЧУ Сергею Гавриловичу — начальнику ДСР-18 Гушосдора при Совете Министров БССР.

в) т. КУЛАКОВСКОМУ Николаю Афанасьевичу — рабочему мехкарьера № 6 Гушосдора при Совете Министров БССР.

г) т. ПОПУЦЕВИЧУ Вячеславу Михайловичу — шоферу мехкарьера № 6 Гушосдора при Совете Министров БССР.

Полоцкого городского Совета
Председатель исполкома
депутатов трудящихся (подпись) (Н. Клепацкая).
Секретарь исполкома
Полоцкого городского Совета
депутатов трудящихся (подпись) (П. Петров).

Печается по экземпляру, хранящемуся в Полоцком архиве-филиале Витебского областного государственного архива. Фонд 658, опись 1, дело 372, лист 16. Машинопись. Оригинал заверен печатью горисполкома.

ПОДЗЕМЕЛЬЯ ПОЛОЦКА: ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ

О подземных ходах, будто бы ведущих под рекой Двиной к церквам Задвинья из центра города и даже «аж до Киева», слышали многие полочане, и рассказы о посещении таких подземелий давно уже превратились в забавные легенды и выдумки. Чтобы хоть как-то пролить свет на этот счет, мы публикуем воспоминания тех людей, которые побывали в этих подземных коммуникациях, и достоверность приводимых ими фактов не вызывает сомнений.

Первый материал написан Почетным гражданином г. Полоцка Иваном Петровичем Дейнисом. Он представляет собою часть 8-го раздела (стр. 137—142) его работы «Полоцк в XX веке (1905 — 1967 гг.)», носящего название «Полоцк в период белопольской войны». Рукопись этого труда была передана автором в Полоцкий краеведческий музей 26 апреля 1972 года, ее объем 220 листов (или 433 страницы по авторской нумерации красным карандашом). Сейчас рукопись хранится в фондах Полоцкого историко-культурного заповедника (КП-5-2774).

В предисловии к этой работе Иван Петрович Дейнис написал буквально следующее: «Мои воспоминания не претендуют на научный труд, это описание города и ряда событий, прошедших перед моими глазами, и описаны они так, как они мне запомнились... Поэтому... в моих записях могут быть неточности в некоторых... датах, но факты, о которых идет речь, действительно имели место. Мне хочется, чтобы мои воспоминания о Полоцке оказали бы некоторую помощь тем лицам, которые занимаются или будут заниматься изучением истории Полоцка, поэтому отдаю их на хранение в Полоцкий краеведческий музей» (стр. 4 рукописи).

События, описываемые И. П. Дейнисом, происходили после осады Полоцка польскими войсками и оккупации его левобережной части (т. е. Задвинья) с 20 сентября 1919 года по 15 мая 1920 года.

Материал подготовлен к публикации м. н. с. Полоцкого краеведческого музея Л. Ф. Данько. Была произведена стилистическая правка, исправлены мелкие ошибки и выверена пунктуация.

ДЕЙНИС И. П.

Полоцкие подземелья

(выдержка из рукописи «Полоцк в XX веке: 1905—1967 гг.)

К событиям 1920 года относятся и поиски подземных ходов, о которых живет много легенд в народе. Инициативу этих поисков проявил особый отдел 15 армии, который некоторое время был расквартирован в Полоцке. Отдел был заинтересован узнать, каким способом польские шпионы во время осады города быстро передавали сведения польскому командованию. Одна из гипотез — это было использование подземного хода под Двиной, о котором было много легенд у населения города. Была создана комиссия по изучению этого вопроса из работников Отдела и от комиссии по охране памятников старины и искусства. Райисполком прикомандировал меня (т. е. автора, Дейниса И. П. — Ред.) и Курека В. И. Для производства нужных работ к комиссии был прикреплен взвод саперов. Были обследованы подвалы всех церквей и часовен на кладбищах, подвалы монастырей на обоих берегах Двины. Простукивались стены и каждое место, дававшее глухой звук, долбилось кирками и ломами, производились раскопки грунта в ряде подвалов, где зарождались подозрения у членов комиссии. Поиски установили, что никакого подземного хода под Двину нет, как и хода из-под Николаевского собора в Струнь, о чем имелся ряд легенд. Установлено, что из-под Николаевского собора к Двине действительно идет ход, сначала он высокий и широкий — можно идти вдвоем и не сгибаться. Ход начинался с южного отсека подвала, под южными дверями собора. Отсек имел оштукатуренные стены и своды, в то время как остальные части подвала не имели штукатурки. Вход был заложен когда-то кирпичом, но, видно, давно отбит. Пол хода лежал ниже уровня пола подвала. Стены хода выложены из кирпича, потолок хода — кирпичный свод, в котором в некоторых местах сделаны квадратные люки, заложенные досками. В правой стене хода, если идти вперед к Двине, имелась боковая кирпичная труба, впадающая в ход выше уровня пола и заплывшая песком и землей. Этот ход был завален под зданием корпуса (крыло, где был клуб Ленина). Завал был из строительного мусора — свод хода здесь был пробит и через пробоину засыпан. Завал был прокопан, и уже собрались через прокоп ползти, как вновь произошел обвал, когда из предосторожности вверх засунули лопату. Откопав завал и убедившись в надежности раскопа, поползли через завал и опять попали в такой же ход, но вскоре он окончился и перешел в узкий ход из кирпича, идущий куда-то вниз. Пробив свод большого хода, мы оказались в кладовой флигеля, стоящего в саду за корпусной стеной, идущей параллельно ул. Ленина. В этом доме живет теперь доктор Жалаховцев (Ленина, д. № 21). Начали спуск по этой трубе, по ней можно было только ползти. Стены и свод кирпичные, пол вымощен булыжником с ровком посередине, в потолке имеются люки квадратные, заложенные досками. Вскоре мы услышали шум улицы — голоса, шаги, грохот телеги, затем опять стало тихо, и вскоре путь окончился земляным завалом. Прокопаться не было возможности, т. к. копать надо лежа и некуда девать землю. Комиссия пришла к выводу, что это не является подземным ходом под Двину. Люки, хорошая слышимость улицы говорят о том, что это дренажная система, что подтверждается устройством дна этой трубы. Велось строительство наружным способом — рылись траншеи и делалась кладка с последующей засыпкой грунтом. Из беседы с жителями установили, что в эту трубу был сделан сток из уборной дома священика Антоневича (д. по ул. Ленина № 14). Труба кончалась на берегу Двины, но обвалом берега засыпана. Комиссия произвела замеры большого и малого хода и сделала план местности и нанесла на него ходы. С этим материалом я был направлен на консультацию к известному историку Витебского края т. Сапунову. Он, выслушав мою информацию и рассмотрев чертеж, сказал, что такие же сооружения имеются в Витебске на Успенской горе, где находится Успенский собор и Семинария. Иезуты имели хороших строителей, которые прежде чем возводить монументальные постройки, делали сооружения для отвода грунтовых вод, ликвидации плывунов. Для этого они рыли траншеи и закладывали главные магистральные линии, в которые впадали боковые мелкие линии, и все они

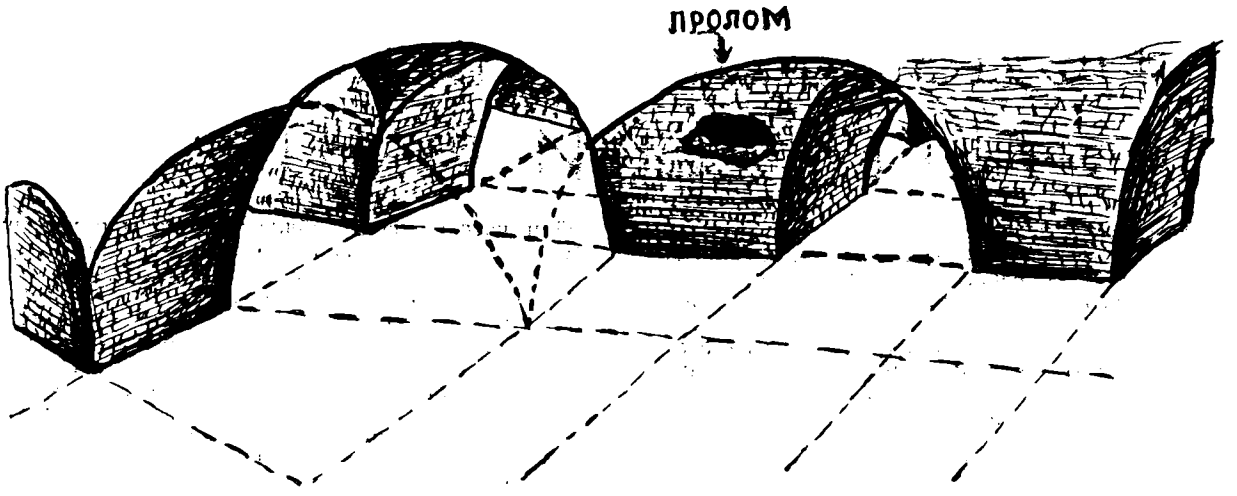


Рис. 1.

имели стоки к Двине, в один из таких стоков мы и попали. В Успенской горе есть несколько стоков, наверное, они есть и в Полоцке. О результатах консультации я доложил на заседании комиссии, и дальнейшие поиски подземных ходов были прекращены. Кроме того, выяснилось, что шпионы пользовались, наверное, телефонным кабелем через Двину, который при отступлении наших войск не был ликвидирован, чем и воспользовались шпионы для передачи информации за линию фронта.

Сапунов был прав, говоря, что подземные ходы — это осушительная система — дренаж. При разрушении ряда корпусных построек Николевского собора выяснилось, что магистральные каналы идут вдоль корпусных построек, например, получился провал такого канала у дома комендатуры, обнаружен был такой канал и вдоль Советской улицы. Эти каналы имели направление с запада на восток и осушали всю площадь застройки — кадетский корпус со всеми зданиями и флигеля вокруг площади, где теперь памятник Отечественной войны.

Такой же ход обнаружен и во время Отечественной войны в стене, укрепляющей площадь застройки корпуса вдоль Ленинской улицы. В Николаевском соборе, перед взрывом его, был обнаружен тайный ход в северной стене собора, и вел он в тайник под собором, вернее, под его входом, который закрывался железной дверью, запертой на висячий замок. Об этом подземелье и железной двери ходили легенды, но в 1920 году нам не удалось найти входа в него. Когда о тайнике стало известно властям и они проникли туда, дверь оказалась открытой уже, и ничего не нашли. Историки и археологи не удосужились обследовать этот тайник и ходы.

Можно предполагать, что иезуиты использовали эти ходы-дренажи для проникновения в любое здание иезуитской академии, что могли иметь подземелья для заключения своих врагов и преступников, а также и тайники для своих сокровищ.

Нами была найдена дренажная система эпохи иезуитов в Борисоглебском монастыре. Одна труба выходила на берег реки Бельчицы. В обследованных ходах мы нашли много подписей, фамилий и имен, ходивших по ним, видно, кадетов корпуса и других лиц, в малом подземном ходе к Двине нашли стражницкую нагайку — спиральную пружину со свинцовым шариком на конце. Из бесед со стариками, служившими в кадетском корпусе, известно, что кадеты любили лазить в подземелья и укрываться в них, поэтому директор корпуса Ваулин принял меры к их прекращению путем завала хода под зданием корпуса и замуровки ходов в подвалах корпуса и под собором, откуда начинался ход, был изолирован от был в один из них вновь открыт, хотя это могли сделать и другие искатели кладов, но некоторые были надежно перекрыты. Отсек подвала под собором, откуда начинался ход, был изолирован от остального подвала и оштукатурен — здесь, по преданию, находились мощи католического святого Андрея Боболи, пока собор был католическим костелом, а затем они были перенесены в притвор Доминиканского костела с ликвидацией костела св. Стефана и превращения его в Николаевский кафедральный собор. Направление некоторых ходов на восток породило легенды о подземных ходах в Струнь, где находилась загородная резиденция полоцких католических (ошибка — униатских. — Ред.) епископов, а спуски к Двине — о подземных ходах под реку с выходом в Борисоглебский монастырь или в Экимань.

Вторая часть публикации о подземельях — воспоминания Михаила Семеновича Андреева, ныне живущего в пос. Сельцо Брянской области. В годы описываемых событий ему было 14—15 лет. Михаил Семенович, несмотря на пенсионный возраст, многие годы занимается работой в кукольном театре, сочиняет пьесы, одна из которых получила премию на Всероссийском конкурсе и была поставлена в пятидесяти кукольных театрах нашей страны и даже в Болгарии. М. С. Андреев обладает прекрасной зрительной памятью, сам изготавливает куклы для спектак-

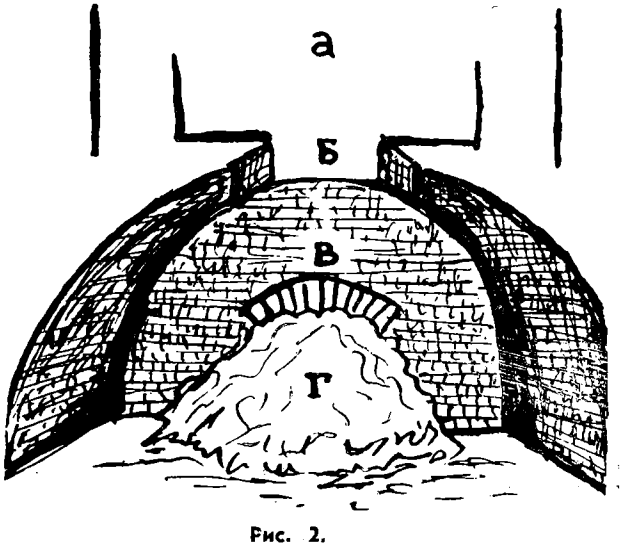


Рис. 2.

лей, неплохо рисует, и именно поэтому его воспоминания снабжены зарисовками, сделанными по памяти.

Во время переписки в 1987 году с редактором настоящего издания Михаил Семенович ответил на несколько вопросов по интересующей нас теме. Приведем здесь ответы:

1. Каким был спуск из подвала Николаевского собора в подземный ход — были ли это ступеньки, ведущие вглубь, либо он напоминал водосток с гладкой поверхностью?

Спуск в подземный ход был гладким (земляным), таким же, как пол подвала собора. Он, как и весь ход на том протяжении, которое было пройдено, был ровным, как пол; без выбоин и колдобин, по отношению к стенкам находился под прямым углом.

2. Было ли заметно при продвижении в подземелье сужение стенок по высоте и ширине?

На всем протяжении подземный ход и по высоте и по ширине был одинаков,никакого сужения ни по вертикали, ни по горизонтали не было. Даже не являясь специалистом, я с полной уверенностью утверждаю, что обнаруженный мною ход к дренажной системе отношения не имеет. Это я заключаю из следующего:

а) подвал собора, откуда начинался подземный ход, находился на такой высоте, куда не могли достичь ни грунтовые, ни половодные воды, а для оттока дождевых вод он был слишком объемен;

б) для дренажа не имело бы смысла делать ход слишком большой глубины. Вероятно, было бы достаточно вывести его на какое-то не очень большое расстояние ниже фундамента собора;

в) никаких признаков течения воды (размывов, наносов и т. п.) не было. Даже сырости не ощущалось. И пол, и стены, и тем более потолок были абсолютно сухими.

Итак, подведем итоги: пол в подземелье и подвале собора земляные и, как заметил в письме М. С. Андреев, плотно утоптанный, по высоте ход в рост человека, сухой. Дренаж это действительно мало напоминает, ведь если эта коммуникация использовалась как дренаж, земляной пол был бы подмыт водой, и свод хода дал бы осадку и обрушился. Стены хода, вероятно, опирались на деревянные лаги, врытые в землю.

Все сказанное здесь заставляет призадуматься о назначении этих подземелий. Видимо, это была совмещенная система ходов и дренажей.

Сейчас, когда пишутся эти строки, полным ходом идет разборка дома № 25 по ул. Ленина (Нижне-Покровской), располавшегося как раз у берега Двины под Николаевским собором. Дом был выстроен в XIX веке на старом фундаменте XVIII века, относящегося как раз ко времени постройки костела св. Стефана (Николаевского собора). В подвале этого дома видны проемы, заложенные более поздним кирпичом. Во дворе же, по рассказам местных жителей, когда хотели выкопать яму, наткнулись на кирпичный завал, использовали лом, но он пробил кирпич и ушел в пустоту. Следовательно, вопрос о подземных ходах до сих пор остается открытым.

О поиске и посещении подземного хода под р. З. Двина

В Полоцке — году, примерно, в 1926-27, будучи еще мальчишкой, я прослышал от старожилов города, что от Николаевского собора (находившегося на том месте, где сейчас стоит дом с магазином «Детский мир») имеется подземный ход, проложенный под р. Двиной на противоположный берег, в церковь, располагавшуюся перед нынешней психиатрической лечебницей.

Говоря об этом подземном ходе, старожилы рассказывали истории, как сейчас понимаю, во многом легендарного характера. Так, например, утверждали, что подземный ход имеет лабиринты, в которых якобы терялись люди; что будто бы там были какие-то западни в виде глубоких ям с перевертывающимися верхом, куда вроде бы проваливались «непрошенные гости»; что по пути подземного хода имелись помещения с кованными дверьми, запертыми массивными замками. Говорили, что тот подземный ход издавна посещали люди как в одиночку, так и группами. Рассказывали, что кому-то удалось вскрыть дверь запертого помещения. Когда туда вошли, будто бы увидели плоский камень, на котором стоял истлевший гроб со скелетом, а на груди скелета — массивный золотой крест.

Разумеется, все это не могло не взбудоражить мальчишеского воображения, не возбудить познавательного интереса.

В Полоцкой городской библиотеке мне удалось отыскать книгу (название и автора не помню), в которой довольно пространно рассказывалось о данном подземном ходе. Не все из слышанного мною подтверждалось в книге, но главное подтверждалось: подземный ход существует!

После этого я замыслил отыскать его и лично убедиться в его наличии. Вместе с одним из сверстников мы начали сборы в нашу «экспедицию» (приготовили факелы, шпагат и т. д.).

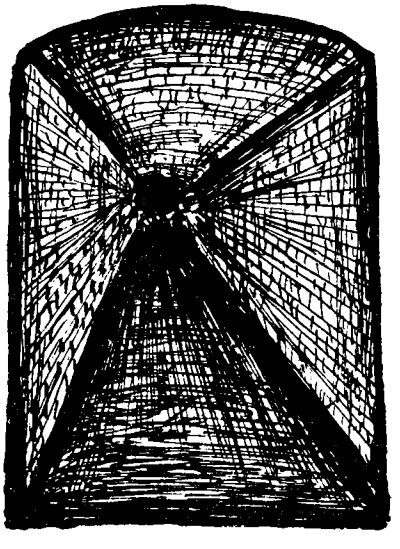


Рис. 3.

Дело было зимою. Мы отправились к Николаевскому собору. Обошли его вокруг, увидели, что все невысокие окна подвального помещения — заколочены досками. Не помню, — то ли мы оторвали доску, то ли обнаружили незаколоченное пространство, — так или иначе, но мы проникли в подвал. Он оказался не слишком высоким. Потолок представлял из себя многочисленные своды, опиравшиеся на достаточное широкие — вероятно, около 4-х метров — квадратные (в плане) столбы, отстоящие друг от друга на не очень большом расстоянии и образующие собою, как бы отдельные отсеки. Выглядело это схематически примерно так: (Рис. 1.)

Мы долго блуждали по отсекам в поисках входа в подземелье. В одном месте мы обнаружили пролом в стене во внутрь столба (на рисунке — темное пятно). Заглянув туда, мы увидели, что столб — полый и в нем на земле валяются человеческие кости, в т. ч. черепа. Мы пролезли в пролом, и среди костных останков нашли бедреную кость некогда сломанную и неровно сросшуюся, а также череп. Носовая и глазные впадины в нем были залиты свинцом. Эти находки мы взяли с собой.

После того поиск подземного хода продолжался. Наконец, в одной секции мы увидели, что стены ее исписаны углем, красками, мелом и т. п. Запомнилась надпись, приблизительно такого характера: «Здесь были кадеты...» указывались фамилия и дата. (Если память не изменяет, стояло: «1910 г.»). Аналогичными были и др. надписи.

Соседняя секция представляла собой основание южной колокольни и выглядела приблизительно так: (Рис. 2)

В потолке секции был открытый проем («б»), через который виднелось внутреннее пространство колокольни («а»). У стены под проемом мы увидели кучу сухого мусора («г», видимо, сметенного сюда из внутреннего помещения собора. Мы обратили внимание, что под кучей мусора виднеется кирпичная кладка, характерная для арки (свода «в»). Когда расчистили верх мусорной кучи, — открылся ход в подземелье. Это был коридор, заметно наклоненный в сторону р. Двины. Стены и потолок выложены красным кирпичом. Пол — земляной, плотно утрамбованный. (Возможно, под слоем земли — кирпичный?) Ширина коридора (хода) — приблизительно 130-140 см, высота такова, что до потолка можно было достать рукой. На потолке, между кирпичной кладкой было много летучих мышей.

Мы прошли по ходу — как мне сейчас представляется — метров 300-400. Ход был прямой, без поворотов и ответвлений.

Наконец, мы дошли до того места, где потолок (возможно и верх стенок) оказались обрушенными и находились в воде. Пройти дальше возможности не было. Мы вернулись. Прихваченные с собою бедренную кость и череп с залитыми свинцом впадинами сдали в краеведческий музей.

Так завершился наш поход в подземелье. На последнем рисунке (рис. 3) — приблизительный вид подземного хода. В конце его обозначен обвал. Конечно, в действительности, при свете факелов такой видимости не было. Все было погружено в темноту.

М. АНДРЕЕВ.

13 мая 1987 г., п. Сельцо.

В 1991 году, исполнилось 80 лет со дня смерти известного исследователя истории Полоцка, преподавателя Полоцкого кадетского корпуса Ивана Ивановича Долгова. К сожалению, это имя сейчас забыто полочанами, и даже его могила, находившаяся в Спасо-Евфросиниевском монастыре, была уничтожена в известные годы. Чтобы хоть как-то восполнить имеющуюся лакуну, мы печатаем статью о жизни и деятельности Ивана Ивановича, написанную Д. Леонардовым, автором работы «Полоцкий князь Всеслав и его время». В дальнейшем мы надеемся вернуться к изучению деятельности И. И. Долгова. Статья Д. Леонардова печатается по изданию: Полоцко-Витебская старина. Издание Витебской Ученой Архивной Комиссии. Кн. 1. — Витебск. Типография Насл. М. Б. Неймана, 1911 г. — Стр. 1-11 (по раздельной пагинации).

ПАМЯТИ
действительного члена Витебской Ученой Архивной Комиссии ИВАНА ИВАНОВИЧА ДОЛГОВА
† 5 октября 1911 г. в г. Полоцке

Я только что возвратился из Полоцка, где был свидетелем и соучастником тех выражений общественной скорби, симпатии и уважения, с которыми этот старый белорусский город провожал к месту упокоения — в древний Спасо-Евфросиниевский монастырь — прах преподавателя Полацкаго кадетскаго корпуса Ив. Ив. Долгова, известнаго старожила и летописца этого города.

Торжественно-величавая религиозная церемония, масса венков от разных общественных учреждений и отдельных лиц, сосредоточенно-печальныя многочисленные толпы полочан, грустныя-милыя лица отзывчивой учащейся молодежи: кадет, учениц местной женской гимназии и епархиальнаго училища — тихия похоронныя мелодии кадетскаго хора и стройно-мощные звуки маршей и гимнов, — все это соединялось в одну прекрасно-гармоническую картину, как бы наглядно иллюстрируя тяжесть той потери, которую все полоцкое общество понесло в лице Ивана Ивановича.

«Долгов умер»... Эта весть, как громом, поразила всех, кто знал, кем был Ив. Ив. Долгов для Полоцкаго кадетскаго корпуса, как старший и лучший его преподаватель, для города Полоцка, как общественный деятель, и для всех, его знавших, как человек редкой по доброте и отзывчивости души.

Со смертию двух «словесников»: Ив. Ив. Долгова и Г. Г. Левицкаго. Полоцкий кадетский корпус как будто совершенно изменил свой духовный облик. На месте кафедры русскаго языка с его словесностью образовалась зияющая томительно-жуткая пустота. В жизни корпуса как бы закончился целый период прошлаго двадцатипятилетия...

Город Полоцк в лице Ивана Ивановича потерял своего «Нестора», так как положительно нельзя себе представить ни одного события, происшедшаго в этом городе за последнее двадцатипятилетие, начиная с самых крупных, в роде перенесения мощей преп. Евфросинии, и кончая самыми мелкими, в виде очереднаго заседания городской думы, без того, чтобы Ив. Ив., подобно эху, не отзывался на все печатным или устным словом своим.

Все друзья и знакомые, посещавшие гостеприимный кров И. Ив., лишились в нем не только радушнаго хозяина, славившагося своим широким, чисто русским хлебосольством, но главное человека редкой доброты, всесторонней эрудиции и осведомленности в литературе, науке и искусствах, остроумнаго собеседника и благодушнаго юмориста по поводу отрицательных проявлений русской действительности...

Духовная структура покойного Ив. Ив. была сложна, своеобразна и оригинальна. Подобные, как Иван Иванович, типы людей не так часто могут повторяться в социальной и классовой психологии. Необычайная впечатлительность чувства, — чувства искренняго, горячаго и пылкаго — господственно подчиняла себе всесторонне развитой, превосходно образованный и даровитый интеллект Ивана Ивановича. Такое преобладание чувствовательной силы души над интеллектуальной и было, между прочим, одним из главных стимулов для тех неустанных проявлений волевой энергии, которыми Иван Иванович так удивлял своих сослуживцев, знакомых и друзей. Мне кажется, что именно здесь дана разгадка вечно-юношеской настроенности Ивана Ивановича, его кипучей жизнедеятельности, ненасытнаго интереса ко всему новому и редкой способности на все отзываться, на все так или иначе реагировать. То была какая-то огневая натура и она вся соткана была из порывистых стремлений к прогрессу, к свету, к знанию, к красоте в искусстве, природе и человеке... Целую четверть века, как свеча, горел Иван Иванович в славном своею стариною, но глухом уездном городе. Ни узкость и мелкость интересов провинциальнаго общества, ни монотонная тягота учительскаго труда, ни потеря до-

рогих жизней (напр. жены), ни, наконец, появление зловещих признаков переутомления сердца от несоразмерной затраты и духовных и физических сил, — ничто не могло погасить этой свечи, пока она не была потушена губительным ураганом смерти. Но с самых первых дней своей службы в Полоцке и до последнего своего вздоха Долгов остается в воспоминаниях полочан типом цельного человека, умершаго, как стойкий часовой, на своем посту, в неизменной верности самому себе. Достаточно сказать, что в самые последние дни своей жизни Иван Иванович мечтал записаться в студенты Витебского отделения Московскаго Археологическаго Института; предполагал начать раскопки на месте обнаружения в Спасо-Евфросиниевском монастыре древней кладки неизвестнаго здания (XI—XII в. в.); горячо интересовался делами общества вспомоществования недостаточным воспитанницам епархиального училища, где был избран товарищем председателя; поднимал вопрос о возобновлении такового же общества в Полоцком мужском духовном училище; произвел интересную археологическую разведку под одним из курганов села Ситна, Полоцкого уезда; приобрел от крестьян этого села коллекцию старинных монет для корпуснаго музея; накануне смерти, вечером, прочел кадетам в корпусе лекцию в общественном собрании, предложил литературное чтение своим сослуживцам, во время их кружковаго вечера... Эта несокрушимая энергия духа в хилом телесном организме накануне смерти, среди уже начавшихся роковых приступов сердечной болезни, производит впечатление удивительной красоты и невольно располагает любоваться выдержанностью человеческого характера.

Вышеуказанное преобладание в духовном складе Ивана Ивановича горячаго чувства над холодно-рассудочным рефлексом, создав из его характера любопытное соединение впечатлительной пылкости сангвиника и кипучей энергии холерика, повидимому, имело решающее влияние на развитие в нем редкаго эстетическаго вкуса. Всю жизнь свою Долгов проработал в скромной роли преподавателя провинциальнаго корпуса. Конечно, не недостаток честолюбия был причиной этого. Нет! Иван Иванович был горячо и страстно привязан к своей кафедре; в его душе вечно горел какой-то неугасимый юношеский восторг пред дивно-прекрасными произведениями русской и иностранной словесности, царил своеобразно-благоговейный культ перед корифеями русскаго слова... В Полоцке не было человека, который с таким жаром, как Иван Иванович, увлекался бы всеми новыми явлеинями в мире изящной словесности, так что в его библиотеке всегда можно было отыскать последния новинки текущаго литературнаго сезона, просмотреть наиболее интересныя книжки современных журналов. Но покойный, по самому свойству своего темперамента, не мог ограничиться одною областью изящной летературы. Иван Иванович был «эстет» и художник в широком значении этого слова. Он любил все красивое, увлекался прекрасным везде, где бы ни встречал его: в искусстве, в природе, в жизни, в людях... Это именно свойство души Ив. Ив. лежало в основании всей его житейской философии, философии оптимиста, идеализировавшаго жизнь людей и закрывавшаго глаза на темныя стороны печальной действительности... Как эстет и художник, Иван Иванович не мог равнодушно пройти мимо памятников архитектуры или скульптуры, не мог спокойно разсматривать красивыя картины, редкие портреты или иконы, не мог любоваться величественными панорамами природы без того, чтобы тотчас же ни приобрести с них фотографий, фототипий или открыток, которыя затем присоединялись к его многочисленным и красивым коллекциям. Культурные ландшафты Европы и Германии, священные виды киевских холмов, церквей и монастырей, горные пейзажи Ай-Петри, Ялты, Алупки, Гурзуфа и Ливадии, широкия панорамы Поволжья, идиллические уголки красавицы-Украйны и массивныя громады Кавказа, памятники Полтавы, обороны Смоленска и бастионы Севастополя, — все это видел Иван Иванович, во время своих путешествий и экскурсий и всем увлекался с чисто юношеский страстью художника, которая обнаруживала в нем тонко-развитое «чувство природы». Благодаря своему всестороннему эстетическому вкусу, Иван Иванович был также редким знатоком, ценителем театра, музыки, пения и декламации.

Этическая сторона духовнаго облика Ивана Ивановича — тоже весьма характерна. По рождению петербуржец—он по службе был полочанином. Но его вечная жизнедеятельность, необычайная подвижность, его кипучая суетливость и всесторонняя отзывчивость обличали в нем петербужца-северянина. Воспитанник петербужскаго университета — Долгов жил и умер «старым студентом». То был тип не студента-политикана, а студента-идеалиста. Демократ по образу жизни и материальным потребностям, Иван Иванович был чужд узкаго политиканства и, обыкновенно, с благодушно-юмористическим остроумием беседовал о бурных схватках между крайними политическими партиями. Будучи человеком европейски образованным, путешествовавшим за границу, свободно говорившим и читавшим на иностранных языках, Иван Иванович имел широко прогрессивные убеждения, хотя, по свойствам своей художественно-настроенной психики не всегда мог осмыслить задачи националистической политики... Как старый студент-идеалист, Иван Иванович и умер «безсребренником». Покойный смотрел на деньги только как на орудие, как на средство для удовлетворения высших потребностей человеческого духа. Вне этой сферы деньги для него цены не имели: он тратит их больше, чем у него было. «Долгов, кроме долгов, ничего не имеет», — так иногда острил покойный касательно своих материальных и имущественных дел.

В мире педагогическом Иван Иванович Долгов был крупною и недюжинною величиною. То большое дело, тот редкий служебный подвиг, которые он совершил в качестве преподавателя Полоцкаго кадетскаго корпуса, конечно, рано или поздно найдут для себя должную оценку у будущих историков корпуса. Но этот подвиг Долгова органичаски-неразрывно связан со светлою личностью его близкаго друга — Г. Г. Левицкаго. Один — питомец севера (Петербурга), другой — юга (Одессы), эти два преподавателя в подлинном смысле были «столпами» учебнаго дела в Полоцком корпусе. Будучи как Орест и Пилад, связаны между собою тесною дружбой, Долгов и Левицкий работали на одной и той-же ниве с редкою согласованностью в действиях и приемах. В то время, как в корпусе сменилось шесть директоров, — Иван Иванович и Георгий Гаврилович оставались безсменными могиканами на своих постах. В корпусе разнообразились начальственно-административныя веяния, — но эстетическое развитие кадет неизменно находилось в одних и тех же руках. Такое постоянство в столь важном деле, основанное притом на согласованности методических приемов, было явлением безусловно редким в педагогии и, конечно, не могло не сопровождаться благотворными последствиями. Сотни офицеров-полочан, для которых Иван Иванович и Георгий Гаврилович сделались как бы «крестными отцами» в их эстетическом развитии, конечно, с теплыми чувствами будут вспоминать об этих идейных сеятелях, вложивших в их сердца первыя семена «разумнаго, добраго и вечнаго»...

Но, кроме корпуса, Иван Иванович работал еще и в других учебных заведениях Полоцка: женской гимназии. Спасо-Ефросиниевском училище и пр. Преобладающим качеством отношений Ивана Ивановича к учащейся молодежи была сердечность, как естественное следствие интенсивной деятельности

в нем чувства вообще. К своей аудитории Долгов так-же скоро и сильно привязывался, как и она к нему. Повидимому, вследствие этого, он и был несколько склонен к идеализации своих слушателей и слушательниц... Весьма чуткий к мнению учащейся молодежи, Иван Иванович решительно не был способен превращаться в холодного педанта. Буква учебника, программа или распоряжение циркуляра никогда не вызывали у Ивана Ивановича излишней переоценки. Поэтому-то уроки Долгова носили на себе ярко-субъективный отпечаток его художественной психики. Одинаковое впечатление производили и публичныя выступления Ивана Ивановича: его речи, лекции и чтения. Когда вы слушали Долгова, то не столько широта синтеза или глубина анализа привлекали ваше сердце к оратору, сколько именно неподдельная искренность его суждений, непосредственность горячаго чувства и непреклонная убежденность тона. Предмет речи как бы поглощался личностью говорящаго, тем более, что вы видели пред собой не сухого систематика мертвящей буквы, а страстно увлекающагося художника живого слова...

Наиболее рельефно сердечное отношение Ив. Ивановича к живым запросам любознательной молодежи высказывалось во время приема им в Полоцке иногородних экскурсий, а также во время путешествий собственно полоцкой молодежи в те или другия отечественныя палестины. Иван Иванович был незаменимый руководитель по обозрению полоцких древностей для экскурсий из г. Витебска, напр. воспитанников Витебской духовной семинарии и воспитанниц местных гимназий. С неподдельным увлечением истоваго археолога повествовал полоцкий «Нестр» об особенностях архитектурного стиля и живописи древняго храма Пречистаго Спаса, о художественных драгоценностях Креста преп. Евфросинии, о картинах и иконах полоцких соборов о древней кладке и плане полоцкой Софии (1187 г.), об остатках древняго храма св. Параскевы в Борисоглебском монастыре, о титанической борьбе под Полоцком Грознаго царя и короля польскаго, о кровавых боях графа Витгенштейна с маршалом Сен-Сиром и пр. Горячая любовь к славной истории седого города сквозила в каждом слове, в каждом жесте Ивана Ивановича и, неудержимо захватывая отзывчивыя сердца белорусскаго юношества, будила в них святыя чувства патриотизма и вызывала на искреннюю благодарность своему руководителю... Из образовательных экскурсий собственно полоцких учебных заведений крупное значение имели две: воспитанниц полоцкой женской гимназии в Малороссию и Крым и кадет Полоцкаго корпуса в Москву, Поволжье и Кавказ. В первой — Иван Иванович был ответственным руководителем во второй — лицом сопровождающим. Руководя гимназической экскурсией, Иван Иванович живостью, веселостью и благодушием своего характера сумел придать ей какой-то жизнерадостный тон и вместе с тем чисто художественный отпечаток, чуждый систематической сухости и планомерности... То было удивительно красивое и богатое впечатлениями путешествие — по святым холмам Киева, историческим полям Полтавы, славным бастионам Севастополя и живописным скалам крымскаго побережья... В качестве руководителя этой экскурсии, Иван Иванович во всех участниках ея оставил по себе память не одною только необычайною выносливостью, но главным образом благодушно спокойным перенесением невзгод и неудобств, сопряженных с такого рода путешествиями. Человек, привыкший, как «эстет», окружать себя в обычной житейской обстановке, уютом, красивыми картинами, изящными вещицами и цветами, Иван Иванович превращался во время экскурсий в сурового спартанца. Делал это он вполне сознательно: ради идеи самоотверженнаго служения образовательным задачам экскурсии. В этом отношении нельзя не вспомнить про ту печальную, антигигиеническую обстановку, среди которой, вследствие недостатка помещения, стоически прожил лично Иван Иванович во все время пребывания полоцкой экскурсии в Пушкинском училище г. Ялты...

Как общественный деятель, Иван Иванович слил свою личную жизнь с жизнью стараго города. Он нашел для себя в Полоцке вторую родину и привязался к ней гораздо больше, чем к первой. Иван Иванович любил Полоцк, любил, по собственному его признанию, ради радушия и сердечнаго отношения к себе тех интеллигентных семейств, где его умели ценить и где он находил для себя отдых от неустаннаго труда. Кроме того, Долгов прекрасно понимал, что имя его
и положение его вполне авторитетно именно в Полоцке. Действительно, теперь как-то странно представить себе город Полоцк без Долгова. По крайней мере, полочане до того привыкли к общественным выступлениям Ивана Ивановича, что его отсутствие на каком-либо важном собрании вызывало чувство недоумения. Кажется, не было в Полоцке ни одного об-ва или учреждения, где бы Долгов не состоял действительным членом. Общество полочан, церковное браство, Полоцкое благотворительное общество, общество вспомоществования учащейся молодежи, вольно-пожарное общество, комиссия по разбору местных архивных документов, комитет по ремонту Софийскаго храма, Полоцкое отделение Краснаго Креста, Полоцкое отделение Епархиального Совета, — вот те главныя учреждения, где работал Иван Иванович. Все, кто ни посещал Полоцк с научными или другими целями: археологи, историки, писатели, этнографы, артисты, комиссионеры научно-художественных изданий, — обычно направлялись, руководимые городскою молвою, к гостеприимному полоцкому старожилу, чтобы найти у него удовлетворение своим духовным и материальным интересам. Бедняки, ищущие помощи в благотворительных обществах, люди, впавшие в острую денежную нужду, шли к Ивану Ивановичу, и он с редкою доверчивостью отдавал свое авторитетное имя для таких или иных поручительств... Редкий благотворительный вечер в пользу городской бедноты или же учащейся молодежи обходился без участия Долгова, который был прекрасным чтецом и выдающимся декламатором.

Для общественной жизни Полоцка горячее сердце Ивана Ивановича всегда было самым звучным эхом. Когда высшая администрация, напр., обратила внимание полоцкого самоуправления на вопрос о праздновании тысячелетняго юбилея города (со времени собственно перваго упоминания Полоцка в Киевской летописи), то Долгов буквально поднял на ноги все ученые силы города и привлек их к обсуждению этого вопроса в городской думе... Крупна и почетна была роль Долгова и в знаменательном для белорусскаго края событии перенесения св. мощей пр. Евфросинии на Ея родину. Не всем, может быть, известно, каким пламенным, убежденным сторонником этой идеи был Ив. Ив. Долгов. Преосвященный архиепископ иркутский (бывший полоцкий) говорил, что первый человек, от которого услышал он о перенесении в Полоцк св. мощей пр. Евфросинии, был «добрый христианин Иван Иванович». Все те, кто присутствовал на годичном празднике 23 мая в Спасо-Евфросиниевской обители, вспомнят, что редкий из своих красноречивых тостов за св. обитель Иван Иванович не заканчивал восторженно-воодушевленным пожеланием возвращения мощей Преподобной под сень храма, созданнаго Ея руками. В незабвенные дни всенародных полоцких торжеств Иван Иванович работал с необычайной энергией. Он участвовал в выработке церковнаго церемониала полоцких торжеств, в комитете по приему почетных гостей и паломников; был редактором издававшагося по его инициативе «Братского церковнаго листка», гостеприимно принимал у себя представителей иногородней прессы и пр. Мощная волна религиозно-

народнаго воодушевления всецело захватила впечатлительную душу Ивана Ивановича. Он весь ушел в восторженно-созерцательное настроение и как-бы не принадлежал самому себе. Трогательное зрелище встречи Преподобной всем городом глубоко потрясло, конечно, не одного Ивана Ивановича... Но он смотрел на эту величавую картину не как только на одно выражение господства Церкви Православной. Для Долгова, как «эстета», то была, кроме того, некоторая художественно-религиозная поэма, красивая и поэтическая страница в истории белорусскаго народа...

В последний год Иван Иванович горячо увлекался вопросом о ремонте Полоцкаго Софийскаго собора, будучи деятельным членом строительнаго комитета, образованнаго для этой цели. Среди старых полочан-воспитанников корпуса — и полоцких горожан, заметно обнаружились по этому вопросу два течения: одно — за полную реставрацию древней Софии в византийском стиле «с семью верхами» (генер. -лейт. Н. Н. Кайгородов), другое — за капитальный ремонт современнаго храма, построеннаго в изящном западном стиле. Глубокий ценитель искусства, Иван Иванович горячо стоял за сохранение современной Софии и был решительным противником перваго проекта. Он почитал за совершенную утопию самую мысль о реконструкции прежней Софии, вследствие утраты старых ея планов и крайней скудости исторических известий о ней. Однако, изследования старой кладки собора академиком Покрышкиным, открытие ген. лейт. Кайгородовым древняго орнамента в основании одной древней колонны прежняго храма, а главное: весьма большой район распространения древней кладки во все стороны подземелья, привели, повидимому, ген. -лейт. Н. Н. Кайгородова и Ив. Ив. Долгова к примирению на том, что необходимо возбудить новое ходатайство об устройстве особой подземной Софии или в виде церкви крипты, или, по меньшей мере, в виде часовни, с обнажением сохранившейся кладки древних колонн и стен, подобно церкви Херсонисскаго монастыря где, по преданию, крестился князь Владимир.

Нельзя не пожелать, чтобы эта богатая идея была осуществлена, так как полоцкий Софийский холм был некогда сердцем для всей белорусской земли...

С открытием в Витебске Ученой Архивной Комиссии, Иван Иванович сделался ея деятельным членом, горячо — идейно преданным високим ея задачам. Особенно прельщала его мысль о совместной и дружной работе членов Комиссии над изследованием курганов и погребений финскаго и славянскаго племен в пределах Витебской губернии. Именно во исполнение этого и была предпринята им незадолго до смерти археологическая разведка курганов села Ситна... О сердечном отношении Ивана Ивановича к идеалам Комиссии свидетельствует и тот дорогой памятник, который он оставил по себе еще в прошлом году, в благословение будущим ученым труженикам Комиссии. Это памятник есть та художественная икона пр. Евфросинии, освященная при мощах Ея, которая ныне помещается в библиотеке Комиссии. В настоящий момент нельзя без трогательных чувств ни вспомнить о тех ласково-приветливых благопожеланиях, которыя просил Иван Иванович, вместе с этой св. иконой, передать Комиссии, не имея возможности сам лично прибыть на ея заседание, будучи прикован к постели роковым недугом... Потеря, понесенная в лице Ивана Ивановича Витебской Комиссией, тем более чувствительна, что покойный был не только глубоким знатоком полоцких древностей, но и горячим сторонником сохранения их в неприкосновенной целости. Иван Иванович сердцем и душою всегда жил в болорусском Иерусалиме: в Спасо-Евфросиниевской обители — под сенью Спасскаго храма, этого дивнаго по простоте стиля и замечательной сохранности памятника восточно-русскаго зодчества XII века. Но в то же время, как истинный художник, Иван Иванович постоянно восхищался и замечательными типами западнаго зодчества в г. Полоцке: восторгался красивою массивностью, необозримым куполом и великолепными сводами Николаевскаго собора, воздушною легкостью фигуры и таким изяществом контуров Софии Полоцкой... Из полочан многие уже стали забывать ту юго-восточную часть древняго города, расположенную по ручью Бельчице, где некогда жили в своих теремах полоцкие князья и где, следовательно, находился административный центр для целаго полоцкаго княжества (ср. Историю Полоцка или Северо-Западной Руси. Москва 1872 г, стр. 315, проф. Беляева). Но Долгов всегда сохранял у себя, как дорогую святыню, камни и кирпичи от древней церкви св. Параскевы, которая находилась в этой местности. Он горячо ратовал за то, чтобы развалины этого храма были приведены в надлежащий порядок: были освобождены от земли и мусора, огорожены металлической решеткой и покрыты навесом. Иван Иванович даже мечтал совершить обкопку этих священных руин с помощью учащейся кадетской молодежи...

Долгова не стало... Его кости положены на историческом месте: возле нетленных останков небесной Покровительницы белорусскаго края. Как горячий сторонник возвращения Преподобной в родной край, как редкий старожил славного города, Ив. Ив. Долгов вполне заслужил для себя это святое место.

Спи же спокойно, неустанный труженик: ты заслужил себе вечный покой. Спи, друг юношества: твои многочисленные ученики и ученицы не забудут дорогой твоей могилы. Спи, прекрасный человек: твои друзья будут молиться за добрую твою душу. Спи, любитель прекраснаго: место твоего упокоения — живописно и прекрасно. Верь и надейся: благочестивый белорусский паломник, принося свои страданья, свои слезы к раке Преподобной, прочтет имя твое на мраморе могилы и присоединит к своим молитвам мольбу о вечном успокоении души твоей в царстве вечнаго Света Христова...

Д. Леонардов.

Уважаемые жители Полоцкой земли!

Вам, конечно же, небезразлична судьба культурного наследия нашего родного города? Если так, то приглашаем Вас принять участие в его возрождении.

По ряду ошибок, допущенных в отношении к духовным ценностям нашего общества, мы безвозвратно потеряли многие памятники и утратили лучшие традиции нашего Отечества. Большие, невосполнимые потери духовных богатств народа связаны с многочисленными разрушениями, которые практически стерли с лица земли наш древний город. За эти долгие годы искоренялось наше прошлое, наша историческая память. А, как известно, без прошлого не может быть будущего. Пришло время возвратиться к восстановлению разрушенного.

Принятый 10 декабря 1989 г. Совмином БССР план «О мерах по дальнейшему развитию г. Полоцка и сохранению его культурно-исторического наследия» для возрождения духовности и культуры белорусского народа должен быть радикально переработан с учетом принятия нового Закона «О свободе совести и религиозных организациях».

Для нашего народа мало сохранить историю в муляжах за музейным стеклом, вкладывая в это огромные народные деньги. Надо возвращать к жизни давно утраченные традиции, идущие из глубины веков, вновь возжигать пламя угасших очагов национальной культуры.

Для этого требуется начать восстановительные работы именно с центров когда-то процветавшей здесь духовной жизни —-храмов, школ, училищ. Среди них такие как

1. Богоявленский мужской монастырь, так называемая Братская школа с Екатерининской домовой церковью;
2. Храм-усыпальница первых епископов Полоцких в Спасо-Евфросиниевском женском монастыре;
3. Колокольня над въездными воротами Спасо-Евфросиниевского женского монастыря;
4. Покровская церковь XVII—XX вв;
5. Иконостас и фрески Богоявленского собора;
6. Иконостас Софийского собора;
7. Иоанно-Богословская церковь;
8. Николаевский храм в д. Ропно;
9. Женское Спасо-Евфросиниевское епархиальное училище;
10. Памятник героям войны 1812 года;
11. Георгиевская церковь (Экимань);
12. Комплекс Бельчицкого Борисоглебского монастыря;
13. Николаевский собор;
14. Михайловская церковь;
15. Часовня на Красном кладбище;
16. Часовня перед въездом в Спасо-Евфросиниевский женский монастырь.

Регистрируемые в настоящее время православные общины этих храмов не располагают необходимыми средствами для проведения реставрационных работ. Мы не разрушали, а сохраняли культурное наследие своего народа, поэтому обращаемся к государственным организациям, призываем коллективы предприятий, учреждений, кооперативов, граждан города внести посильный вклад в сбор средств на восстановление и реставрацию памятников архитектуры XI—XIX вв. Коллективные и личные средства просим направлять на расчетный счет № 000701602 в Полоцком городском управлении Витебского областного коммерческого банка с пометкой: «На реставрацию одного из перечисленных (с 1 по 9) архитектурных памятников.

Ваш вклад в это благородное дело обогатит культуру нашего города и позволит возвратить его исторические святыни во имя духовного возрождения нашего народа.

Желающие могут внести свой посильный вклад, предоставив, если таковыми располагают, фотоснимки, чертежи исторических памятников или же церковную утварь, книги, иконы. Заранее благодарны.

Полоцко-Витебское
Епархиальное управление.

Наш адрес: г. Полоцк, 2-й пер. Космонавтов, д. 2, тел. 4-15-33.

Л. Ф. ДАНЬКО

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛОЦКОЙ ГРАДСКОЙ ЦЕРКВИ ПОКРОВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ

Полоцкая Покровская церковь, упомянутая под № 4 в недавно принятом обращении Полоцко-Витебской епархии о сборе пожертвований на восстановление утраченных культурных памятников Полоцкой земли, ныне не существующая, располагалась на скрещении проспектов К. Маркса (или вернее, его части — бывшей Верхне-Покровской улицы) и улицы Юбилейной, как раз в том месте, где сейчас пустырь у здания политехникума и кооперативного училища, рядом с городским парком (бывшим им. 40-летия ЛКСМБ).

Церковь эта была построена в 1781 году, точнее перестроена из старой церкви Полоцкого Богоявленского монастыря с переносом здания в указанный участок как кладбищенская однопрестольная церковь этого монастыря[1]. Сам же Богоявленский монастырь в 1780 году начал отстраиваться практически заново, для проектировки его новых построек был приглашен императрицей Екатериной II известный архитектор Джакомо Кваренги. Екатерина II, побывав в Полоцке, повелела выделить из Государстенного Казначейства 35.221 рубль на восстановление построек Богоявленского монастыря[2].

Это было время, когда правобережная часть Полоцка была присоединена к России после первого раздела Речи Посполитой в 1772 году. С присоединением этой части к России православные жители города наконец смогли избавиться от тех притеснений, которые претерпевали во времена польско-католического засилья, однако многие древнейшие памятники православной культуры, такие, как собор св. Софии (XI—XVIII вв.), Спасо-Евфросиниевский монастырь (XII в.) и Борисоглебский Бельчицкий монастырь (XII в.) еще продолжали принадлежать монахам католического ордена иезуитов и униатам, находившимся под мощным влиянием Ватикана.

В 1804 году по Высочайшему повелению императора Александра I, побывавшему в Полоцке в июле 1802 года, церковь Покрова Пресвятыя Богородицы была объявлена соборною, то есть главной (основной) градской церковью, фактически выполнявшей роль кафедрального храма[3].

После восстановления Полоцкой епархии и переосвящения иезуитского костела св. Стефана в соборную церковь во имя св. Николая Мирликийского Покровская церковь была обращена в приходскую в 1833 году[4].

Износ деревянной постройки церкви был так велик, что по причине ветхости она была переведена в разряд приписных и закрыта. Вместо нее была устроена новая церковь, также во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, в 1838 году, в бывшем костеле Францисканского монастыря (ныне на его месте сделана пристройка к зданию районной милиции по ул. Ленина), с передачей такового, вследствие Высочайшего повеления императора Николая I, в православное ведомство. Церковь эта в обиходе получила название Ново-Покровской и расположена была на улице Нижне-Покровской (сейчас Ленина), рядом со зданием Богоявленского монастыря. Однако в следующем году кирпичное здание бывшего костела францисканцев покрылось трещинами из-за осадки фундамента, церковь была закрыта и опечатана. В 1860 году она была продана на слом частному лицу за 2000 рублей серебром вместе с принадлежащим ей двухэтажным каменным домом (бывшие кельи Францисканского монастыря). Этот дом стоит и сейчас, в нем расположены службы районной милиции[5].

В 1867 году был составлен проект на пристройку колокольни и переделку деревянной Покровской церкви, стоявшей закрытой с 1838 года[6]. Вероятно, именно в конце 60-х — начале 70-х годов XIX века деревянная церковь была отремонтирована и заново открылась.

1900-й год стал трагическим для многих полочан — прихожан Покровской церкви. Участок деревянной застройки города, где она располагалась, загорелся в 11 часу в воскресный день 21 мая при сильном ветре. Пожар длился около 3-х часов, им был уничтожен храм Покрова и более 100 домов, однако имущество церковное — иконы, книги и архив были спасены прихожанами и перенесены в Софийский собор[7].

В 1901 году было опубликовано[8] следующее объявление:

«Воззвание о пожертвовании на построение нового Покровского в городе Полоцке храма вместо сгоревшего храма 21 мая 1900 г.

Боголюбивные храмоздатели и благотворители! Случилось в г. Полоцке 21 мая 1900 года несчастье — пожар, истребивший 104 двора беднейшего населения гор. Полоцка и в довершение несчастия истреблена тем же пожаром и деревянная приходская Покров-

ская церковь. Прихожане, сами пострадавшие от пожара 21 мая, своими средствами не в силах выстроить приходской храм и вынуждены обратиться за помощью к благотворителям. Сердце русского человека всегда отзывчиво к призыву о благотворении, и думается прихожанам сгоревшего Покровского храма, что не напрасна их настоящая просьба о помощи, с которою и обращаемся с благословения и разрешения нашего милостивейшего архипастыря Преосвященного Тихона, епископа Полоцкого и Витебского. Пожертвования могут высылаться в город Полоцк на имя настоятеля сгоревшего Полоцкого Покровского храма священника Иоанна Емельяновича или председателя Полоцкого Покровского церковно-приходского попечительства мирового судьи 3-го участка Полоцкого уезда статского советника Николая Алексеевича Михайлова».

В 1903 году, когда средства были, вероятно, собраны, принят был указ Полоцкой православной духовной консистории от 1-го декабря за № 11.820 о строительстве новой церкви[9].

Новая Покровская церковь была заложена в 1905 году, 21 мая, ровно через пять лет после пожара. В ее основание поместили памятную никелированную дощечку со следующей надписью:[10] «Да будет место сие свято во веки. Аминь.

Во имя Отца и Сына и святаго Духа.

Основася церковь в честь и память Покрова Пресвятыя Богородицы при державе БЛАГОЧЕСТИВЕЙШАГО САМОДЕРЖАВНЕЙШАГО ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ НАШЕГО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, при святительстве же преосвященнейшаго СЕРАФИМА, ЕПИСКОПА ПОЛОТСКАГО И ВИТЕБСКАГО, при настоятеле храма сего священнике Иоанне Емельяновиче в лето от рождества Христова 1905 Мая 21 дня.

Список
Членов временнаго Комитета по постройке Храма Покрова пресвятыя Богородицы во граде Полоцке.

Председатель Комитета и производитель работ Генрих Фолькман
Протоиерей Михаил Дубровский
Священник Иоанн Емельянович
Николай Ульянов
Николай Сукачёв
Александр Клюквин
Стефан Шпаков
Феодор Мицкевич
Фома Подхилко
Сергей Соловьев
Иоанн Костецкий
Иаков Одынец
Григорий Козлов
Дмитрий Томашев»

Строительство этой церкви продолжалось более 5 лет, так как в «Путеводителе по городу Полоцку», выпущенному в 1910 году Полоцкой типографией Х. В. Клячко к торжеству перенесения мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из Киева в Полоцк, учтена Покровская церковь, как «строящаяся на пожертвования на месте сгоревшей 21 мая 1900 года».[11]

К началу первой мировой войны (1914 г.) храм был, вероятно, полностью выстроен, настоятелем его был священник Иоанн Павлович Емельянович, 1860 года рождения, кончивший Витебскую Духовную семинарию.[12]

О судьбе церкви в годы советской власти скажем очень кратко. Она была закрыта в начале 30-х годов, как и все храмы в городе, и с тех пор не открывалась. Служители храма были подвергнуты репрессиям. После освобождения Полоцка от немцев в 1944 году в храме после его переделки была открыта кондитерская (или конфетная) фабрика, а в начале 60-х годов XX века он был окончательно уничтожен.

Только в 1991 году был поднят вопрос о его возрождении. На его месте был установлен в феврале деревянный восьмиконечный православный крест, однако нашлись люди со стойкой большевистской закалкой и сломали его в начале марта. В августе сотрудник Института истории Академии наук Беларуси археолог С. В. Тарасов вскрыл и определил местоположение и сохранность фундамента здания.

За отсутствием хорошего фотоснимка Покровской церкви публикуем здесь ее рисунок-реконструкцию, сделанный на основании очень плохого фотоснимка 40-х годов, где церковь видна уже без колокольни и крестов, а также почтовой карточки, показывающей восточный район застройки города, на дальнем плане которого виден храм Покрова Пресвятыя Богородицы.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Центральный государственный исторический архив Республики Беларусь (далее ЦГИА РБ), ф. 2602, оп. 1, ед. хр. 46 «Летопись Градской Покровской церкви», лист 2 лиц.

[2] Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся. Составлены генерал-майором Мих. Осип. Без-Корниловичем. Санктпетербург, 1855. Стр. 104.

[3] ЦГИА РБ, ф. 2602, оп. 1, ед. хр. 46, лист 2 лиц.

[4] ЦГИА РБ, ф. 2602, оп. 1, ед. хр., 46, лист 2 об.

[5] ЦГИА РБ, ф. 2602, оп. 1, ед. хр. 46, листы 2 об. — 3 лиц.

[6] ЦГИА РБ, ф. 2602, оп. 1, ед. хр. 43 «Проект на пристройку колокольни и переделку церкви Покрова Пресвятыя Богородицы в г. Полоцке». 1867 г.

[7] ЦГИА РБ, ф. 2602, оп. 1, ед. хр. 66 «Клировая ведомость Полоцкой Свято-Покровской церкви за 1909 г».

[8] «Витебские губернские ведомости», № 57, воскресенье 11(24) марта 1901 года, стр. 1.

[9] ЦГИА РБ, ф. 2602, оп. 1, ед. хр. 66, л. 1 лиц.

[10] Закладная дощечка с надписью хранится в отделе фондов Полоцкого историко-культурного заповедника, КП-5-2553/1.

[11] Путеводитель по городу Полоцку. К торжеству перенесения св. мощей пр. Евфросинии, княжны Полоцкой, из г. Киева в г. Полоцк. Полоцк, типография Х. В. Клячко, 1910. Стр. 7.

[12] ЦГИА РБ, ф. 2602, оп. 1, ед. хр. 66, лист 3 об.

Храм Покрова Пресвятыя Богородицы в городе Полоцке, заложенный 1905 года месяца мая в 21 день. **(Рисунок-реконструкция).**

В процессе подготовки материала к печати стало известно, что в мае 1992 года создана община церкви Покрова Пресвятыя Богородицы и открыт счёт на восстановление этого храма. Сообщаем его нашим читателям и призываем всех оказать посильное содействие в воскрешении поруганной святыни:

р/с 000701505, код № 716 в Полоцком отделении Виткомбанка на счет Свято-Покровской православной церкви Полоцкой епархии Белорусского экзархата.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

Кондратий Федорович РЫЛЕЕВ
(1795–1826)
РОГНЕДА

А. А. В(оейково)й.

Около 970 года варяг Рогволод, оставив отечество, поселился в Полоцке, главном городе тогдашней области Кривской. Он имел прекрасную дочь, по имени Рогнеду, или Гориславу: ее сговорили за великого князя Ярополка Святославича. Брат его, Владимир Великий, взяв Полоцк (в 980 г.) умертвил Рогволода, двух сыновей его, и насильно понял Рогнеду. От ней родился сын, Изяслав. Впоследствии Владимир разлюбил жену, выслал ее из дворца и заточил на берегу Лыбеди, в окрестностях Киева. Однажды, гуляя в сих местах, князь заснул крепко; мстительная Рогнеда, приблизившись, хотела нанести ему смертельный удар, но Владимир проснулся. В ярости он хотел казнить несчастную, велел ей надеть брачную одежду и, сидя на богатом ложе, ожидать казни. Входит Владимир; юный Изяслав, наученный Рогнедою, бросается к нему и подает меч: «Родитель! — говорит он, — ты не один: сын твой будет свидетелем твоей ярости». Изумленный Владимир простил Рогнеду и вместе с сыном отправил ее в новопостроенный город, названный им Изяславлем. Сие происшествие описано в некоторых летописях.

Потух последний солнца луч;
Луна обычный путь свершала —
То пряталась, то из-за туч,
Как стройный лебедь, выплывала;
И ярче заблистав порой,
Над берегом Лыбеди скромной,
Свет бледный проливала свой
На терем пышный и огромный.

Всё было тихо... лишь поток,
Журча, роптал между кустами
И перелетный ветерок
В дубраве шелестил ветвями.
Как месяц утренний, бледна,
Рогнеда в горести глубокой
Сидела с сыном у окна
В светлице ясной и высокой.

От вздохов под фатой у ней
Младые перси трепетали,
И из потупленных очей,
Как жемчуг, слезы упадали.
Глядел невинный Изяслав
На мать умильными очами,
И, к персям матери припав,
Он обвивал ее руками.

«Родимая! — твердил он ей, —
Ты всё печальна, ты всё вянешь:
Когда же будешь веселей,
Когда грустить ты перестанешь?
О, полно плакать и вздыхать,
Твои мне слезы видеть больно, —
Начнешь ты только горевать,
Встоскуюсь вдруг и я невольно.

Ты б лучше рассказала мне
Деянья деда Рогволода,
Как он сражался на войне,
И о любви к нему народа».

— «О ком, мой сын, напомнил ты?
Что от меня узнать желаешь?
Какие страшные мечты
Ты сим в Рогнеде пробуждаешь!..

Но так и быть; исполню я,
Мой сын, души твоей желанье:
Пусть Рогволодов дух в тебя
Вдохнет мое повествованье;
Пускай оно в груди младой
Зажжет к делам великим рвенье,
Любовь к стране твоей родной
И к притеснителям презренье...

Родитель мой, твой славный дед,
От тех варягов происходит,
Которых дивный ряд побед
Мир в изумление приводит.
Покинув в юности своей
Дремучей Скании дубравы,
Вступил он в землю кривичей
Искать владычества и славы.

Народы мирной сей страны
На гордых пришлецов восстали,
И смело грозных чад войны
В руках с оружием встречали...
Но тщетно! роковой удел
Обрек в подданство их герою —
И скоро дед твой завладел
Обширной Севера страною.

Воздвигся Полоцк. Рогволод
Приветливо и кротко правил
И, правязав к себе народ,
Власть князя полюбить заставил...
При Рогволоде кривичи
Томились жаждой дел великих;
Сверкали в дебрях их мечи,
Литовцев поражая диких.

Иноплеменные цари
Союза с Полоцком искали,
И чуждые богатыри
Ему служить за честь вменяли».
Но шум раздался у крыльца...
Рогнеда повесть прерывает
И видит: пыль и пот с лица
Гонец усталый отирает.

«Княгиня! — он вещал, войдя: —
Гоня зверей в дубраве смежной,
Владимир посетить тебя
Прибудет в терем сей прибрежный».
— «И так он вспомнил о жене...
Но не желание свиданья...
О нет! влечет его ко мне —
Одна лишь близость расстоянья!» —

Вещала — и сверкнул в очах
Негодованья пламень дикий.
Меж тем уж пронеслись в полях
Совы полуночные крики...
Сгустился мрак... луна чуть-чуть
Лучом трепещущим светила;
Холодный ветер начал дуть,
И буря страшная завыла!

Лыбедь вскипела меж брегов;
С деревьев листья полетели;
Дождь проливной из облаков,
И град, и вихорь зашумели,
Скопились тучи... и с небес
Вилася молния змиею;
Гром грохотал — от молний лес
То здесь, то там пылал порою!..

Внезапно с бурей звук рогов
В долине глухо раздается:
То вдруг замолкнет средь громов,
То снова с ветром пронесется...
Вот звуки ближе и громчей...
Замолкли... снова загремели...
Вот топот скачущих коней,
И всадники на двор взлетели.

То был Владимир. На крыльце
Его Рогнеда ожидала;
На сумрачном ее лице
Неведомая страсть пылала.
Смущенью мрачность приписав,
Герой супругу лобызает
И, сына милого обняв,
Его приветливо ласкает.

Отводят отроки коней...
С Рогнедой князь идет в палаты,
И вот, в кругу богатырей,
Садится он за пир богатый.
Под тучным вепрем стол трещит,
Покрытый скатертию браной;
От яств прозрачный пар летит
И вьется по избе брусяной.

Звездясь, янтарный мед шипит,
И ходит чаша круговая.
Все веселятся... но грустит
Одна Рогнеда молодая.
«Воспой деянья предков нам!» —
Бояну витязи вещали.
Певец ударил по струнам —
И вещие зарокотали.

Он славил Рюрика судьбу,
Пел Святославовы походы,
Его с Цимискием борьбу
И покоренные народы;
Пел удивление врагов.
Его нетрепетность средь боя,
И к славе пылкую любовь
И смерть, достойную героя...

Бояна пламенным словам
Герои с жадностью внимали
И, праотцев чудясь делам,
В восторге пылком трепетали.
Певец умолкнул... но опять
Он пробудил живые струны
И начал князя прославлять
И грозные его перуны:

«Дружины чуждые громя,
Давно ль наполнил славой бранной
Ты дальной Нейстрии поля
И Альбиона край туманный?
Давно ли от твоих мечей
Упали Полоцка твердыни
И нивы храбрых кривичей
Преобратилися в пустыни?

Сам Рогволод...» Вдруг тяжкий стон
И вопль отчаянья Рогнеды
Перерывают гуслей звон
И радость шумную беседы...
«О, успокойся, друг младой! —
Вещал ей князь, — не слез достоин,
Но славы, кто в стране родной
И жил и кончил дни как воин.

Воскреснет храбрый Рогволод
В делах и в чадах Изяслава,
И пролетит из рода в род
Об нем, как гром гремящий, слава».
Рогнеды вид покойней стал;
В очах остановились слезы,
Но в них какой-то огнь сверкал,
И на щеках пылали розы...

При стуках чаш Боян поет,
Вновь тешит князя и дружину...
Но кончен пир — и князь идет
В великолепную одрину.
Сняв меч, висевший при бедре,
И вороненые кольчуги,
Он засыпает на одре
В объятьях молодой супруги.

Сквозь окон скважины порой
Проникнув, молния пылает
И брачный одр во тьме ночной
С четой лежащей освещает.
Бушуя, ставнями стучит
И свищет в щели ветр порывный;
По кровле град и дождь шумит,
И гром гремит бесперерывный.

Князь спит покойно... Тихо встав,
Рогнеда светоч зажигает
И в страхе, вся затрепетав,
Меч тяжкий со стены снимает...
Идет... стоит... ступила вновь...
Едва дыханье переводит...
В ней то кипит, то стынет кровь...
Но вот... к одру она подходит...

Уж поднят меч! вдруг грянул гром,
Потрясся терем озаренный —
И князь, объятый крепким сном,
Воспрянул, треском пробужденный, —
И пред собой Рогнеду зрит...
Ее глаза огнем пылают...
Поднятый меч и грозный вид
Преступницу изобличают...

Меч выхватив, ей князь вскричал:
«На что дерзнула в исступленье?..»
— «На то, что мне повелевал
Ужасный Чернобог, — на мщенье!»
— «Но долг супруги, но любовь?..»
— «Любовь! к кому?.. к тебе, губитель?..

Забыл, во мне чья льется кровь,
Забыл ты, кем убит родитель!..

Ты, ты, тиран, его сразил!
Горя преступною любовью,
Ты жениха меня лишил
И братнею облился кровью!
Испепелив мой край родной,
Рекой ты кровь в нем пролил всюду
И Полоцк, дивный красотой,
Преобратил развалин в груду.

Но недовольный... местью злой
К бессильной пленнице пылая,
Ты брак свой совершил со мной
При зареве родного края!
Повлек меня в престольный град;
Тебе я сына даровала...
И что ж?.. еще презренья хлад
В очах тирана прочитала!..

Вот страшный ряд ужасных дел,
Владимира покрывших славой!
Не через них ли приобрел
Ты на любовь Рогнеды право?..
Страдала, мучилась, стеня,
Вся жизнь текла моя в кручине;
Но, боги, не роптала я
На вас в злосчастиях доныне!..

Впервые днесь ропщу!.. увы!..
Почто губителя отчизны
Сразить не допустили вы
И совершить достойной тризны!
С какою б жадностию я
На брызжущую кровь глядела,
С каким восторгом бы тебя,
Тиран, угасшего узрела!..»

Супруг, слова прервав ее,
В одрину стражу призывает.
«Ждет смерть, преступница, тебя! —
Пылая гневом, восклицает. —
С зарей готова к казни будь!
Сей брачный одр пусть будет плаха!
На нем пронжу твою я грудь
Без сожаления и страха!»

Сказал — и вышел. Вдруг о том
Мгновенно слух распространился —
И терем, весь объятый сном,
От вопля женщин пробудился...
Бегут к княгине, слезы льют;
Терзаясь близостью разлуки,
Себя в младые перси бьют
И белые ломают руки...

В тревоге все — лишь Изяслав
В объятьях сна, с улыбкой нежной,
Лежит, покровы разметав,
Покой вкушая безмятежный.
Об участи Рогнеды он
В мечтах невинности не знает;
Ни бури рев, ни плач, ни стон
От сна его не пробуждает.

Но перестал греметь уж гром,
Замокли ветры в чаще леса,
И на востоке голубом
Редела мрачная завеса...
Вся в перлах, злате и сребре,
Ждала Рогнеда без боязни
На изукрашенном одре
Назначенной супругом казни.

И вот денница занялась,
Сверкнул сквозь окна луч багровый —
И входит с витязями князь
В одрину, гневный и суровый.

«Подайте меч! — воскликнул он,
И раздалось везде рыданье, —
«Пусть каждого страшит закон!
Злодейство примет воздаянье!»

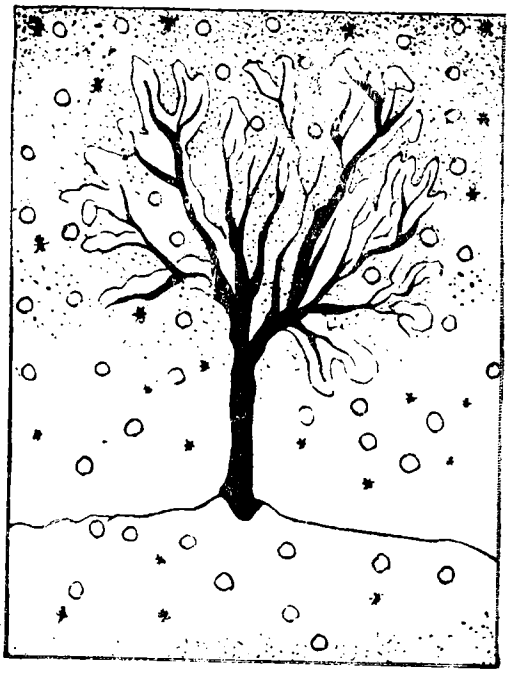
И, быстро в храмину вбежав:
«Вот меч! коль не отец ты ныне,
Убей! — вещает Изяслав, —
Убей, жестокий, мать при сыне!»
Как громом неба поражен,
Стоит Владимир и трепещет,
То в ужасе на сына он,
То на Рогнеду взоры мещет...

Речь замирает на устах,
Сперлось дыханье, сердце бьется;
Трепещет он; в его костях
И лютый хлад и пламень льется,
В душе кипит борьба страстей:
И милосердие и мщенье...
Но вдруг с слезами из очей —
Из сердца вырвалось: прощенье!

1821 или 1822

Печатается по изданию: Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений. — Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1971 — 480 с., 3 л. илл. — (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание). Стр. 117 — 125. Впервые опубликована с подзаголовком «Повесть» в альманахе «Полярная звезда. Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности, изданная А. Бестужевым и К. Релеевым», СПб, 1823. Напечатана также в книге: «Думы. Сочинение К. Рылеева». — Москва. В Типографии С. Селивановскаго, 1825.

Юрась КАСЦЮК



РОДНАЕ СЛОВА

Іду наддзвінскімі лясамі
Па звіву стромкіх берагоў.
Пад старажытнымі пластамі
Мне чутна рэха галасоў.

Як плёскат хваляў меладычны,
Як звон даспелых каласоў
Мне дораць прашчуры-крывічы
Жывое зерне родных слоў.

Забаранялася царамі,
Ксяндзы, падпанкі і паны
Яго вытоптвалі нагамі,
На ім збівалі бізуны,

Яго гнаілі па астрогах
І пазбаўлялі ўсіх надзей —
Хадзіла слова па дарогах,
Жыло ў сэрцах у людзей.

То песняў зычны звон вясельны,
То змагароў за волю кліч
Лунаў над Нёмнам і Ясельдай
І хваляваў Дняпро і Лціч.

І вось жывучымі расткамі
Прабіта таўшчыня вякоў
І слова новымі радкамі
Лажыцца на паперу зноў.

* * *

Гады ў горане жыцця
Імклівым полымем згараюць
І попелам незабыцця
На скроні густа асядаюць.

Мяне матае «шчодры» лёс
І паўстаюць перад вачамі
Казахскі стэп, чукоцкі плёс,
Тайга з сівымі кедрачамі.

І моры спраў, мільёны слоў
Абліччаў новых мільгаценне,
Ды школьных, у хвілі летуцення,
Успомніш вобразы сяброў

І закарціць як піць у спёку,
Як выраю — праз акіян,
Убачыць Мнюту нешыроку,
Авліччы родныя плішан.

ПЕРШАЕ КАХАННЕ

Кажуць, праходзіць яно, забываецца
Ціха за даўнасцю.
І не каханнем зусім называецца,
А закаханасцю.
Кажуць, з гадамі яно астывае,
Бы ў восень вада.
У сэрцы ўзмужнелым не пакідае
Нават сляда.
Кажуць, упэўніць імкнуцца старанна,
Ды хопіць хлусіцы!
З цягам гадоў нібы старая рана
Усё болей баліць,
Болей баліць і часцей нам здаецца
Выстылым раннем,
Толькі яно з поўным правам завецца
Першым каханнем.
Самаю чыстай і самай узнёслаю
Сэрца праявай,
І не астыць яму зімамі-вёснамі
Выцеклай лавай.

* * *

Свет супярэчлівы, як людзі,
Як ноч і дзень.
Вулканы рвуць зямныя грудзі:
Святло і цень.

Свет супярэчлівы ад роду
Мкне ў бясконцасць.
Курочыць землятрус прыроду,
Ды не прыкончыць.

Свет супярэчлівы і вечны,
Зямная чаша,
Гайдае род наш чалавечы
Калыска наша,

Дае цяпло, пітво і ежу —
Жывіце, людзі,
Дабра і зла ўсталюйце межы,
Вам лепей будзе.

Свет супярэчлівы вядома,
А людзі болей,
Не зладзяць мір у сваім доме
Па добрай волі,

То тут, то там наладзяць бойку:
Страляюць, рэжуць...
А потым самі гэту больку
Гадамі лечаць.

* * *

Флегматыкаў і экспансіўных
На ростанях хуткіх гадоў
Губляем, пад час без прычыны,
Бы дробязь, найлепшых сяброў.
Губляем у кепіках дробных,
Якія ні гроша не варты,
І крыўды на шчырых і добрых
У сэрцах трымаем упарта,
І слоў, што чакаюць, не кажам,
І лішняга кроку не ступім,
А згубу тады і заўважым,
Калі не вярнуць, каго згубім.
Сябе дакараем і бэсцім,
Кляцьбою запознай клянём,
Калі прабачэння букецік
Кладзём на апошні іх дом.

* * *

Не пакідай мяне развага
І вера шчырая ў людзей,
Вы мне партэбны як адвага
Салдату, што на дот ідзе.

* * *

Памяці маёй бабулі
Грыга Вольгі Іванаўны

Галлём нагружаныя сані.
Мароз кусае лютым зверам,
І снег рыпіць пад палазамі,
Нібы рассохшыяся дзверы.

Прамёрзшы ў костку над ракою
Звіняць галіны ніцых лоз.
Упарта цягнуць санкі двое,
Каб з дому выселіць мароз.

Старая ўперадзе кульгае,
За ёю коціцца хлапчук
І з усіх сіл дапамагае,
Рукамі ўпершыся ў сук.

А лёд як вухне пад нагамі —
Душа пакоціцца ў пяты.
— Бабуля, напішу я маме,
Каб хутка ехала да хаты.
— Няхай адбудзе ўсю вярбоўку,
Глядзіш, заробіць грошай балей...
І зноў бярэцца за вяроўку,
Што рэжа рукі аж да болю.

...Бабуля сцішылась сівая,
Адпачывае ў зямлі,
А для мяне яна жывая
Дасюль вязе сярод зімы
Галлём нагружаныя сані,
Мароз кусае лютым зверам,
І снег рыпіць пад палазамі,
Нібы рассохшыяся дзверы.

Лера СОМ

* * *

Тишина со мной, и покой со мной, —
Что же более?
Позади тюрьма, посрамлен конвой,
Вышла воля мне...

Можно песни петь, можно долго спать —
Все часы мертвы...
Не придет никто, а случайный тать
Завсегда на «вы»...

Слава ли, престиж, Лондон ли, Париж —
Белый свет у ног...
Козыри в руках... Что ж ты не паришь,
Как когда-то мог?

Муторно в ночи... Есть и дом и чин —
Хоть ты волком вой...
Мало ли причин, мало ли причин
У тоски крутой...
Тишина со мной...

* * *

А говорят, ты бросила гитару,
Уставши петь, и спишь вполне спокойно,
Когда луна настолько откровенно
Сияет, что расцвечивает тени...

А говорят, ты стала слишком старой,
И в обществе ведешь себя пристойно,
Забыла страхи и не режешь вены,
И дом твой полон комнатных растений...

А говорят, ты не боишься смерти,
И ездишь на машине так, что люди,
Не дилетанты вовсе, шоферня,
Перед тобой всегда снимают кепки...

И держишь завещание в конверте
На трех листочках клетчатых, а будет —
Не будет там два слова про меня,
Мне не известно. Впрочем, будут слепки

С твоей предсмертной маски. Эту вещь
Мне точно обещал знакомый скульптор.
...Так хочется смотреть тебе в глаза...
Теперь бы тоже этого хотелось...

Но голос твой размерен и зловещ,
К нему уже идет приставка «ультра—»,
И я смиряюсь. Зацепиться за
Мне не дает упитанное тело.

ВОЙНА-1

Наши души еще легки,
Наши руки пока чисты.
Три секунды большой реки,
Три секунды сожгут мосты...

Почему звенит в голове
Так томительно нота «ре»?
Капли-ягоды спят в траве,
Колокольчики в серебре...

А с востока ползет заря...
Три секунды, и вспыхнет свет.
Три секунды — и годы зря.
Три секунды — и смысла нет

В чьей-то жизни и чьих-то снах...
Но судьба ли меня вела?
Три секунды — исчезнет страх.
Три секунды до выстрела.

ВОЙНА-2

И новая кожа натянута туго
На старой большой барабан...
Мы выступим завтра, под слезы и ругань,
В погоню по свежим следам.

И враг не уйдет — а куда ему деться
От наших всевидящих глаз?
И где-то завоют и жены, и дети,
Икон потемнеет левкас.

Мы богу войны превосходные жертвы
Отвалим железной рукой.
Нам песни поют обезленные ветры,
Которым не нужен покой.

Я свято уверен — мы правы, мы правы,
Я знаю свое ремесло...
Я честный наемник, мой меч без отравы,
И мне постоянно везло.

* * *

Вариаций на тему печали
Было множество в этом году...
Горько черные птицы кричали,
Вспоминая войну и беду.

Бедный странник, забыв про простуду,
Проходил, не оставив следа,
На закате придя ниоткуда,
На рассвете спешил в никуда.

И стояло, стояло селенье,
И растило чумазых детей
В наслоениях смрада и лени,
На задворках больших скоростей.

И боялось — как чумной заразы,
Проклиная с амвонов церквей,
Не чертей, не реформы, не сглаза —
Тихой песни нескладной моей.

* * *

А мы в неведомой дали
Бывали. Более не будем.
И все же слишком строго судим
Везущие нас корабли.

На рок с ухмылкою слепой
Ведет нас этими путями,
И счастье раздает горстями...
(А до беды подать рукой.)

Пока — спокойны и сильны,
Пока удачливы — жестоки...
Плюем на древние истоки,
Над нами — светлый диск Луны.

...В хитоне цвета палисандра,
Все плачет... Эй, еще вина
Для этой девочки. Она
Зверек. Ее зовут Кассандра.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЗВЕЗДНЫМ КАБАКАМ

I. Начало

А. Б.

Я стукну в окно: — Вставайка-ка!
Какая ты, право, соня!
Сегодня — попутный ветер,
И мы вылетаем к Марсу...
Ну ладно, про ветер — байки,
Он нас все равно не тронет,
Да нам и не нужен третий —
Хоть Бог, хоть Битт-Бой, хоть Ларсон.

Нам будет вдвоем спокойней,
Пусть нашим мужчинам снятся
Леса, города и горы;
Мы их сюда звать не будем...
Возможно, они достойны,
Да только летать боятся...
А сверху глядятся вздором
Их замыслы «выйти в люди».

А я знаю все теченья,
И каждый кабак портовый...
Там крепкий коньяк и кофе
Тебе поднесут с почтеньем...
Вот так, закуси печеньем,
Ну что за вопрос: «А кто вы?»
Давай-ка без философий
И двадцать вторых прочтений.

Есть сказка. Она доступна,
Пока я живу на свете...
Прими ее как подарок,
Ведь завтра быть может поздно...
Мне просто везет, и крупно!
Ведь я разбираюсь в цвете...
Наплюй на свечной огарок —
Нам светят большие звезды.

II

Вкусившим сладкой сией отравы
Назад вернуться не суждено.
Ах, что надрывней, чем бремя славы,
И спирта крепче удач вино.

А я глотала и спирт, и водку,
А я тащила свою печаль...
Моя гвоздика — вон там, в середке,
Эй, перевозчик вот здесь причаль!

Сойдем на берег, такой знакомый;
Сюда, за угол, — крутой кабак...
К чему вопросы — ты мой ведомый,
Молчи и думай. Привет, рыбак!

Да, я проездом, да, я проскоком,
Вот заглянула, и полечу...
Ему — покрепче, мне — кофе с соком;
Он мой попутчик, и я плачу.

Здесь просто любят без исключенья...
Да ладно, дайте «Мадам Клико»!
Я принимаю твое почтенье,
Пусть до пророчиц мне далеко.

III

И потом, когдаа в той тишине
Мерно колокол бухнет с высот,
Ты забудешь об этой стране
Этак где-нибудь лет на пятьсот...

И умчит тебя лучший корабль
Неизвестные щупать миры.
Заполнять обязательный табель,
Строго следуя срокам игры.

Пропивать в кабаках эполеты,
Соблазнять недоступных мужей,
Наблюдать високосное лето,
Ворожить по полету стрижей...

И загадкой останется мир лишь
Тот, родной, что в начале возник...
Да, ты вспомнишь, вернешься и вырвешь
Медный, в старой патине, язык.

IV. Окончание

А. Б.

А кто Вам сказал, дорогая,
Что я совершенна?..
Иду, никого не пугая,
Так будет дешевле...

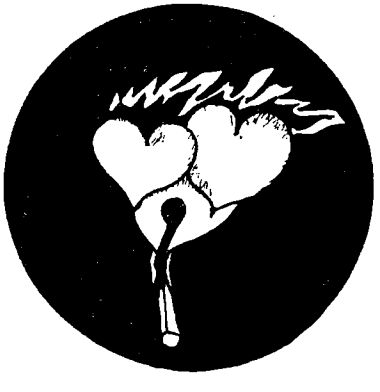
И Бог мне возьмет и простит
Непролитие крови,
И жесткий пиратский мотив,
И уверенность в слове...

И сотней волнительных дней
Наградит непременно...
Эй, слуги, седлайте коней
И пройдем по Вселенной!

И в каждой таверне портовой,
И в каждом подвале
Я выпью за Вас, право слово,
Ведь Вас там знавали...

Мы вместе бродили, но кто-то
Подставил подножку...
Эх, взять бы того обормота,
Подвесить немножко!

...У вас теперь дом, и хозяин,
И кофе в кастрюльке...
А мне... Что ж, считайте — разява,
Играю в бирюльки.



V. P. S.

А я приеду налегке,
и без больших приготовлений...
Скажу «привет», скажу «ну вот,
я вновь на этой широте»...
Мне, как всегда, не занимать
ума, любезности и лени,
И пусть завидуют глупцы
моей печальной красоте.

А в том уютном кабачке
мои друзья всегда к услугам
Готовы; это не беда,
что край Вселенной далеко...
Но кто-то встрянет иногда:
«А помнишь, ты была с подругой,
Она еще любила бри
и не терпела молоко»...

Ах, с кем я только не была,
и как мы только не гуляли!..
В какие темные миры
вносили ясную свечу...
Ах, сколько каверзных обид
нас растревожившим прощали,
Но вот теперь пришла пора,
и я мириться не хочу.

Не потому, что я расту,
не потому, что я устала;
Не потому, что вышел срок
по собиранью кирпичей...
А просто порванный нейлон
сменили струны из металла,
И им предсказана судьба
петли на шеях палачей.

А воздаянье за грехи
такая праведная тема...
Что не заметишь, как запал
уже сменился маетой...
И почему-то не страшит
достопочтимая дилемма,
И верить хочется, что сам
безгрешен, пусть и не святой.

ПОЛОЦК-1

Желтая лампа в небе,
В самом разгаре ночь.
Зверь, попросивший хлеба,
Зверь, убежавший прочь...

Ах, почему асфальтом
Выложен этот путь?
Здесь подошла бы смальты
Красно-живая ртуть

Я обнимаю плечи
Каменного креста...
Где же ты, сын человечий,
Ты же меня искал!

Стены святой Софии,
Звонкий мазок реки...
Что ж, я твоя пифия,
Речи мои резки...

...Вот я молюсь, слепая,
Будто прозреть хочу...
Ближе собачья стая...
Боже, зажги свечу!

ПОЛОЦК-2

Печальный день. Окно.
И за окном вода.
Ну да, конечно, дождь —
такой как и всегда.
А мне тебя не ждать,
а мне с тобой не пить,
И кофе — вот беда! —
уже успел остыть.

Вот я бегом, бегом
по улочкам пустым,
Туда, где на воде
качаются кресты.
София, что стоишь,
одна, белым-бела?
Что держит здесь тебя,
взяла б да уплыла!

Ах, место старое,
да люди глупые,
Подходят стаями,
носами хлюпают...
А я одна, одна
к тебе притопаю,
Пусть Бог нам не устал
грозить потопами.

Вода, вода, вода,
дожди, дожди, дожди...
Темнеет, не беда...
— Дождись, дождись, дождись...
Ну как совета-то
просить у каменной?
Ведь не могу я ждать
как ты, веками-то!

Но вот уносит дождь
куда-то за реку,
И в мокрой голове
мусолю я строку.
Пора домой, домой,
а если у дверей
Меня заждался ты...
Скорей, скорей, скорей!..

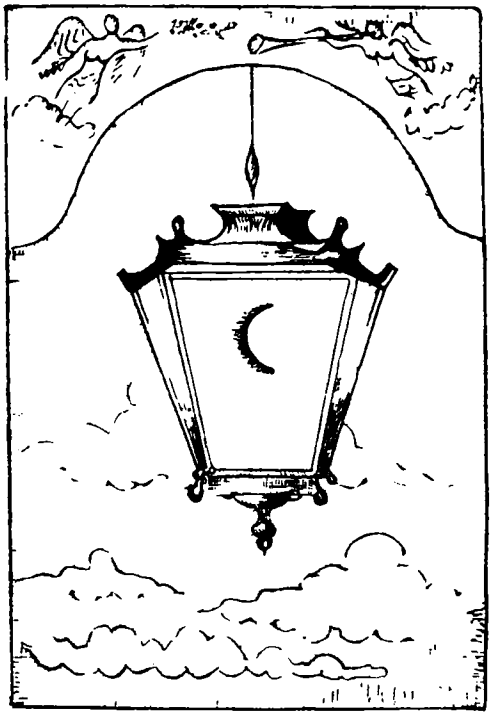
ПОЛОЦК-3

Я буду каждый раз, из всех столиц
Бежать сюда, в древнейшую столицу —
От милых дам, от плоских пресных лиц, —
Припасть к ногам, и истово молиться.

Ах, чудотворная! В прощении ли суть?
Мне просто важно знать, что ты ходила
По берегу. Смотрела в эту муть
Реки весенней. Сладкий дым кадила

В руке священника. Зачем? Я не за тем.
Я просто в этом городе родилась.
И прочный холод толстых белых стен
Внушает веру в действенную милость.

Наталия **ЛИТВИНОВА**



МАКСИМУ БОГДАНОВИЧУ

Сентябрь. Вечер. Сумеречный свет.
Темнее тени. Мягче очертанья.
Слышнее звуки... У окна поэт.
И сердце исподволь окутано печалью.

И чудятся ему сквозь призрачный туман
Распущенные смоляные косы,
Зеленых глаз ласкающий обман
И капли рос, похожие на слезы.

Плющом увитая замшелая стена,
Звезда с прекрасным именем богини
И зеркало седого колдуна.
Застывшее навек озерной синью.

Белеющие призраки берез,
В холодном небе серебристый месяц,
И локоны русалочьих волос,
Запутанные в зыбком лунном свете.

ОСЕНЬ В ГОРОДЕ

Дождь, развесив прозрачные нити,
Превращает асфальт в зеркала,
И звонит беспокойно ветер,
Заблудившись в колоколах.

Плавно кружатся рыжие листья,
Словно тысячи балерин,
И задумчиво осень глядится
В голубую бездонность витрин.

И на миг успокоившись, ветер,
Как на арфе, о лете грустя,
Нам играет «Осеннюю песнь»
На серебряных струнах дождя.

* * *

Отливая синим и малиновым,
Проплывают в небе облака,
И закатным пурпуром рубиновым
«Вдруг» твоя окрасилась рука.

На лицо изысканными тенями
Сумерки вечерние легли,
И в глазах, от сумрака сиреневых,
Пляшет отблеск розовой зари.

Пряно пахнет белыми жасминами,
Бьют часы на башне городской.
Ночь укрыла звездной пелериною
Небеса рукою колдовской.

Пусть сидишь беспечно и раскованно
И с улыбкой смотришь на закат.
Эти руки и глаза, и волосы
Только мне сейчас принадлежат.

* * *

А мне плевать на роскошь городскую.
На ртутный свет неоновых реклам,
На ресторанный блеск, на муть людскую,
Разряженную в иностранный хлам.

Дороже мне грустить в часы заката
Над озером, под шум стрекозьих крыльев,
Среди свечных огарков белых лилий
Над гладью вод, от солнца полосатой,
Когда окрест ночной фиалкой дышит
И в розовой воде китайским шелком вышит
Тростник изломанный,
Как древний иероглиф.

В ГОСТЯХ У ХУДОЖНИКА

Посвящается
Федору Маркевичу

А в двух шагах от городского шума,
многоэтажных каменных домов
архитектуры серой и бездарной,
безвкусной, как непеченое тесто,
есть улочка волшебная у речки
извилисто змеящейся внизу,
и склон крутой высокого обрыва
так густо-густо заплетен лещиной,
шиповником и прочими кустами,
что словно джунгли солнце освещает,
когда бежишь по узенькой тропинке,
с разбегу упираешься в забор
дощатый и стучишь в окошко
и ждешь, что шевельнется занавеска
и заскрипит тягучая калитка,
и в дом войдешь.

А там живет художник,
и у него зеленые глаза,
как у кота, который ходит рядом,
огромный, светло-серый и пушистый,
из мисочки лакает молоко
и важно трется о мои колени.

А на мольбертах чудные картины,
которых обыватель не поймет.
Здесь все из ярких пятен: изумрудных,
и голубых, и розовых, и красных,
и синих, и оранжевых, и белых,
и... в общем, всех, что радуга нам дарит
и небо на закате, когда солнце,
укладываясь на ночь, озаряет
нас на прощанье сказочным сияньем
палитры Божьей.

Бедный обыватель.
Он не поймет, а жаль. Такие краски!
А я сквозь эти пятна вижу детство:
деревню, где бывала я ребенком,
июньский луг, усыпанный цветами,
где шмель жужжит, в душистый мак зарывшись,
и хочется зажать его в кулак — и страшно:
вдруг укусит!

И стрекозы
с огромными очкастыми глазами,
как дамы классные из интересной книжки
про гимназистов, здесь летают деловито,
и словно шарфы из прозрачной ткани
сиреневые крылья их трепещут.
И я в траве высокой кувыркаюсь
и хохочу, и рыжая собака
со мной играет, и больную лапу
я ей лечу, заматывая новым
платочком (мне его вчера купили).

Художник внес еще одну картину
и закурил, ссутулившись у печки,
и важный кот хвостом, как опахалом,
помахивал и бархатную спину
о раму тер.

И словно приоткрылась
передо мной таинственная дверца
в прекрасный мир, в волшебный сад Алисы,
где в пестром фейерверке из пунцовых,
коралловых, рубиновых, пурпурных
и розовых оттенков ликовала,
смеясь и торжествуя, радость Жизни
на празднике Любви, на карнавале
Фантазии, на фестивале Счастья!
И вспомнила я сразу те минуты,
когда душа моя рвалась из тела
и, оторвавшись, в небесах летала
среди блестящих звезд, и Исаакий
сверкал внизу, как золотая шапка
богатыря, уснувшего у брега
Невы холодной, и веселый месяц
качал меня на золотых качелях,
и яркие хвостатые кометы,
запутываясь в волосах моих, сияли
хрустальной диадемой...

О Всевышний!
Неведом мне таинственный порядок
и те причины, следствием которых
явились вдохновенные минуты,
когда себя я ощущала чудом,
талантливым творением Господним,
хотя не гениальным, но достойным
созданием Небесного Творца.
Пути Господни неисповедимы,
и не дано понять, каким узором
сплетаясь, ткут невидимые нити
людские судьбы.

Но одно я знаю:
что ради этих считаных минут
явилась я из Тайны Мирозданья
на этот свет.

Елена КОНДРАШОВА

МУЗЫКАНТУ

Долгая печаль,
синие цветы.
Пусть звучит рояль —
с музыкою ты.

И быстра ладонь,
и мой стол в цвету;
синеват огонь —
я венок плету.

Синий мой венок
не из нежных роз,
синий мой венок —
запах первых гроз.

Синий мой венок
из травы густой,
синий мой венок —
музыки настой.

Я вплету в него
блеск твоих очей,
я вплету в него
синеву ночей.

И промолвлю вдруг:
«Был бы в пору, впрок
для тебя, мой друг,
этот вот венок».

ВЕРЛИБР

Я окутываюсь в одиночество
как в любимое но старое платье
которое вышло из моды
и которое жалко терять

Я окутываюсь в переменчивость
которая как снотворное успокаивает
и дурманит голову
но всё это временно
и опять день сменяется ночью
как смех грустью

Я окутываюсь в пространство и время
но утешенья нет в том
что притяженье надо мной не властно:
я ухожу в прошлое
и уношусь в будущее —
в прошлом есть ты
а в будущем нет сил тебя искать

Дай же я окутаю тебя в свою нежность
а ты меня в свои объятья

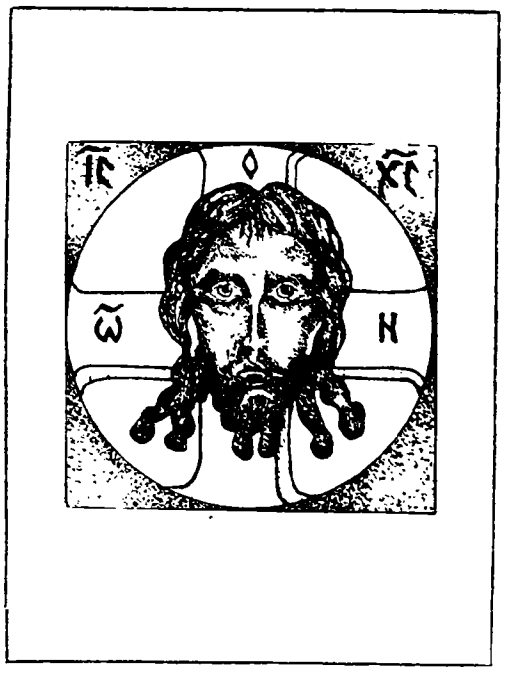
МАМЕ

— Мне очень холодно, милая,
Но ты меня не согреешь.
— Тебе очень холодно, милая,
Но я тебя не согрею.

Растворились в черной краске голубые небеса,
И легла мне на ладони твоя длинная коса.
Этих шелковых волос родные пряди
Ты остригла их давно, на моду глядя.

Оглянуться не успела, май настал —
Только маем настоящим он не стал.
От ветвей от тополиных в полдень тень,
Ночь становится не длинной, длинным день.

У сирени белой, чистой горький вкус,
Майский жук в полете первом расправляет ус.
Подарила ты мне ливни, сад в цвету,
А сама ушла поспешно в пустоту.



Ядвига ДВИНСКАЯ

Из будущего сборника стихов
«СВЯТОЕ КОЛЬЦО»

ПОД ВИФЛЕЕМСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

О, звезда Вифлеема! Твой луч указал —
И волхвы отыскали в яслях роженицу.
Там, лучом озарен, Бог-младенец лежал,
А поодаль — осленка кормила ослица.
И волхвы поклонились, чело обнажив,
И ребенку, и Матери Божьей.
Ирод, царь иудейский, на ложе лежит.
Страхом полнится царское ложе.
Ведь отмечен владыка печальных времен
Черной меткой, судьбой роковою:
Избиеньем младенцев прославится он!
Но Господь уберег и дитя, и Марию.
И глаголил пророк Иеремия так:
«Слышен плач и рыданье о детях невинных».
А Иосиф с женой и дитем на руках
Скрылся в ночь по дороге египетской длинной.
И от ярости черное сердце царя,
Обагренное детскою кровью,
Разорвалось на части и, в небе паря,
Заалело над грешною кровлей.
И глаголил пророк: и да сбудется так,
Как Господь указал нам в своем откровенье:
— Из Египета я сына родного воззвал...
И послышался глас на мгновенье.
И вернулся Иосиф с младенцем святым
Под сиреневый свод Назарета.
И сквозь дым проступают младенца черты,
И Иисус и Мария в молитвах воспеты.

ВСЕМ ДОБРЫМ ЛЮДЯМ

Храни Вас Боже
памятью моей.
Храни Вас Бог
на жизненных дорогах,
И дай Вам Боже
много долгих дней
И долгих лет,
и мирного порога.

МОЛИТВА

Господи! Боже праведный!
Знаю, ты есть на свете.
Веру в тебя от прадедов
Всю растеряли дети.
Больше полсотни лет нам
День изо дня долбили:
— В храм ни ногою. Вредно!
Ну и чего добились?
Как на замок квартиры,
Заперты наши души.
Разве того хотели?
Воздух отравой душит!
Попрано милосердье.
Старость — по богадельням.
Щемит до боли сердце:
— Люди! Что же мы делаем?
Тайна пасхальной ночи,
Хора церковного пенье...
Надобно сердцу очень,
Боже, твое Знаменье.
Боже, святый и крепкий!
Боже, святый, бессмертный!
Дай нашим душам крепость.
Боже, помилуй нас!

* * *

Посвящается
памяти отца Александра Меня

О Мать-Земля! Поговори со мною
И вразуми ты знанием меня,
Открой ларец с сокровищами Ноя
И остуди мне душу от огня,
Утешь ее ты ласкою земною.
Твой голос слышу в пенье малых птах,
В раскатах гулких громовержца Зевса,
В потоках ливня майского, в ветрах,
Запутавшихся в кронах приозерья
И воющих в трубе, вгоняя в страх.
Когда одна, в ночной полудремоте,
Я вглядываюсь в бледный шар луны,
И прошлое тугой волной заботит,
И Каин с Авелем — над всей Землей одни —
Над миром человечьи счеты сводят,
Невольно думы ластятся к окну...
Так Святополк по злой указке неба
На жизни юных братьев посягнул
И Каина рукой убил Бориса и Глеба,
Их голос оборвав, как нить одну.
О Мать-страдалица! Я не могу молчать.
Но, как в пустыне, голос одинок мой.
А кровь дымится в солнечных лучах...
Но разом всколыхнется — дайте срок ей!
И мир тогда придет в любой очаг.

11 сентября 1990 года
Булдури.

* * *

Благословен тот день,
Когда служитель Бога
Позвал меня под сень
Церковного порога.

* * *

Сын Божий, отзовись!
Сойди на землю снова.
В страданьях наша жизнь,
Затасканное слово.
О где душе найти
Отраду, утешенье?
Невидимы пути,
Неведомы решенья.
Что станет с бытием?
Начало иль кончина
Все поросло быльем...
А в чем причина?

* * *

Слава! Отец Всевышний!
Радость в душе моей
Сладкою спелой вишней
Зреет на склоне дней.
Тщетно душа блуждала,
В поисках не томясь,
Словно бы поджидала
Времени тайную связь.
Боже! Твой дар бесценен —
Жертва Твоя велика!
Тают ночные тени,
Тают, как облака.

* * *

В искупление тяжких грехов
И неверие в Господа Бога
Эту боль нам послал из веков
Вседержитель с земного порога.
Дай нам силы, Пречистая Мать,
Отгони эту боль запоздалую.
Не лиши меня только ума,
Я и так уж смертельно устала.

ПОЛОЦКУ С УСТЬЯ ДАУГАВЫ

О Родина моя! О град души моей!
Ты обратил свой лик
Ко мне на склоне дней.
Лишь о тебе одной,
О Родина моя!
Звучит морской прибой

Мне на закате дня.
Софии древний сон
Во мраке стольких лет.
Плывет вечерний звон
Над гладью наших рек.
А Полота-река,
Начало всех начал.
С твоей водой века
Народ восход венчал,
А колокольный звон
Над матушкой Двиной...
Давно утрачен он —
Хранится в средце мной.
Восстань, Софии звон,
Над Полоцкой землей!
Прими земной поклон,
О древний город мой.

* * *

Рождество Спасителя, Иисуса!
Праздник человеческой души!
Иноверец радуется всуе —
Всякие молитвы хороши.
Но великий Сын из Назарета,
Богочеловек Иисус Христос,
На кресте за люд земной распятый,
Тайну мироздания унес.
И живем слепыми год от года,
И в очах, и в сердце ночи мрак.
Но Иисус святой урок преподал —
И развеял в душах смертный страх.

* * *

София — Божия Премудрость!
Семь позолоченных крестов.
К тебе стремлюсь я ранним утром
И слышу твой призывный зов.
Твои невидимые своды
Меня влекут с тех давних пор,
Когда нездешние народы
С тебя срывали твой убор,
Когда антихристы-жолнеры,
Свободу нашу растоптав,
Забыли Бога, чувство меры
И первородный Божий страх,
Тебя, народная святыня,
Распяли, в душу наплевав.
И ныне над тобою бури
И ливней шалых круговерть.
Но верю — это будет, будет!
Восстанет вновь святая твердь,
И православия оплотом
София Полоцка грядет,
И камни драгоценным потом
Омоет полоцкий народ.
История! Ты неподкупна.
И реки вспять не повернешь,
Не опрокинешь неба купол...
Но развенчаешь злую ложь!
Три несравненные сестры,
Три дочери Руси великой!
Несхожи были Ваши лики,
Но Вы светили, как костры.

* * *

Ты моя духовная потеря,
Божий Дом, София, Красота!
Мне твои окованные двери,
Словно в небе райские врата.
Оттого твою былую славу
Развенчали недруги в миру.
Православный крест — оплот державы —
Растоптать пытаются в снегу.
Сердце кровоточит свежей раной,
Что Софию — Божью Благодать
Под холодный звук электрооргана
Обрекли бесславно умирать.
В памяти высоких светлых сводов
Из недавних полоцких времен:
Униатской горькою свободой
Задохнулись тысячи имен.
А епископ Мина православный,
На заре слияния двух рек,
Осветил Софию семиглавую
И прославил старорусский крест.
Белорусы — древние славяне,
Мы — потомки гордых кривичей.
Много бурь хлестало наше знамя,
Но не выжгло пламенем очей.
И теперь, София над Двиною,
Ты стоишь, величия полна,
Много зорь сияло над тобою,
Много бед испила ты до дна.
Но тебя вовеки не забудет
Терпеливый полоцкий народ,
И собор по праву добрым людям
Настежь отворит центральный вход.
Иисуса Бога славить будут,
Беларусь родную прославлять
И отринут нового Иуду,
И вздохнет свободно Божья Мать,
Вспомнив ту злосчастную Голгофу...
Иудейский гнусный поцелуй...
Гефсиманский сад и ту эпоху,
Где Пилат воскликнул: Почему
И за что казнить? За правду века?
На кресте невинного распять?
О, Пилат, ты видел Человека,
Но не слышал: плакала ведь МАТЬ.
И поныне матери рыдают
О единородных сыновьях
И Пилатов с болью проклинают,
Загоняя в души смертный страх.
Этот страх томит и гложет душу,
Покрывает инеем виски.
О, Иисус! Обет мы не нарушим,
Но от правды были далеки.
И София — Божия Премудрость!
В нас твоя святая простота.
Мы придем к тебе однажды утром,
Без рублей открыв твои врата.
И душа, истерзанная болью,
Вновь грядет в заоблачную высь,
И воскликнет человек с любовью:
Господи, Всевышний, отзовись!

БАЛЛАДА О МОНАХЕ

В полумраке темной кельи,
В строгом черном облаченье,
В клобуке и черной рясе
За столом сидит монах.
Он пером выводит буквы,
Он умом выводит строки
На белеющий пергамен,
Воин доблестный Креста.
Сколько зим в холодной келье
Закаляло дух монаха!
Сколько дум горячих, горьких
В келье кануло в века.
Ни ветра, ни дождь угрюмый
Не нарушат сон монаха.
А быть может, до рассвета
Он, склоненный над столом,
Пишет твердою рукою
Застарелые легенды,
Не поддавшись чарам ночи, —
Плод истории самой.
Дух его исполнен силы,
Тело борется с недугом.
Но давно на поле боя
Побеждает он врага.

О скажи мне, инок скромный,
Ты поведай тайну сердца:
Отчего отринул мир ты
И покинул отчий дом?
Со спокойною усмешкой
Отвечает инок скромно:
— Мне известны тайны неба.
Что же знает гордый люд?
И в очах его прекрасных
Я читаю то прозренье,
О котором мы, миряне,
Можем только помышлять.
О, святой Отец Всевышний!
Пред тобой склоню колени
За бесценный твой подарок —
Тайну вечности познать.
Не одна загадка гложет
Дух мой страждущий, мятежный.
Не одна свеча сгорела
В келье, темень разогнав.
Но не спит в той келье инок.
Он всю ночь провел в молитвах.
Что его смущает душу,
Испытание наслав?
Я его болею болью
И шепчу Господне имя
И молю Христа о даре
Сохранить ему покой.
И рыдает безответно,
Сердце, не найдя опоры.
Знать, не даст мне утешенья
Вседержитель, наш Господь.
Но великий Покровитель,
Бог наш добрый благодатью
Озарил меня любовно,
Осенил меня крестом.
А монах, касаясь пола
Лобом, горячим от заботы,
Покаяния у Бога
С жаром молит в тишине.
За окном печальной кельи
Тихо шепчутся деревья,
И своей прохладой манит
Говорливая река.
Но суровые каноны
Твердо помнятся монаху:
День и ночь душа трудиться
В келье той обречена.
Не забыть до самой смерти
Мне его высоких мыслей,
Укрепивших дух мой слабый
В вере праведной в Христа.

* * *

Молчанье — золото, а слово — серебро.
Пора бы в путь, да нелегка дорога.
Быть может, отдохнем немного...
И все ж предпочитаю серебро.

* * *

О как на свете стало трудно жить!
Опомнись, человек, пока не поздно.
Быть может, звезд серебряная россыпь
Внушит сердцам, как миром дорожить.

* * *

О Земля! Отчего не добра ты
К самым искренним детям твоим?
Ты отметила меткой проклятой
Всех поэтов, и каждый гоним
Был толпой лицемеров отпетых
И мечтал о спасенье души.
О земля! Сжалься ты над поэтом
И отнять его жизнь не спеши.
Разве мало закланья Марины,
Ее горькой злосчастной судьбы?
Эх ты, Русь! Снеговые равнины
Да в ночи одинокой столбы...
Мы приходим в наш мир не случайно,
Озаренные светом луны.
О земля! Сохрани нашу тайну.
Мы тебе без остатка верны.

* * *

Черное крыло неизвестности
Коснулось окна моего.
Черное крыло неизвестности
В сердце стучится... и вот
Утренний дождь нараспашку
Вдруг распахнул окно —
Ветра лихие замашки
Мне знакомы давно.
Маленький дачный домик
Полон запахов осени,
Словно в моих ладонях
Все, что у Бога просим мы.
Только крыло неизвестности
С черной тревожной меткой
Бьется в стекло: прости, прости!
Но не вернуться лету.

* * *

Сын человеческий, верю
Сердцем и чувством шестым —
Ты приоткроешь двери
В мир занебесных пустынь.
Твой монолог — заклинанье,
Словно божественный мир.
Душу отдам на закланье —
О, расступись, эфир.

* * *

О как велик ты, человек земной,
Рожденный женщиной,
А, может быть, богиней...
И я тебе слагаю гимны
За беспредельный подвиг твой.

* * *

И вот опять одна у моря
Вдыхаю запах трав морских,
И снова волны, с ветром споря,
Диктуют мне печальный стих.
И я ему душою внемлю,
И Муза кроткая со мной
Седым крылом укрыла землю
Над милой Юрмалой самой.
Над морем сизых туч громады,
А вдалеке сверкнул маяк...
О, как тут дышится! Отрадно
Течет у моря жизнь моя.
И хлипкий дождь на тонких ножках
Несется наперегонки,
И сосны мчатся по дорожкам
Лесным, рассудку вопреки,
Спешат, как Золушка когда-то.
Не дай им, Боже, опоздать!
Знакомый пес, как черт кудлатый —
Ему и дождик — благодать! —
Впрыпрыжку, с визгом по аллее
От «Юрас Перле», хвост задрав.
Край неба серого алеет,
Земле вопрос немой задав:
— Ну отчего тут все всбесилось?
И дождь, и сосны, и волна...
И где найти такую силу,

Чтоб всем отмерила сполна
За ломку душ людских, невинных
В той необъявленной войне,
За те увесистые клинья,
Что вбиты между наций всех.
О, братья в белых одеяньях!
К Вам устремляю мысль мою:
Откройте тайну мирозданья,
Земле вернув ее уют.

* * *

Куда мне деться от сомнений?
Как распознать, кто друг, кто враг?
И в этой жизни что не так?
Куда мне деться от сомнений?

С трудом несу тяжелый крест.
Все до одной погасли свечи,
Но ты шепнул: еще не вечер!
И легче стал тяжелый крест.

Лик Богородицы святой,
Очей пронзительная строгость.
Длинна тернистая дорога,
Но не закончен путь земной.

А что сулит нам новый день?
Кто разгадает тайну ночи?
Стрельца распахнутые очи
Меня манят в тот новый день.

* * *

С чего же начать?
Да и надо ль начало?
Вы знаете силу
И слабость мою.
И сердца, не знавшего
Прежде причала,
Тончайшие струны
Звонко поют.
Вы душу мою,
Словно Солнцем согрели,
И силы мне дали,
Чтоб дальше идти.
И слышатся вновь
Соловьиные трели —
Господь-Вседержитель
Со мною в пути!

* * *

Вся наша жизнь
будто в карты проиграна,
Детство и юность убиты войной,
зрелость промчалась
Пластинкой заигранной,
Старость отравлена
злобой людской.
Господи! Как же покинуть мне землю?
Где же тот куст, чтобы спрятать лицо?
Боже Великий! Словам твоим внемлю
И надеваю святое кольцо.

* * *

В бешеном беге в бездну бегут
Люди двадцатого века.
Как объяснить, удержать их смогу,
Тонкая, хрупкая ветка?
Логос! яви Милосердие им —
Детям Земли бездумным,
Жезл окровавленный останови —
Предотврати безумства!

РЕКВИЕМ

Черной болью в сердцах Чернобыль!
Все затмил он своею болью.
Черной болью в сердцах Чернобыль!
И в сознании черной болью.
Эта быль нам чернее ночи,
Той коварной апрельской ночи,
Разнуздавший зловещий атом,
Что четвертый хранил реактор.
Черной болью дохнула сила,
Расковавшись, сорвав удила.
Черной болью в сердца людские
Она врезалась и застыла.
А вокруг зеленеет лето,
А вокруг расцветает вишня...
Только голос любимый где-то
Все становится тише, тише.
Крышу яростно лижет пламя.
От жары заурчал реактор.
И в рубашках, алых, как знамя,
В рукопашный пошли ребята.
Напрочь вытеснив страх животный,
Они сделали свое дело.
И пожарная их работа
Перекинулась за пределы.
Невозможное в этом пекле
Вдруг возможным, доступным стало.
Их шестерка одной из первых
В том неравном бою осталась.
И земли обожженной стоны,
И ребячий кричащий голос —
Все отброшено взрывом в сторону,
И не скоро созреет колос.
А народ за тебя, Чернобыль,
Дни и ночи на вахте мира.
И ни стоило нам чего бы,
Тебя мужество возродило.
Словно кормчие у штурвала,
У реактора вновь «колдуют»
Добровольцы из-под Урала,
Из Смоленска, из Барнаула.
Эту черную быль на свете
Не сотрут ни дожди, ни ветры.
Только б жили Чернобыля дети!
Все за них, как один, в ответе!
А принявшие смерть, простите.
Вы — герои двадцатого века.
Низко голову опустите
Все, кто верует в человека.

* * *

Что-то не пишется,
Что-то неладно.
Голос не слышится,
Речи не складны.
Что-то покажется —
Трудно креститься.
Где же та скважина
Светлой водицы?
В городе пусто,
И твердь неспокойная.
Нет Заратустры —
Убили покойника.
Господи! Темень
Окутала всех.
Боже! Пошли
Нам спасительный свет.

ДРУЗЬЯМ...

Вот и всё. Отзвенели цимбалы,
Отыграли жалейки, и бубен умолк.
И мой конь утомился стоять у заставы,
Он копытом стучит, и не взять ему в толк,
Что друзей покидаю на долгие годы
И родные могилы в отцовском краю,
Там, где каждый четвертый в сражениях отдал
Свою светлую долю за долю мою.
Так играйте, жалейки, звените, цимбалы,
И ты, конь мой строптивый, не рви удила.
Я душой полочанка до капельки малой.
Меня мать-белоруска на свет родила.

ПРОСТИТЕ...

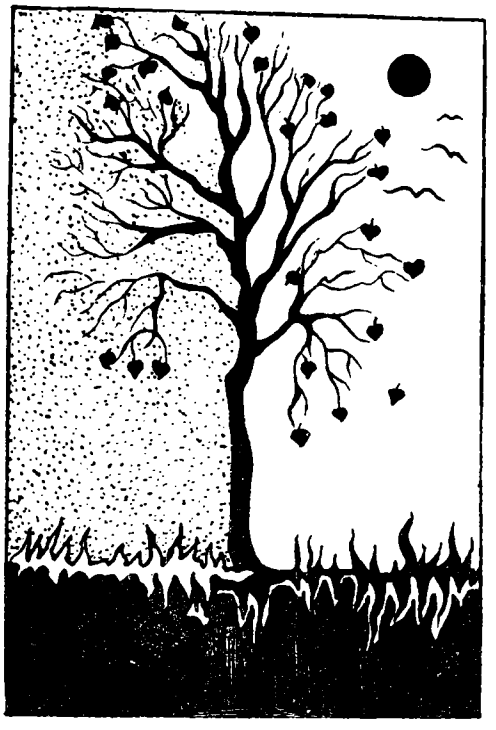
Простите за все вечера,
За дерзкое, может быть, слово,
За то, что не знала вчера,
Что песнь обрывается снова;
За мыслей шальных хоровод,
За всплеск одинокого сердца,
За тот удивительный год
(С трудом в это чудо мне верится).
Простите, простите, молю!
(Не знаю вины своей, Боже!)
За этот прощальный салют,
За это молчание тоже.

* * *

Один лишь дом на всей земле
Меня зовет в осенней мгле,
Один лишь голос сердцу люб,
Но не сорвутся больше с губ
Простые, добрые слова —
Приветных слов тех кружева.
Их четко слышу вновь и вновь,
Как отголоски прежних снов.
Промчались мимо вдалеке,
Кольцо оставили в руке.
Не знаю, что мне делать с ним.
Куда умчалось столько зим?
А то заветное кольцо
Вдруг закатилось под крыльцо,
Но холод в дверь мою влетел —
Кольцо с собой забрать хотел.
. . . . . .
Кольцо осталось под крыльцом,
А холод сжег мое лицо.

* * *

Половинка души,
Ты металась по свету.
Но Господь поспешил:
Родилась я не летом,



В тот удачливый год,
В ту декабрьскую стужу
Снеговой хоровод
В реках проруби вьюжил.
Половинку души
Я искала повсюду.
Бог сказал: Не спеши!
Среди доброго люда,
За высокой стеной,
В тесной старенькой келье
Что-то стало со мной,
Словно выпила зелья.
Закатилось кольцо,
Закатилось навеки,
Скорбь сокрыла лицо,
Приопущены веки...
Что же делать теперь?
На пороге усталость.
Приоткрыла я дверь
Да в той келье осталась.
Половинка души
Ко второй прислонилась.
Память дым ворошит,
Окажите же милость!
Я могла бы уйти,
Не спросившись совета,
Да не вижу пути —
Очи застило светом.
. . . . . .
Половинки души,
Вы сомкнулись, как реки.
Человек, не греши:
Не отринь человека.

МЕНСКУ

Меня в автобус внес людской поток,
А Менск смотрел мне вслед не отрываясь,
И мне казалось, что совсем не то
Кричит водитель, хрипло надрываясь.
А мне казалось, что совсем не так
Прощаться с Менском я должна была бы
И говорить должна была не так
Про все обиды, горести, ухабы...
Я непременно, Менск, к тебе вернусь
И доскажу, что так и не успела.
Ведь и тебе, моя ты Беларусь,
Я лучшей песни все еще не спела.

СКАЗАНИЕ О ПОЛОЦКЕ

(поэма)

Рогнеда

«И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ овому Ростовъ, другому Белоозеро. И по темъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници... въ Полотьски кривичи...»
(«Повесть временных лет»).

Из глубины седых веков
Течет медлительно и плавно
Река, чье имя стало главным,
С названьем древним Полота.
На берегу ее крутом
Таится город первозданный
С варяжским князем и желанной
Рогнедой, дочкою-княжной.
На днях к красавице-княжне
Посватались два князя-брата,
Да смело новгородским сватам
Сам Рогволод послал отказ.
Рогнеда в тереме родном
Все дни с подругами проводит,
Сама с дороги глаз не сводит:
Все ждет из Киева сватов.
Сам Ярополк — великий князь
Задумал в жены взять Рогнеду.
В те дни несчастный князь не ведал,
Что брат родной его предаст.
А новгородский смелый князь,
Сын ключницы и Святослава,
Спешил добыть в походах славу
И сесть на киевский престол.
С Добрыней, дядею своим,
Собрав из воинов дружину,
Владимир смело войско двинул
На мирный маленький Полтеск.
Едва забрезжился рассвет,
Еще роса с травы не спала,
Рогнеда, словно утра свет,
В светелке мирно почивала.
Сквозь дрему сладкую в тиши
Ей грезился жених счастливый.
К нему — все помыслы души,
Ее чистейшие порывы.
Все тихо в тереме. Покой
Еще прислугой не нарушен,
Едва скрипит от ветра груша
В саду, над самою рекой.
Спит мирный Полтеск у реки,
Умытый утренним рассветом,
И лишь в местах своих секретных
Тихонько скрылись рыбаки.
Да там, в прибрежном лозняке,
Соловушка выводит трели
Да слышен голосок свирели
С лугов придвинских вдалеке.
Такая тишина кругом!
Живое все — в немой дремоте.
На лес рассыпав позолоту,
Уж солнце красное встает!
Вдруг чей-то резкий страшный крик
Пронзил рассвет — и стих внезапно...
И в тот же запоздалый миг
Пропел рожок... Последней каплей
Он оборвал сон полочан,
В седло подняв дружину княжью,
Но Полтеск был уж обречен,
Хоть бились кривичи отважно.
Владимир I-й оскорблен
Отказом полочанки гордой
И не щадя кривичский город,
Его сожжению обрек.
За Полтеск бился Рогволод
С дружиной верной над рекою,
Привыкшей к миру и покою,
Да в битве голову сложил.
И пал от пламени Полтеск,
Клубился дым над пепелищем —
Над нашим древним городищем —
И солнце спряталось за лес.
Владимир полоцкий народ
Созвал у княжьего порога
И, подождав еще немного,
Рогнеду объявил женой.
В слезах, отчаянья полна,
«Разула» бедная Рогнеда
«Робичича» (о том поведал
Сам Нестор на святых горах).
Победой легкой окрылен,
Спешит Владимир в Киев стольный,
Где правит брат его невольный,
На мысли скорый Ярополк.
Отважный, смелый Ярополк!
Любимец матери-княгини,
Твоих стараний жаль поныне,
Но править Русью ты не смог.
Своей доверчивости раб,
Ты киевский покинул терем,
Лишь за тобой закрылись двери,
Был злобною рукой убит.
Предатель-воевода Блуд,
Нарушив долг или рассудок,
Душой коварный, как Иуда,
За золото предал престол.
Что было далее, никто
Нам этой тайны не поведал,
Но был Владимир вещий предок,
Он покорил святую Русь!
А через восемь кратких лет
Призвал Владимир Русь к крещенью,
И для законного решенья
Из Византии взял жену.
Рогнеда с каждым днем мрачней.
Не радуют княгиню дети:
Владимир, словно солнце, светит
Уже не ей — другой жене!
И сердце гордое ее,
Простившее утрату близких,
К земле приникло низко-низко
И застучало тяжело.
Ее в супружестве предал
Князь необузданных желаний!
Он пал к ногам царевны Анны —
А, значит, кровь свою предал.
Владимир в почивальне спит —
И византийский город видит.
Ему неведомы обиды —
Он верен Киевской Руси!
Но сердцу бедному верна,
К нему с ножом спешит Рогнеда,
Предательство и боль изведав,
Его решаясь умертвить.
У князя чуток вещий сон:
Отвел рукою меч он с силой
И в ярости жене постылой
Велел убраться с глаз долой.
Под Менск, в неведомую даль,
Судьбе покорная Рогнеда,
Предательство и боль изведав,
Под кров обители ушла.
С ней вместе княжич Изяслав,

Сынок, что спас от верной смерти,
Спасая матери бессмертье,
К бессмертной славе шел своей,
От своевольного отца
Он получил в наследство Полоцк.
Владимира я слышу голос:
— Да будет князем Изяслав!
И первый древнерусский князь,
На землях кривичей воспетый,
Не ведавший людских наветов,
Воссел на полоцкий престол!
Князь Изяслав в родном краю
Прокняжил мирно, да недолго.
А коль в нем жило чувство долга,
Он мать-княгиню взял в Полтеск.
Ее в народе на Руси
За муки звали Гореславой...
И я горжусь такою славой,
Что полочанкой родилась.
Мне терем видится вдали,
За Полотой, на городище,
Где на родимом пепелище
Рогнеда прокляла судьбу.
В прозрачной чистоте реки,
В хрустльных полотовских водах
Во славу полоцкого рода
Купался первозданный храм.
Быть может, там, над Полотой,
Непокоренная Рогнеда,
Всем сердцем горести изведав,
Почила в храме том святом.
В седой дали десятый век.
Сын пережил Рогнеду на год.
И мне закончить повесть надо б,
Но я продолжу о другом.
Почил навеки Изяслав
В том Богородицком приюте,
Что возвели умельцы-люди
Родимой Полоцкой земли.
Плакучих ив над Полотой
Не счесть и нам, в двадцатом веке,
Они хранят в себе навеки
Легенды Полоцкой земли.

ВСЕСЛАВ-ЧАРОДЕЙ

Три несравненные сестры!
Три дочери Руси великой!
Несхожи были ваши лики,
Но вы светили, как костры!
(Автор).

София Полоцкой земли!
Прости, что тайны отнимаю,
Ты рассказала мне немало,
Теперь потомкам расскажи,
Как в тот одиннадцатый век
Внук полоцкого Изяслава,
Великий князь и человек,
Свое отечество прославил.
Как родила княгиня-мать
Его на счастие в «сорочке».
Об этой летописной строчке
Нам спор поныне не унять.
Княгиня позвала волхвов
«Заговорить дитя от порчи».
Летели мигом дни и ночи!
Рос княжич весел и здоров.
Он от рождения носил
Волхвом надетую повязку.
И, если верить старой сказке,
То было знаком вещих сил*.
Князь правил Полоцкой землей
Чуть более полустолетья.
А сколько вилось разных сплетен
Над этой мудрой головой!
Сын Брячислава-удальца
Умельцев на Руси находит
И новый, в камне, храм возводит,
Быть может, волею отца.
Встает над Западной Двиной
Могучий кремль деревянный,
А в нем — София в древнем камне,
К ней плещется Двина волной.
София о седьми верхах!
Тебе из новгородской дали
За все Рогнедины печали
Всеслав добычу нес в руках.

И молвит полоцкий Всеслав
У новгородского собора,
Гонца с известием послав
К княгине в свой далекий город:
— О славный Полоцк на Двине!
И ты, желанная княгиня!
Все дни и ночи на коне,
Все дни и ночи на чужбине...
Таков судьбы моей удел —
Скакать в седле с дружиной верной,
Чтоб полоцкий святой удел
Сберечь от иноземной скверны.
Простите, милая земля,
И ты, княгиня молодая,
Что в новгородские поля
Меня влечет, к холмам Валдая.
Владимир первый — прадед мой
Обиду кровную посеял,
Удел оставив над Двиной,
Отдав князьям и юг, и север.
И с той поры ни стар, ни млад
Не знают в Полоцке покоя,
Пока свечами не сгорят
Поля над Волховом-рекою.
Потешу полоцкий народ —
И привезу к Софийской горке
Колокола, чтоб Новгород
Проникся сам обидой горькой.

Княгиня в Полоцке тайком
От юных княжичей и дочки
Слезу печальную платком
Слегка смахнет от милых строчек,
В тоске тихонько подойдет
В домашней церкви к аналою —
И с Богом разговор ведет,
Ему все мысли приоткроет:
— О Боже, Справедливый Спас!
Дружину княжию помилуй!
Храни Отечество для нас
И князю дай поболе силы,
Чтоб одолел врагов земли,
Чтоб люд под вечным страхом не жил...
И стены замка сохрани,
И сохрани на стенах вежи**.
От Ярославичей князей
(Помилуй, Боже, их Софию!)
Не дай нам ворогов-друзей,
Не дай мне, Боже, чадов хилых.
Храни Всеслава моего!
Земля родная нас венчала!
И чтобы храброе чело
Печаль-тоска не омрачала.

Да видно княжеской судьбе
Не суждены покой и нега.
Всеслав, уверенный в себе,
Спешит на помощь сыну Глебу.
О, мудрый, праведный Боян!
С невыразимою печалью
Нам строки вещие венчали
Всеслава храброго в боях.
То Ярославичей-князей
Набег на мирную Немигу
Навлек на храбреца немилость,
Его прославив тем навек.

* По преданию Всеслав был рожден от волхвования.

** башни.

Князь Чародей, презрев молву*,
С Дудуток на Немигу скачет —
Земля под Меньском горько плачет,
Склоняя гордую главу.
Снопами головы легли
На берегах реки кровавой,
Покрытые бессмертной славой
Сынов из Полоцкой земли.
От ран кровавых стонет Русь,
И вьются коршуны над нею.
Недаром в сердце князя грусть,
Не зря чело его мрачнеет.
То Ярославичи-дядья
Зовут Всеслава в Киев стольный.
Болит душа его невольно,
Да отказать родне нельзя.
Всеслав, доверившись судьбе,
Поверив в крестное заклятье,
Спешит под Оршу к ним в ладье,
Надеясь их принять в объятья.
Но снится князю вещий сон:
В высоком небе, над полями,
К нему летят со всех сторон
И волокут к бездонной яме
Чудовища в обличье змей,
Вонзая в тело злые жала...
Князь вскрикнул — и позвал друзей...
И к берегу ладья пристала.
Июльским мирным белым днем,
Забыв о крестном целованье,
Три Ярославича в полон
Всеслава взяли сыновьями.
Свершился вещий князя сон!
И не пресечь то злодеянье:
Навек в порубе заточен
Сидеть в сырой холодной яме.
Но сам-друг, киевский народ,
Восстал за честь и справедливость —
И оказал Всеславу милость:
Избрал на княжество его!
Судьбе и долгу верен он,
Копьем до Киева «доткнулся»,
А рано-поутру проснулся:
Услышал колокольный звон!
Софии! Полоцкой красы!
Донесся в Киев звон Всеславу.
И понесла на крыльях слава
Его по Киевской Руси!
Он города по доброте
Давал по совести и чести
Князьям, не признавая лести,
И суд судил по правоте.
Его отважная душа
Рвалась к отцовскому престолу.
И Чародей, награды стоя,
Вернулся в Полоцк не спеша.
На свой детинец въехал он —
И у святых ворот Софийских,
Услышав милый сердцу звон,
Приник к земле родимой низко.
Ликует полоцкий народ.
Вернулся, долгожданный княже!
И князя-чужака берет
Дружина Полоцка под стражу.
Звонница ходит ходуном!
София в праздничном уборе!
Малиновый прозрачный звон
Плывет-плывет почти до моря.
Смеется старая Двина
Своею старческой усмешкой,
Как будто говорит она:
— Иди, Всеслав, иди, не мешкай!
И, осенив себя крестом,
Всеслав в собор Софийский входит...
Но тайны Полоцка о том
Навек сомкнулись в древних сводах*.
А ты мне снишься, Чародей,
В своей(на хорах) княжьей ложе
Пред Спасом, на глазах людей,
Ты молвишь:
— О могучий Боже!
Спаси мне княжество мое...
Храни родной удел от смуты...
И певчих хор — храни! — поет
И князя славит в те минуты.
Собор Софийский на Двине!
Твои загадочные своды
Всё по ночам являлись мне,
Чтоб рассказать о давних годах,
О тех отважных кривичах,
Моих далеких древних предках,
Носивших имя полочан,
Потомков полоцкой Рогнеды.
Седой одиннадцатый век!
Давно ты канул в двинских водах,
Но Полоцкий Всеслав навек
Остался в памяти народа.

* Из Новгородских летописей известно, что Всеслав — «жадный до кровопролитья», т. к. в 1066 г. он сжег Новгород со своею дружиной дотла.

* Своды древней Софии Полоцкой давно разрушены, как и весь почти собор XI века.

ЕВФРОСИНЬЯ ПОЛОЦКАЯ

«...Яко луча солнечныя, просветивши землю Полотьскую». (Житие Евфросинии Полоцкой).

О Полоцкая Мать-Земля!
Ты подарила нам преданья
О том, как русские поля
Навзрыд от недугов рыдали.
О том, как западная Русь
Среди шести сынов Всеслава,
С себя стряхнув нелегкий груз,
Полвека мирно процветала.
Борисом звался старший князь,
Богобоязненный и гордый.
На храм Софии помолясь,
Он перенес в Задвинье город.
На Бельчицком крутом холме
В двенадцатом далеком веке,
Мне видится в холодной мгле
Тот город, лишь сомкну я веки.
Там, на высоком берегу,
Борис собор большой построил —
Я эти камни берегу,
В них живы древние настрои.
Там мудрый зодчий Иоанн,
Бок о бок с храмом Параскевы,
Поставил новый, в камне, храм,
Затмивший «Пятницкую деву»**.
О полочанин Иоанн!
Мой незабвенный давний предок!
Твой дар в Борисоглебский храм
Лег прочным камнем в знак победы.
Но я его немного отступлю,
О Иоанн, великий предок!
Преданья Полоцка продлю
О праправнучке Рогнеды.
В начале века, за холмом,
Жил младший князь Георгий-Юрий***
(Нам летопись хранит о том
Черты его живой натуры).
У князя было дочки две:
Предслава и Городислава.
(О чем вещает «Житие» —
Единственный источник главный).
Та, что Предславой названа,
С лицом наивным и мятежным,

** Храм Параскевы Пятницы на Бельчице в XII в.

*** Младший сын Всеслава Полоцкого князь Святослав-Георгий, отец Предиславы, позднее Евфросиньи Полоцкой.

От деда мудрости полна,
В сердца людей вселяла нежность.
От незадачливых подруг
Ее влекло к придвинским кручам,
И кто бы ни был: недруг-друг,
Она была, как солнца лучик.
И молодой соседний князь
Посватался к пригожей деве,
Но та, на церковь помолясь,
Покинула родимый терем.

Без страха, в полночь, в монастырь
Тайком ушла к Романье-тетке,
И были помыслы чисты
И мысли вились четко-четко:
— Что мне готовит белый свет? —
В раздумье молвит Предислава, —
Жил человек — его уж нет...
Все — прах, все — тлен, одна лишь слава —
Служенье Богу одному...
Да христианское терпенье...
От женской доли в терему
Она бежала вне сомненья!
Игуменья твердит свое:

— Ты молода и непривычна,
С сестрою младшею вдвоем
Не знали жизни вы обычной!
Но Предиславу не унять.
В душе застыли боль и жалость.
Ни князь-отец, ни Софья-мать —
Ничто ее не удержало б.
На том детинце, у реки,
Ее в монахини постригли
И Евфросиньей нарекли,
Отгородив от «дней постылых».
В Софии, в маленьком голбце,
Усердно бьет она поклоны,
И, вспоминая об отце,
Невольно вниз головку клонит.
Ведь князь Георгий не шутя
«Взъярён», узнав о постриженьи,
На непокорное дитя,
Принявшее столь тяжкий жребий.
Но Евфросиния княжна
Судьбы отмечена печатью:
От тетки греческой она
Читает книги в дни печали,
А может, отогнав печаль,
Украдкой вытирает слезы,
Когда манит Задвинья даль
И в сердце полыхают грозы.

Епископ полоцкий Илья
Приметил в ней души смятенье
И уберечь от бытия
Решил монахиню смиреньем.
Под Полоцком свое Сельце
Он с миром дарит Евфросинье —
Там резиденция отцов
Могучей церкви в дали синей!

Поправ любовь, отца и мать,
Они вдвоем с Городиславой,
Что Евдокией постриглась,
Плетут своему бессмертью славу.
Сестра их, друцкая княжна,
Евпраксией в постриге стала.
В миру безмолвна и нежна,
Она звалася Звениславой.
В тот одинокий монастырь
Ушли, почти что в одночасье,
Три юные княжны-сестры,
Искать свое в молитвах счастье.
И все приданое свое
Собрали сестры воедино,
И Евфросиния зовет
К себе умельца из Задвинья.
И мудрый зодчий Иоанн
Собор во имя Спаса ставит,
И, превращая плинфу* в храм,
Навеки Полоцк прославляет.
В нем вдохновения поток:
Умелец из простого камня
Создал пленительный цветок,
Все формы открывая заново.
Собор тот — зодчества венец!
Динамика и формы легкость
Придали храму, наконец,
То ощущение полета,
Что Иоанн не усмотрел
В постройке Бельчицкого храма.
Спас — памятник далеких дел —
Поныне славит Иоанна!

Другие мастера потом
Своим загадочным уменьем,
Благословив себя крестом,
Писали росписи-творенья.
О, фрески Полоцкой земли!
Любуюсь вами бесконечно!
Свои вы краски сберегли
И лики дивные навечно.
В вас что-то греческое есть:
В глазах огонь пылает страстный —
Художнику двойная честь —
Их славянин писал пристрастно!
Пять фресок милых женских лиц...
Своей мятежной красотою
Вы дали повод небылицам —
Догадки сказочные строить.
О фрески Спаса! Сберегли
Вы все тепло и суть секрета
Художника моей земли,
В вас вижу я его приметы!

Ты, Лазарь Богша, ювелир!
Княжне поднесший крест в подарок.
Его с любовью ты творил,
Умелец редкостного дара.
И Евфросиния княжна
Спешит с крестом в ту церковь Спаса
И в келье молится она:
— Пошли мне, Господи, дней красных.
Создать девичий монастырь —
Предел моих желаний тайных...
(Улыбка на устах застыла)
Обитель, крепни, процветая!

В святой обители, в посту,
Она блюдет монахинь строго:
Забыть мирскую суету,
Забыть в отцовский дом дорогу.
Забыть девичий звонкий смех,
Судьбе покорности учиться...
Не знать людских забав-утех.
Усердно день и ночь молиться!

Все также поступью тверда,
Полна все также мыслей тайных,
На склоне лет своих княжна
Свершает путь последний, дальний.
В тот сказочный Ерусалим**
Ее влечет мечта о славе —
Предстать пред Господом самим...
Честолюбива Предислава!

А вот какой встречал закат
Тот гениальный древний зодчий,
Что через многие века
Оставил в камне нам свой почерк?

Умельцы Полоцкой земли!
Свои загадочные тайны
Вы, как умели, донесли
Через века потомкам дальним.
И мы в космический наш век,
Сквозь пелену завесы дымной,

---

* Кирпич (по-гречески) крупного размера (=21x29x x3,5 см).
** Иерусалим.

Стремимся разглядеть ваш век,
От наших глаз сокрытый дымкой
Тех исторических имен,
Что пронеслись над Белой Русью.
В них много дорогих имен,
Их перечислить не берусь я.
Моя родная Беларусь!
Земля прекрасных гордых предков!
Над гробом матери клянусь
Оставить память о Рогнеде,
О мудром князе той земли,
Волхве Всеславиче былинном.
Мне в этом люди помогли,
К ним долго шла тропою длинной,
Без дум о благодарном дне,
О дне свершения победном...
О память! Не умри во мне,
Храни земли родной легенды!

Иван Алексеевич БУНИН
(1870–1953)

КНЯЗЬ ВСЕСЛАВ

Князь Всеслав в железы был закован,
В яму брошен братскою рукой:
Князю был жестокий уготован
Жребий, по жестокости людской.
Русь, его призвав к великой чести,
В Киев из темницы извела.
Да не в час он сел на княжьем месте:
Лишь копьем дотронулся Стола.
Что ж теперь, дорогами глухими,
Воровскими в Полоцк убежав,
Что теперь, вдали от мира, в схиме,
Вспоминает темный князь Всеслав?

Только звон твой утренний, София,
Только голос Киева! — Долга
Ночь зимою в Полоцке... Другие
Избы в нем, и церкви, и снега...
Далеко до света, — чуть сереют
Мерзлые окошечки... Но вот
Слышит князь: опять зовут и млеют
Звоны как бы ангельских высот!
В Полоцке звонят, а он иное
Слышит в тонкой грезе... Что года
Горестей, изгнанья! Неземное
Сердцем он запомнил навсегда.

21.1.16.

Печатается по изданию: Бунин И. А. Стихотворения. — М.: Худож. лит., 1985—254 с. (Классики и современники. Поэтич. б-ка), стр. 182—183.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЬЕДИНЕНИЕ

ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ

В наш «бунташный век» на поэзию смотрят свысока, даже пренебрежительно. Что в ней? Чем она может помочь? И вправду молвить: поэзия всего лишь излияние души человеческой. А какая практическая польза у души?..

И, тем не менее, участники «Полоцкой ветви», созданной в апреле 1989 года, в своих стихах пытаются затронуть как поверхностные, так и глубинные движения душ человеческих. Когда создавался первый сборник «Сумерки», перед нами стояла проблема единства именно духа включаемых в сборник стихотворений. Период же дискуссий и анализа показал, что подобное никогда и ни у кого невозможно, именно об эту проблему и разбивалось большинство литературных объединений. Но выход был найден. Стихи мы пишем по-разному, у каждого свои темы, совершенно индивидуальные пристрастия и, конечно, неодинаковые душевные порывы, но желание стать Поэтами с большой буквы объединяет нас. Причем это желание вызрело не из корыстных побуждений, а из ярко выраженной любви к поэзии. Она для нас и бог, и мать, и отец.

Мы ей служим, мы ее чтим.
Она и есть наша душа.

«Полоцкая ветвь».

* * *

«Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ...»

Ну что ж, немыты и мятежны,
и богом прокляты давно,
мы вновь завистливо и спешно
в Европу делаем окно.

И вновь молитвенные взгляды
косим сквозь скользкое стекло
туда, где нам уже не рады,
куда нас много утекло.

А. РАТКЕВИЧ (30.04.90 г.)

Кто виноват, что разбазаря
свое имущество и честь,
с престола свергнув государя,
мы не приемлем всё, как есть.

Кто нам судья, кто искуситель?..
И вот, рубли сменив на медь,
опять другим кричим: «Спасите!»
Учились только пить да петь.

О. ЗАЙЦЕВ (02.05.90 г.)

И в нас не кровь, а безнадежность,
на теле — фиговый листок.
Скажи, зачем Руси безбрежность
имеет вектор на Восток?

А наше темное сознанье
сродни таежной глухоте,
где после скорого дознанья
мы догниваем в мерзлоте.

А. СУДНИК (16.05.90 г.)

И мы бредем по бездорожью.
На прошлом — ситца красный грим.
И напоенный пряной ложью
нам сладок горький отчий дым.

А в душах злобы дремлет порох.
А в уши фраз течет вода...
На кровью меченых просторах —
всё те ж рабы и господа.

С. АГЕЕВ (26.05.90 г.)

Павел НИЗКОВСКИЙ

Басни в прозе

МНОГОГРАННАЯ БРОШКА

Витиеватая Брошка причудливо сверкала множеством изумрудных граней, любуясь собой. Она очень любила, чтобы все вокруг восхищались ею. Однако красавица еще не дошла до той грани, чтобы хвалить самое себя, а потому шла на невинную хитрость.

— Объясни мне, дорогой, — обратилась Брошка к элегантному юбилейному Значку, — почему так восхищенно смотрит на меня эта английская Булавка?

Башковитый Значок сразу уловил намерение Брошки, чтобы ее похвалили, и сделал ей комплимент:

— Красивая ты, вот и любуется тобой.

— Ах, что ты говоришь! — сине сверкнула глазами польщенная Брошка. — Не такая уж я... Есть и подороже меня. Наверное...

В ответ Значок возьми и скажи:

— Тогда, возможно, изъян какой-нибудь в тебе увидела!

— Пусть на себя посмотрит, сухая вобла! — вдруг рассердилась красавица, и глаза ее засверкали оранжевым пламенем.

Многогранная Брошка раскрылась еще одной гранью.

БОЖИЙ ДАР

Своего мнения у Микрофона не было никогда. Но был божий дар — умел он точно копировать не свои мысли и петь с чужого голоса. И скоро подпевала-Микрофон смекнул, что из этого можно извлекать выгоду. Всякому лестно, когда другие громко повторяют его мнение. И Микрофон не преминул воспользоваться своим открытием: завел дружбу с начальством, был допущен на трибуну, стал красоваться в президиумах.

Теперь он выработал свое кредо: повторяй то, что говорят вышестоящие, не перечь руководству — всегда будешь на виду и в почете.

СТРАЖ ПОРЯДКА

Много лет безупречно исполнял обязанности охранника амбарный замок, приставленный к Сейфу. Осанистый и крепкоголовый, он одним своим видом всем внушал: нельзя!

Только ключ имел к Замку подход, но и он нередко терялся, когда слышал: нельзя!

— Да почему нельзя, — возмущался, бывало, Ключ, — почему нельзя, если надо для пользы дела!

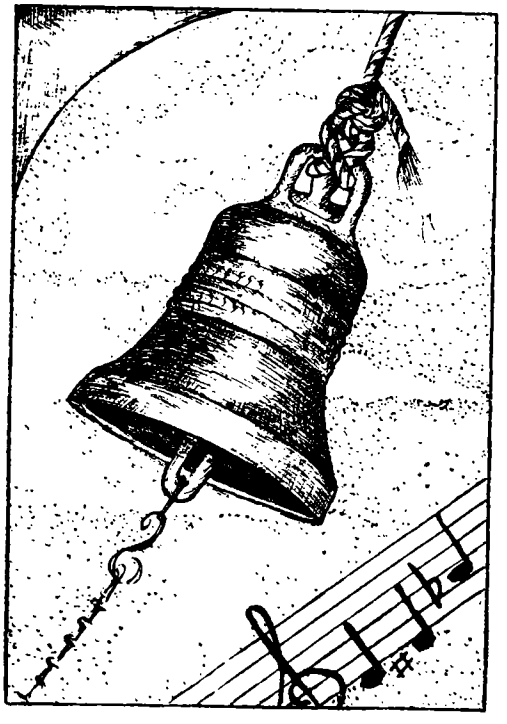
— Нельзя! — твердил Замок. — Такой порядок!

С годами усердный блюститель порядка, хотя и остался крепок духом, все же морально устарел. Но уходить на отдых и не помышлял: нельзя, без меня порядка не будет!

Пришлось снимать его с Сейфа приказом. Но учитывая прежние заслуги, перебросили Замок на сарай. В сарае к тому времени хранились только старые Лопаты и ржавый Лом, но Замок не сконфузился. Он и тут был по-прежнему неприступен: нельзя!

◆ ◆ ◆

Сергей АГЕЕВ



ВЕЧЕВОЙ НАБАТ В ПОЛОТЕСКЕ

В буйной пляске зимней ночи
Снег клубился молоком.
Веча колокол ворочал
Темень медным языком.
Разлеталась звуков стая,
В темь оглохшую плыла;
До собора долетая,
Ударялась в купола.
Хлесткий ветер, жутко воя
Разносил набата стон.
В диком звуков разнобое —
Злое карканье ворон...
Звон пророчил горечь сечи,
Звон заранее рыдал...
Будто, впрямь, уже увечил
С хрустом головы металл.
Будто выползли из ножен
Резво лезвия мечей,
Будто снова сталь корежит
Без разбора плоть плечей.
Вился клич над древним градом,
Задохнувшийся бедой,
Над Детинцем и Посадом,
Над дремотною Двиной...
И будил, и звал набатный
Звон, вселяя в души дрожь,
Не на пир — на подвиг ратный
Удалую молодежь...

* * *

Сукнецо дырявое
Уж не давит плеч.
И судьба корявая
Словно ржавый меч.
Волос под папахою
Стрижен до корней.
До венчанья с плахою
Очень мало дней...
Было: явь сусальная.
Юнкер как птенец.
И дорога дальняя,
Но в один конец.
Было: китель выглажен.
Старенький ремень
Каптенармус-выжига
Одолжил на день...
Родины распятой
Измордован лик.
За бесчестье платой —
Офицерский штык.
Эй, судьба корявая,
В нужный миг не струсь!
А кончину бравую
Пусть помянет Русь...

СЛЕД

(поэма)

«Они смутившись и испугавшись подумали, что видят духа...»
Евангелие от Луки.
Гл. 24, ст. 37.

I

Звезды на небесной ткани строгой
Крапинками рыжими вразброс,
Кутанные зимней дымкой-тогой,
Стыли, притаив немой вопрос.
Второпях рожденная, нагая,
Лунная ладья на небосвод
Выплыла и, холодно мигая,
Радостная, словно весть благая,
Совершала мерно крестный ход...
Лик небесный тучей, будто бровью,
Изредка угрюмо шевеля,
С неизбывной мукой и любовью
Жалостно оглядывал поля.
А в полях, простуженно чихая,
Ветер неумолчно завывал.
Падала на землю ночь глухая
Неостановимо, как обвал.
Темнота рвала чужие маски,
Главную себе оставив роль...
И сжимали страхи, беды, дрязги
Скорбную и снежную юдоль.

II

Щедрой горстью мокрый снег бросая,
Метя белым землю и дома,
Крадучись ступая, как босая,
Шла на город хлипкая зима.
Ну, а город спал, завесив шторы.
В комнатах, которые тесны,
Прокуроры, стражники и воры
Видели отчаянные сны.
В них мелькали дьявола соблазны,
Удаль разбитного кутежа.
И в глубоких снах привычно разных
Не смиряло белых, черных, красных
Красное на лезвии ножа...
Прокурору виделась карьера.
Вор во сне твердил статьи УКа
И от стража глупого сверх меры
Мчался, сокрушая все барьеры,
Как тореро мчится от быка.
Юный и почти совсем безгрешный
Был один. Во множестве ночей
Видел он во снах не мрак кромешный —
Небо, лето, солнце и ручей,
По ручью колючий лучик плавал,
Беззаботно в дали убегал...
И, мечтая стать любимцем славы,
Юный строки дивные слагал.

III

...Ветер выл затравлено и люто.
Голосил во сне свирепо вор,
Словно за его спиной Малюта

Заносил отточенный топор.
Словно — вот, придут, возьмут, разденут,
Заставляя друга оболгать,
Головою станут бить о стену,
Плеткою ременною стегать.
А потом и пяткам будет жарко —
Сплюнув, огоньку палач поддаст.
Плоть свою ворюге станет жалко:
Сплюнет вор — и кореша предаст.
И, хотя не верил, и не ведал,
Все расскажет — будто рядом жил...
И поймет: не только друга предал,
И не только кару заслужил.
И холодный пот на лбу проступит,
Расстреляет вора страх в упор.
И Малюта к делу вновь приступит,
Занеся над грешником топор...

IV

...Стражнику хотелось лишь покоя,
Как монаху — пения псалма,
Но во сне, зубною болью ноя,
Снилась стражу страшная тюрьма.
Камеры, глухие коридоры.
Во дворе — истоптанный бетон,
Жулики, насильники и воры,
Разломав решетки и запоры,
Навалились вдруг со всех сторон.
Словно маски, каменные лица.
Руки рвут засаленный мундир.
Кровь струится бурою водицей,
На пол теплой линией ложится.
Часто прерываясь, как пунктир.
А один бандит закоренелый
Стражника молотит прямо в пах...
И совсем как труп — одервенело —
Замирает страж в постели белой
С болью, поселившейся в зубах...

V

...Снег ложится редкой, рваной ватой,
Накрывая грязные места.
В сновиденье жалком, как заплата,
Без раздумий Понтия Пилата,
Прокурор велел распять Христа.
Телом не вполне своим владея,
Не сумев постичь святую суть,
Протянул он руку, холодея,
Словно прокуратор Иудеи,
На Голгофу указуя путь.
И поник, с престола свесив руку,
В пустоту зияющей ночи,
Ощущая ту крутую муку,
Что еще готовят палачи...

VI

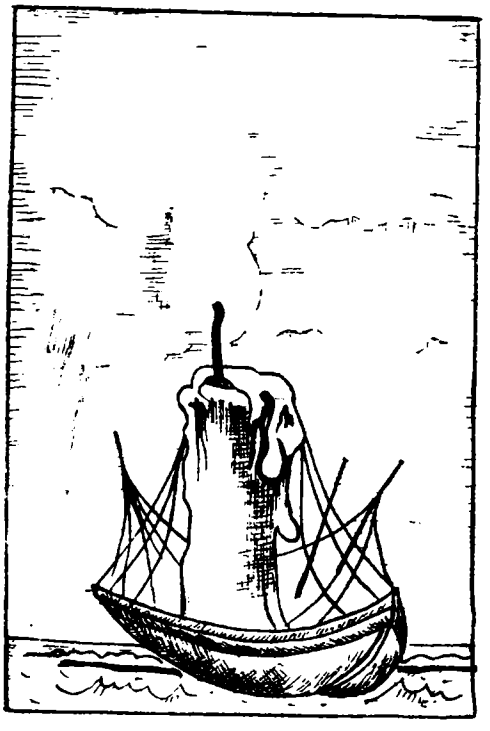
...Сон как явь. Хоть сны сбывались редко —
Возвышалась крестная гора.
Юный знал: пришла его пора.
Слава что? Оливковая ветка,
По большому счету — мишура.
Дело есть, когда слетелись тучи
И сыграть никак нельзя вничью.
Только жаль: погаснет солнца лучик,
Ползавший младенцем по ручью.
Только вот бы — дивные те строки,
Что слагал недавно у воды,
Испарясь, как вешние потоки,
Все-таки оставили следы!..
Под луной — негаснущей лампадой —
Он взошёл на гору в темноте.
И ему хотелось — без бравады —
Как иному хочется награды,
Умереть невинным на кресте...

VII

Город спал. Зима вовсю кружила,
Сея в снах безверие и тлен.
Сатаны магическая сила
Забирала разум спящих в плен.
В снах, скитаясь, мазал души сажей
Страх извечный — сказочный Кощей.
Страждущих покоя ждали стражи.
Осужденных — вонь тюремных щей.
Просветленных мучали вопросы.
Убегавших — близкий шум погонь...
А зима наездником раскосым
Мчалась по сугробам и заносам,
Запалив бесовский в снах огонь.
И скрипели старые заборы,
С нетерпеньем ждущие весны.
В комнатах, которые тесны,
Прокуроры, стражники и воры
Видели отчаянные сны...
Юному приснилась радость воли:
Блеск воды и солнечных лучей,
И шестая часть земной юдоли,
Та, где нету выстрелов и боли,
Нету жертв, и нету палачей.

06-08.01.91 г.

Александр РАТКЕВИЧ



ТАЙНЫЙ ЧАС

Философия паука

Серый паук, что в углу примостился
после того, как я выключил свет,
с вечным вопросом ко мне обратился:
знаю ль я жизни смысл или нет.
Этот вопрос мне — как дым сигаретный.
Тихо сказал я сквозь мелкий испуг,
что перед сном философствовать вредно,
да и, по правде сказать, недосуг.
«Да уж! — вспылил он. — Ты, вижу, зависим
от мелкоты». И паук засмеялся.
И, засмеявшись, со стенки сорвался —
признак того, что он сильно завистлив.
Паузу выдержав, я осторожно
вымолвил: «Слушай, ты истинно сер.
Мне бы хотелось, если возможно,
мненье твое услышать теперь».
Он, согласившись, задвигался важно
в темном углу, как бы что-то творя;
после сказал, что он против бумажных
высохших мух, ни на что не смотря,
что он не любит словесную лепку
фраз отвлеченных, фантазий рутину,
и, чтобы жить обеспеченно-цепко,
надобно плесть и плесть паутину;
именно в ней-то и скрыт делово
смысл нашей жизни земной, без сомненья...
Мне опротивело это зуденье —
я, не дослушав, прихлопнул его.

* * *

Растаял день. Всевластность ночи
диктует звездность людям и земле.
И я один в свой час урочный
иду во мгле.

И слышу вдруг в светящемся затишье,
о чем трава беседует в ночи
и как проказят по-мальчишьи
лилово-лунные лучи.

И ветер над водою затихает.
И пруд, что за день солнцем опален,
прохладу ночи глубоко вдыхает
сквозь жуткий сон.

И каждый куст — хранитель взгляда ночи.
Сквозь струны серебристые ветвей
сияют звезды чисто и молочно,
ночные осветители людей.

И светел путь в ночи неизъяснимой.
Поля молчат, как фрески, в тишине.
И нет дороже звездности ранимой
сегодня мне.

* * *

Меня никто не избирал поэтом,
я на поэта не учился никогда.
Я в поле вырвался, за мною следом
понесся конь взъерошенный туда.

Хоть сладок бег, но все же мимолетен.
И замер я, и мысль пришла, как дрожь:
тоска неизбранному — всем он неугоден,
но так ли это — сразу не поймешь.

Как не поймешь звучащие утробно
слова в плену зеленого огня:
седлай скорей — и не смотри так робко —
и погоняй горячего коня;

стегай его, неизбранного тоже;
ведь вас единая соединяет плоть;
и даже он, невыдуманный Боже,
не сможет вас во веки расколоть.

СОНЕТ

Полон вселенский зал
таинств немым узором,
звезд рыдающим хором
и остротою жал
быстрых огней, как шквал
властвующих простором,
и бессонным напором
метеоритов-скал.

Здесь же, топча ногами
землю, листву и кровь,
дрогнувшими руками,
дремлющими глазами
думаю я ночами
объять необъятное вновь.

Натюрморт с ...

Сентябрьские сливы сочны и красивы
и яблок рубиновых свеж аромат,
и дыня почти позолочена, над
которой свисают — смешны и спесивы
зеленою вазой вполне овладев,
пион с георгином; на скатерти белой
арбуз, чуть надрезан, заманчиво спелый,
и карие косточки, явно зардев,
слегка смущены бесполезностью полной;
рябинная гроздь у подножия вазы:
зеленое с красным — печальный мотив,
который, однако, не делает больно,
как делают это колючие фразы,
когда разговор наш — один на один;
и странны прожилки кленовых листов —
живые и мертвые несовместимы,
но это, по правде неисповедимо,
как наша с осенним налетом любовь.
Как боязно яблоки, сливы и дыня

и смотрят на нас, и с укором молчат,
как будто мы чужды, и жизни очаг
обыденно рушит гордыня.

Вещий сон Дюрера

Дюреру снятся потоки воды,
с неба несущиеся на землю...
Он просыпается, страх не приемля:
«Вновь замышляешь коварное ты,
господи праведный...» Вещий был сон:
хлынули реки крови народа
и захлебнулись мечты о свободе.
«Ваша свобода — цепей перезвон».

Дюрер не верит кровавому знамени
с изображенным на нем башмаком.
Страшен поток оборванцев, лицом
напоминающих боль и стенание.
Страшен восставший. Но истины весть
Дюреру снова и снова мерещится.
Кисть оживает и бешено мечется:
«Вот вам за кровопролитие месть».

...Клети, снопы, черепки от горшков,
вилы навозные. И на вершине
он, из народа простой мужчина,
он — ненавистник плетей и оков.
Что этот меч, пронзающий спину!?
Ведь и несчастный бывает велик.
В нем, в неотёсе — божественный лик
временем новым рожденного сына.

Чаяний грех, нескончаемость крови
все же склониться его принудили.
Где же ты, новорожденная сила,
чтобы топтать их, гонителей, снова?
Чтобы склоненная ниц голова
вновь обрела бы уверенность в деле...
Топот сапог. Обнаженное тело,
вмятое в землю, как будто трава.

* * *

Хрустальна жизнь: красива и хрупка.
И я в ней, как в сети плотвица:
еще хочу чего-нибудь добиться,
и вдруг, и вдруг — добыча рыбака.

Надрывно-серебриста чешуя.
Я плыл целенаправленно и долго
против течения. Вот только
не замечая: чья или ничья?

Упругостью блистая безупречно,
листая сети клетчатый узор,
я обнаруживаю все-таки зазор,
и плавно падаю в невидимую речку.

Уже мне снилось лезвие ножа,
вскользающее запросто в подбрюшье,
и я, как заведенная игрушка,
подпрыгиваю, сдержанно дрожа.

Дыша привольно — страсть вольна —
я уплываю вновь не по теченью;
оно еще не вызрело, значенье
весенних вод не осознав сполна.

Малина

Скоро малина начнет осыпаться:
спелые ягоды красной каймой
землю сухую усыпят с лихвой.
Вся-то их жизнь — изложение вкратце.

Помнится им, как июньской порой
снежным цветеньем малинник покрылся.
Каждый луч света в то время ценился —
нужен был свет им, как сердцу покой.

Ну, а в июле уже заискрился
розовый сок в набухающих зернах.
Ягодам стало легко и просторно.
Зрелости круг золотой повторился.

К августу, сладкому месяцу сбора,
сны им последние отоснятся,
тихо они начнут осыпаться,
с предназначением этим не споря.

Тайный час

Трагичность бытия... Когда с себя срываю
единоличия искусственную маску,
рождаюсь снова я тогда и вновь решаю
достичь классической гранености алмаза.

Стекло разбитое — сегодняшние распри.
Неужто выгоднее отравить колодец?
Годам распятие — вот крест и гвозди. Разве
я не найду того, кто первый гвоздь вколотит?

Но прошлых лет еще не утихает тленье.
И дым досады не дает от зла очнуться.
И я, споткнувшись о смешной стандарт старенья,
с погасшей завистью пытаюсь оглянуться.

Но что там в прожитом сияет или гаснет?
Трагикомедия, прожорливая гостья?
Иль бесконечно простирающийся праздник,
что был ли, не был ли, но горло режет костью?

Так горек путь. И меркой целой жизни
оцениваю день, минуту и мгновенье,
чтоб в тайный час измученной отчизне
все сокровенное отдать без сожаленья.

Пророк

«С тех пор...»

Я променял свою одежду,
как крохи брошенных хлебов,
на обнажённую надежду,
на прокаженную любовь.

Пустыню проклял я спокойно,
в душе пустыню восхвалив.
Песок и холодно, и знойно
засыпал глаз моих разлив.

И Дом наполнился злословьем.
Но не кричали мне вослед,
а насмехались с хладнокровьем:
«Одежды не было и нет».

Ночами слушать научился
я ближний бред и дальний храп,
когда однажды мне приснился
во мне беснующийся раб;

когда он сытыми глазами
искал порок в глазах моих:
вполне «святыми семенами»
себя насытил и других.

И вот нечистыми устами
швыряю богу, как плевок:
«Я веру продал со стихами;
скажи, так разве я пророк?»

Безвременье

(поэма)

Кто напророчил безвременье нам?
Бог или сын его, или же скука?
Или — опять нам большая наука —
мы постарались к своим же ногам
стекол набить и — ведь вот закорюка —
сами на стеклах и будем плясать.

«Брось, дорогой, неужель не понять:
мы насегодня уже не пророки,
так же, как видеть ты можешь, не йоги,
так же...» Не надо. Зачем же пенять
зеркало нам, ведь известно: пороки
не в зеркалах коренятся, а в ду...

Шах или мат нам безвременья дух
ставит с насмешкой? И черные клетки
белым подмигивают, как кокетки,
видимо что-то имея в виду.
Что?! Вот вопрос... или мыслей объедки
после того, как продули игру.

Нет. Пораженье придет поутру,
ну а сейчас еще вечер, затишье;
август в загуле, поэтому мышья
в доме возня не к добру, не к добру.
Скука. И зеркало врет. И мальчишья
партия в шахматы мне — как петля.

Вспомнить охота, соблаговоля
выйти на воздух, прошедшие сутки:
мы без зазрения черные шутки
так отпускали — дрожала земля;
знали, конечно, что шутки-то жутки,
что раскроят они родину-мать.

Только вот есть впечатленье: плевать
было нам очень и очень на это;
нет, ну всегда исключение где-то
там, вдалеке, продолжает мерцать;
ясно, что быть мы не будем без света,
с голода мы не опухнем — всё так.

Есть, между прочим, пословица: рак,
лебедь и щука... а дальше не надо,
мы образованны, в общем не стадо —
двигаться можем осознанно, как,
взять для примера, хотябы бы торнадо
или... постой, это что-то не то.

Сутки прошедшие — как решето:
через него мы просеяли ветер,
глянули, а результат не приметен.
Вот и подумалось нам: а за что
райская жизня — из тысячи сплетен,
если не знаем и день как дожить?

Так неужели, позвольте спросить,
мы и «остынем» кротами слепыми,
будем до смерти настолько терпимы
и безразличны, что впору завыть.
Это уж слишком. К тому же, родимый,
в гости нагрянул к нам переворот,

как бы шутя. От ворот поворот.
мы к нему, значит, — опять же наука —
тут же устроили. Но, от испуга,
все закричали: «Не сват, а урод!»
Я бы назвал это шашечным фуком —
если играешь, не нужно зевать.

Тут же хочу афоризм нанизать:
шутка не шутка — попытка не пытка.
Но, между прочим, была панихидка
справлена, как бы точнее сказать,
с истинным вкусом, достойно и прытко.
«Ты издеваешся». «Я? Никогда».

В троице дней (или это года?)
катарсис мы пережили глубокий,
вышел из душ наших червик убогий
всепоклонения, и навсегда.
И начался вдруг процесс однобокий:
этот предатель, а этот герой.

Для уяснения, что под корой,
надо содрать ее, и не иначе.
Вот и содрали Дзержинского — значит
только осталось железной рукой
Ленина за ноги (с плачем, без плача —
суть не меняется) — к черту, долой.

А в Мавзолее с лихвой удалой
можно устроить сортир всесоюзный;
слева для женщин, точней профсоюзный,
справа за счет государства — мужской;
ежели случай случится конфузный,
можно, конечно же, — я не умру,

ты не умрешь — поменять ввечеру
(чтобы не видели) буквы местами.
Только ведь Ленин, вздрогнув усами,
может ожить, и тогда, как чадру,
с нас он сдерет восковыми руками
маску, надетую наоборот.

Тошно мне, милый. Как водоворот,
время засасывает без оглядки.
Было, играть нам не надобно в прятки,
в Ленина все-таки верил народ.
Ну а сейчас в этой бешеной схватке
будто бы мы уже стали умней?

Будто бы всё — наступил апогей.
Так ведь не с Ленина всё начиналось.
Вспомним народников; выбросив жалость, —
тоже их в землю; потом, как мышей,
нам раздавить декабристов осталось.
Пусть и Радищев в могиле замрет.

А Кампанелла, а Мор... Наперед
знаю, что Маркса и помнить порочно.
Все они, все они, друг мой, заочно
гады, предатели, сволочи — вот.
Кто же я — сын извращенья побочный
или же ангел святой во плоти?

Что это, утро уже? Погляди,
канули сутки и канули страхи:
мудрости миг головою на плахе,

вот и попробуй-ка мир соблюди,
замерший в кратком взволнованном взмахе.
Воины мы. Нам безвременье впрок.

Делим по партиям сквозь юморок,
делим по нациям, как по квартирам,
делим границы, чтоб дезертирам
было раздолье, и делим оброк.
Линию нам поделить бы пунктиром,
да бесконечна она — не объять.

Совесть не делится — и не понять
что ж о ее разделении не млеем,
что ж доброту поделить не умеем,
или банально все это опять?
Или воинственно-алым елеем
легче заляпать грядущий рассвет?

Вновь, как сурок, затаился ответ.
«Ставить вопросы, я вижу, ты мастер
так, как в атаку: бездумно и насмерть.
Но не забудь, что ведь можно в кювет
или (твой стиль) заработаешь насморк».
«Или, послушай, ответы в душе?..»

Нам и Чернобыль банален уже.
Он не затронул ведь всех поголовно,
значит к чему волноваться-то, словно
вымрет страна, как любовь на меже;
значит потерпится, слюбится, ровно
ляжет на дно и пребудет вовек.

Пляска на стеклах? Так лучше уж бег
метров на десять, на больше не сдюжим;
ноги порежем — страх здесь не нужен —
на руки встанем, и дальше, как шнек.
Ясно, что мы перепутаем ужин
с завтраком, полдник с обедом, а кровь

с клюквенным соком и, без дураков,
в кучу неверие в социализмы
и в коммунизмы, и в капитализмы,
и демократию связкою дров
тоже засунем в проклятые измы,
как в мясорубку, — давай-ка, крути.

С этим мы справимся. Но, погоди,
а интеграция — это не шутка.
Примут ли нас там — вот прибаутка,
суть ее скрыта еще впереди...
Партию в шахматы? С радостью. Ну-тка,
кто же сильнее: они или мы?

Нет ничего, что сильнее зимы.
Тысячу раз нам она подвозила
тройку победу, и с помпой садила
в сани, а мы, как большие умы,
ну погонять эту тройку до мыла.
Запад дрожал, как от холода. Да-а,

вправду промолвить: куда нам, куда,
если возжаждали разъединиться,
после по-новому соединиться,
ну а потом уже... всё ерунда;
воины мы, нам бы биться и биться,
чем грандиознее, тем веселей.

Впрочем, как будто бы оранжерей
там, за границей, сплошная система;
и уж, конечно же, каждое семя
где-то сильнее, а где-то слабей
произрастает без всякой проблемы.
Мы обожаем утопию, бред.

Лучше пусть нами система планет
руководит, а уж мы поглазеем...
Ладно, хожу; ведь ходить-то умеем
из одного да в другой кабинет.
Что-то не клеится партия. Смеем
или не смеем — в отставку ее?

Слушай, по-моему сквозь дымовьё
августом пахнет, как перегаром.
В первый же день я пророчил недаром:
хунта еще нам покажет свое
то ли лицо, то ли дело; навалом
в ней еще замыслов тайных на брак.

С кем или с чем, непонятно никак?
Мелочь. Другое мне темечко колет:
я пацаном еще, будучи в школе,
взглядом голодным вселенский чердак
будто просверливал и, поневоле
спрашивал, вовсе забыв про ночлег:

как на земле одинок человек,
так неужели в космической глуби,
любо кому-нибудь или не любо,
братьев по разуму (лучше коллег)
нет у него? Да ведь это же глупо.
С кем же делить ему память годов:

золото мыслей и золото слов,
чисел богатство и прелесть открытий,
свежесть и блеск величайших наитий,
чудо любви и беду катастроф?..
«Мысленно что ли земную обитель
ты покидаешь? Неужто, дружок,

твой наступил нежелательный срок:
выдохся ты, исписался; и время
давит тебя, как моральное бремя,
давит, пока не появится сок
или пока не расколется темя.
В звездных просторах спасенье твое?»

Хватит, давно уже утро хламьё
с улиц счищает метлой и лопатой.
В зеркало глянь — ты хмельной и горбатый.
И не безвременье, а воронье
кружит над домом и жаждет расплаты.
Мы или вороны настороже?

Мы на смертельно крутом вираже:
где, отвечай, находился ты в пятом,
где ты в семнадцатом был и в тридцатом,
в тридцать седьмом ты, небось, в шалаше
девочку нежным обласкивал взглядом...
Дайте же меру нам, хоть бы взаймы,

чтоб отклониться от этой чумы.
Где ты, непуганное поколенье, —
думать и веровать без извращенья
и без моральной убийственной тьмы?
Точка. Добавлю еще в заключенье,
как же (в квартире) выводится тля:

надо, лукаво не мудрствуя, для
этого взять чеснока хоть кусочек,
в ступке его истолочь, кипяточек
влить и настаивать, а опосля
этим обрызгивать стебли... Короче,
если советовать начистоту,

нужно мне вымолвить, что наряду,
с этим рецептом ведь есть и другие;
но, признаюсь я, во мне небольшие
знанья подобные, как на беду.
Или на счастье? Дилеммы такие
я уж в конце не решу ни за что.

Да и нет смысла, наверно. Зато
я, не взирая на то, что не бритый,
вдруг говорю (или мыслю) сердито:
целую ночь я сегодня — пошто?—
спал, как убитый, не спал, как увитый
спрутом безвременья. Срам.

Александр СУДНИК

* * *

Предназначение Иуды
Есть тень значения Христа.
Под сенью страстного креста
Ничто предательские ссуды.

И все ж, доныне и покуда
Грозна изменческая спесь,
Ведь тень Евангелия есть
евангелие от Иуды.

* * *

Упади, словно птах на твердыню,
Растворись, словно пар в небесах.
Усмири свою злую гордыню —
Будешь гением в наших глазах.
Будешь гением, станешь пророком,
Только стань за черту к мертвецам.
Мы же бронзой тебя ненароком
Обольем от ступней до лица.
Мы возьмем твои умные мысли
И развеем в больших тиражах —
Даже числа исполнятся смысла,
Если их умножать, умножать...
Так умри ж! Остальное за нами —
Будет пухом гранитная твердь.
Мы готовим последний экзамен —
Гений должен уметь умереть.

* * *

Ну, что ты! Плачь или не плачь—
Ты хорошо служил, палач.
Бери, бедняга, свой топор,
И поступай на скотный двор.
Там слышал я, а ты смекни,
Нужны со стажем мясники.
Палач — работа на века —
Сродни искусству мясника:
Движенья те же, смысл таков —
Тот рубит честных,
Тот — скотов.

КРАСНОЕ КЛАДБИЩЕ

В тихое болото у Двины-реки
Ночью на работу ходят мертвяки.

Опустив кавычки директивных клизм,
Строят по привычке некий коммунизм.

Мертвецам противен облачный уют,
И они в корытах под землей днюют.

В ожиданьи млеют, словно на сносях.
Светлые идеи тлеют в их костях

В этой круговерти нужно неживым
Что-то после смерти досказать живым.

Хочется умершим после Октября
Доказать, что жили на земле не зря.

В полночь свои ямы трупы отопрут.
Как всегда упрямо примутся за труд.

* * *

Я хотел бы прожить без врагов,
Только их появленье спонтанно.
Это может покажется странным,
Я как другу, врагу обречен.

Я стараюсь не делать грехов,
Но умножьте года на ошибки —
Засияют злорадством улыбки,
Тех, кто правом судить облечен.

Понимаю, что нету богов,
Но земля так темна и убога...
Вот и веришь в единого Бога,
Потому что он в свет облачен.

* * *

Покойный сумрак. Брови. Веки.
Уныло утро. Пусто. Серо.
Что в мире суть, то в человеке
Переломили боль и вера.

Протяжный день. Привыкча к свету.
Надежда. Вечер. Зависть. Мутность.
Религия плохой приметы —
Но есть ли в жизни нашей мудрость.

Смиренье. Знак. Движенье. Звук.
Абстрактный мир любви и чисел.
И ночь, и смерть — искомый смысл.
И жизнь есть радостный испуг.

* * *

Кто сломлен подлостью своею,
Неси венок немых грехов
Сквозь эту мертвую аллею
Умерших и живых стихов.
Над глубиной ночного сада
Полуистлевший лик луны,
Созвездий хрупкие громады
И черное вино вины.
Всему содеянному нами
Есть беспощадная цена:
До иступленья пить ночами
По капле истину вина.
И ты заложник каждой ночи,
Обломок подлости и зла!
И твой венок — соцветья порчи,
И словно дым — твои глаза.
Но все возможное — возможно.
Воскреснут мертвые стихи.
И будет час. И будет можно
Тебе отпеть свои грехи.

* * *

Вообще ненавидеть — смешно,
А за что-то любить — безрассудство.
Оттолкнуть? не грешно.
Только это искусство
Мне, как многим, увы, не дано.
И приходится жить и терпеть.
И делить с нелюбимой постель.
И встречать нелюбимых гостей.
Нелюбимые вещи иметь.
Ненавидеть кого-то — боюсь.
А любовь — золотая химера.
Есть одна утонченная вера —
Эту веру нам подал Иисус.

* * *

Этот вычурный мир, словно выстрадан нами, —
Мы навидим его даже в красном смещении звезд,
Даже в трупном свечении вспоротых млечных желез,
В черном свете его обаяний и маний.
Мы навидим его потому:
Наши души и он — антиподы;
Отражение мертвой природы
Так приятно слепому уму.
Так приятно живому уму
Осознание власти над властью —
Верный признак святого причастья
Тайнам света, низвергнувшим тьму.
Тайнам тьмы, низвергающей свет,
Мы не меньше, чем свету, причастны.
Мы причастны, и это не частность,
Тайнам счастья, которого нет.
Этот вычурный мир, допридуманный нами, —
Мы глядим на него сквозь живые хрусталинки слез.
Он построен из хрупких теорий и грез.
Неужели на самообмане?

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

ТАРАСАЎ С. В. Новае ў археалогіі Полацка . 7
ДВИНСКАЯ ЯДВИГА. Времена Рогволода. Исторический очерк 18
ЗОРИН Н. Минувшее и настоящее г. Полоцка. (К торжеству перенесения мощей преподобной Евфросинии из Киева в Полоцк). 1910 г. 20
МИЛЮТИН В. Н. Клад X века из Струни . . 30
ДАНЬКО Л. Ф. История Полоцка и его уделов конца XII — первой четверти XIII вв. по «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского 33
ПОЛОЦКИЙ БОРИСОГЛЕБСКИЙ МОНАСТЫРЬ: ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА КУЛЬТУРЫ
ГОВОРСКИЙ К. А. Историческое описание Полоцкого Борисоглебского монастыря. 1865 г. . . 37
СЕМЕНТОВСКИЙ А. М. Полоцкий Борисоглебский монастырь. 1866 г. 42
АРЛОЎ УЛАДЗІМІР. Хто выкраў крыж Еўфрасінні? 48
Уставная грамота Великого князя литовского Александра («привилей») г. Полоцку на магдебургское право, 1498 года октября 7-го (с факсимиле копии документа конца XVI века из Литовской метрики) 54
Взятие Полоцка Иваном Грозным 15 февраля 1563 года (по Продолжению Летописца начала царства) 61
Описание Полоцкого наместничества 1780 года . 64
Взрыв 1964 года в Полоцке языком документов: как и кем был уничтожен Николаевский кафедральный собор 68
Подземелья Полоцка: легенды и факты . . 73
ЛЕОНАРДОВ Д. Памяти действительного члена Витебской Ученой Архивной Комиссии Ивана Ивановича Долгова. 1911 г. (К 80-летию со дня смерти). . . 77
Обращение Полоцко-Витебской епархии к жителям Полоцкой земли 81
ДАНЬКО Л. Ф. Краткая история Полоцкой градской церкви Покрова Пресвятыя Богородицы . . . 82

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

РЫЛЕЕВ К. Ф. Рогнеда 87
КАСЦЮК ЮРАСЬ. Стихи.
Роднае слова 90
«Гады ў горане жыцця...» . . . . . —
Першае каханне . . . . . —
«Свет супярэчлівы, як людзі...» . . . . . —
«Флегматыкаў і экспансіўных...» 91
«Не пакідай мяне развага...» . . . . . —
«Галлём нагружаныя сані...» . . . . . —
СОМ ЛЕРА. Стихи.
«Тишина со мной, и покой со мной...» . . . . —
«А говорят, ты бросила гитару...» . . . . . —
Война-1 92
Война-2 . . . . . —
«Вариаций на тему печали...» . . . . . —
«А мы в неведомой дали...» . . . . . —
Путешествия по звездным кабакам . . . . . —
Полоцк-1 93
Полоцк-2 94
Полоцк-3 . . . . . —
ЛИТВИНОВА НАТАЛИЯ. Стихи.
Максиму Богдановичу . . . . . —
Осень в городе . . . . . —
«Отливая синим и малиновым...» 95
«А мне плевать на роскошь городскую...» . . . —
В гостях у художника . . . . . —
КОНДРАШОВА ЕЛЕНА.
Музыканту 96
Верлибр . . . . . —
Маме . . . . . —
ДВИНСКАЯ ЯДВИГА. Из будущего сборника стихов «Святое кольцо».

К читателю 3

Под Вифлеемской звездой 97
Всем дорбым людям 98
Молитва . . . . . —
«О Мать-Земля! Поговори со мною...» . . . —
«Благословен тот день...» . . . . . —
«Сын Божий, отзовись!..» . . . . . —
«Слава! Отец Всевышний!..» . . . . . —
«В искупление тяжких грехов...» . . . . . —
Полоцку с устья Даугавы . . . . . —
«Рождество Спасителя Иисуса!..» 99
«София — Божия Премудрость!..» . . . . . —
«Ты моя духовная потеря...» . . . . . —
Баллада о монахе . . . . . —
«Молчанье — золото, а слово — серебро...» . . 100
«О как на свете стало трудно жить...» . . . —
«О Земля! Отчего не добра ты...» . . . . . —
«Черное крыло неизвестности...» . . . . . —
«Сын человеческий, верю...!» . . . . . —
«О как велик ты, человек земной...» . . . . —
«И вот опять одна у моря...» . . . . . —
«Куда мне деться от сомнений?..» 101
«С чего же начать?..» . . . . . —
«Вся наша жизнь...» . . . . . —
«В бешеном беге в бездну бегут...» . . . . . —
Реквием . . . . . —
«Что-то не пишется...» 102
Друзьям . . . . . —
Простите . . . . . —
«Один лишь дом на всей земле...» . . . . . —
«Половинка души...» . . . . . —
Менску . . . . . —
Сказание о Полоцке (поэма)
Рогнеда 103
Всеслав-Чародей 104
Евфросинья Полоцкая 105
БУНИН И. А. Князь Всеслав 107

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ»

(Вступление) 108
«Ну что ж, немыты и мятежны...» 109

НИЗКОВСКИЙ ПАВЕЛ. Басни в прозе.
Многогранная Брошка 110
Божий дар . . . . . —
Страж порядка . . . . . —

АГЕЕВ СЕРГЕЙ
Вечевой набат в Полотеске 111
«Сукнецо дырявое...» . . . . . —
След (поэма) . . . . . —
РАТКЕВИЧ АЛЕКСАНДР. Тайный час. Стихи.
Философия паука 113
«Растаял день. Всевластность ночи...» . . . . —
«Меня никто не избирал поэтом...» . . . . —
Сонет . . . . . —
Натюрморт с... . . . . —
Вещий сон Дюрера 114
«Хрустальна жизнь: красива и хрупка...» . . . —
Малина . . . . . —
Тайный час . . . . . —
Пророк . . . . . —
Безвременье (поэма) 115

СУДНИК АЛЕКСАНДР. Стихи.
«Предназначение Иуды...» 117
«Упади, словно птах на твердыню...» . . . . —
«Ну что ты! Плачь или не плачь...» . . . . —
Красное кладбище . . . . . —
«Я хотел бы прожить без врагов...» . . . . —
«Покойный сумрак. Брови. Веки...» . . . . —
«Кто сломлен подлостью своею...» . . . . . —
«Вообще ненавидеть — смешно...» 118
«Этот вычурный мир, словно выстрадан нами...» —

Полацкі летапісец

Гісторыка-літаратурны часопіс
№ 1

Полоцкий летописец

Историко-литературный журнал
№ 1

Ответственный секретарь Е. М. Парчинский
Оформление худ. Е. Г. Кондрашовой
Обложка худ. В. И. Галебо

Корректура выполнена работниками редакции.

Свидетельство о регистрации № 599.

Сдано в набор 15.06.92 г. Подписано в печать 03.08.92 г.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 14,4 (с обл.).Уч. изд. л. 15,8. Печать высокая. Зак. 1652. Тираж 3000 экз.

Цена договорная.

Отпечатано в Полоцкой типографии им. Ф. Скорины.

211400, г. Полоцк, ул. Фрунзе, 11.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Следует читать
6	—	3 снизу	4—Заплоцце	4—Запалоцце
9	правая	1 снизу	таварнай	тварнай
17	левая	16 снизу	Грмадзянская	Грамадзянская
19	левая	13 снизу	молодога	молодого
20	левая	эпиграф	впомнить	вспоминать
20	левая	9 сверху	зеверем	зверем
23	левая	34 сверху	года	рода
26	левая	6 снизу	стятыни	святыни
28	правая	17 снизу	Ззесь	Здесь
33	—	24 сверху	Кукейноса	Кукенойса
34	левая	11 сверху	Ружскому	Рижскому
42	правая	12 сверху	паполняют	пополняют
44	правая	24 снизу	принадлежащми	принадлежащими
46	левая	3 снизу	Местые	Местные
53	левая	5 снизу	підпіс	подпіс
74	правая	1-2 сверху	...откуда начинался ход, был изолирован от был в один ~~в один~~ из них вновь открыт...	...но, видимо, это не помогло, так как вход был в один из них вновь открыт, (далее по тексту).
80	левая	31 снизу	високим	высоким
80	левая	5 снизу	болорусском	белорусском
81	—	22 сверху	акие как	такие как
81	—	29 сверху	4. Покровская церковь XVII—XX вв.	4. Покровская церковь XVIII—XX вв.
82	левая	7 сверху	проспектов	проспекта
82	левая	21-22 сверху	постро-ен	постро-ек
87	правая	6 снизу	правязав	привязав
92	левая	«Война-2:» 2 сверху	старой	старый
92	левая	6 снизу	Н наслоениях	В наслоениях
95	левая	4 сверху	«Вдруг»	Вдруг (без кавычек)
105	левая	32 сверху	Всеслава взяли сыновьями	Всеслава взяли с сыновьями
105	правая	«Евфросинья Полоцкая»: 4 сверху (после эпиграфа)	Навзрыд от недугов рыдали.	Навзрыд от недругов рыдали.
114	левая	«Вещий сон Дюрера»: 10 сверху	с изобрежённым	с изображённым
114	левая	там же, 19 сверху	простой мужчина	простой мужичина
114	правая	«Тайный час», 6 снизу	прездник	праздник
118	—	3 снизу	хрусталинкн	хрусталики

Наличие спаренных двух букв «а» обусловлено сбоями линотипа.

При перепечатке материалов из дореволюционных изданий буква «ять» была заменена на «е», «еръ» в конце слов отбрасывался. Орфография в остальном оставлена без изменений.

ПОЛОЦКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ. 1992. № 1, 1—120.